

ISSN (ONLINE): 2312-2757

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Язык

и Текст

**Language
and Text**

INTERNATIONAL
ELECTRONIC JOURNAL

№2 (8) 2021

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Оглавление

№ 2 Том 8 2021

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Люди, звуки и окружающая среда. Эгейско-дагестанская связь

Тардиво Дж.4-20

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Апокрифические сюжеты об ангелах в «Палее Толковой»

Дергачева И.В.21-27

Копии, цитаты, пародии: итальянская рецепция творчества Федора Михайловича Достоевского

Ночера А.28-40

Мистический символизм художественного пространства текстов Ф.М. Достоевского (на примере повести «Хозяйка»)

Михайлова М.В.41-50

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХО-, СОЦИО- И ЭТНОЛИНГВИСТИКА

К вопросу об использовании сторителлинга на занятиях по РКИ в условиях турецко-русского билингвизма

Шеремет О.В., Оздемир Э.51-61

Межкультурная коммуникация с позиций лингвистики, экстралингвистики и социальной психологии

Корнев В.А., Мурашкина О.В.62-69

ПСИХОЛИНГВИСТИКА, СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА

Простые осложненные конструкции с причастными оборотами в рутульском языке

Махмудова С.М.70-76

Язык бесермян в свете исторических процессов коммуникации народов Урало-Поволжья

Робустова Е.В., Люкина Н.М.77-85

Способы и средства обеспечения безопасности образовательной среды в школе и вузе

Михалкин Н.В., Аверюшкин А.Н., Симонова С.А.86-102

Контрастивный анализ красных идиом на английском, русском языках и на иврите

Кигель Т.103-112

Context

№ 2 Volume 8 2021

GENERAL AND COMPARATIVE-HISTORICAL LINGUISTICS

People, Sounds and the Environment. The Ægean-Daghestani Connection

Tardivo Giampaolo4-20

WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Apocryphal Stories about Angels in "Paley Tolkova"

Irina V. Dergacheva.....21-27

Casts, Quotes, Parodies: the Italian Reception of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky's Work

Antonina Nocera28-40

Mystical Symbolism of the Artistic Space of Literary Texts of F.M. Dostoevsky (on the Example of the Story "The Landlady")

Mariya V. Mikhaylova41-50

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND PROBLEMS OF GLOBALIZATION: PSYCHO-, SOCIO- AND ETHNOLINGUISTICS

To the Question of the Use of Storytelling in the Classes on RCL in the Conditions of Turkish-Russian Bilingualism

Olga V. Sheremet, Elif Özdemir51-61

Intercultural Communication from the Position of Linguistics, Extralinguistics and Social Psychology

Vladimir A. Kornev, Olga V. Murashkina62-69

PSYCHOLINGUISTICS, SOCIOLINGUISTICS, ETHNOLINGUISTICS

Simple Complicated Constructions with Articipial Turns in the Rutul Language

Svetlana M. Mahmudova70-76

The Language of the Besermians in the Light of the Historical Communication Processes of the Peoples of the Volga-Urals Region

Elena V. Robustova, Nadezhda M. Liukina77-85

Ways and Tools to Ensure the Safety of the Educational Environment at School and University

Nikolay V. Mikhalkin, Aleksandr N. Averyushkin, Svetlana A. Simonova86-102

Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Red Idioms

Kigel Tali 103-112

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE-
HISTORICAL LINGUISTICS

Люди, звуки и окружающая среда. Эгейско-дагестанская связь

Тардиво Дж.

Падуанский университет, г. Падуя, Итальянская Республика

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9398-762X>, e-mail: gtardivo@googlemail.com

В соответствии с названием данной статьи, в ней рассматриваются два фактора: фонологическое исследование, которое включает в себя синхронический и диахронический аспекты между до-греческим и нахдагестанским языками. Некоторые слова в данной работе были проанализированы и тщательно изучены в различных аспектах: с точки зрения фонологии и с исторической семантической точки зрения. На протяжении всей статьи также отмечаются другие детали. Тем не менее, главная цель состоит в том, чтобы найти объяснение непонятным греческим словам, что в очередной раз «приводит» на горы Кавказа.

Ключевые слова: фонологическая ретроспектива, фонологический обзор догреческого языка, афerez, исторический аспект, нахско-дагестанские языки, лексические элементы.

Для цитаты: Тардиво Дж. Люди, звуки и окружающая среда. Эгейско-дагестанская связь [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 4–20. DOI:10.17759/langt.2021080201

People, Sounds and the Environment. The Aegean-Daghestani Connection

Tardivo Giampaolo

Padua State University, Padua, Italy,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9398-762X>, e-mail: gtardivo@googlemail.com

As the title suggests, on this occasion two factors are considered: A phonological survey, either way, Synchronic and Diachronic between Pre-Greek and Nakh-Daghestani languages. Then, a few words analyzed and scrutinized in various aspects; by phonology and from an historical Semantic perspective. Throughout the article, other details are also observed. Nevertheless, the main goal is to find an explanation for obscure Greek words, once again it leads on the mountain of the Caucasus.

Keywords: phonological retrospective, phonological review of pre-Greek, apheresis, historical aspect, Nakh-Dagestan languages, lexical elements.

For citation: Tardivo G. People, Sounds and the Environment. The Aegean-Daghestani Connection. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 4–20. DOI:10.17759/langt.2021080201 (In Russ.).

The phonological retrospective A comparative phonological perspective

New theories are – in general – seen with skepticism, which is perfectly conceivable. In order to demonstrate its validity, the core project must lean on a solid basis. In the Linguistic field, the correct method is known as «regular sound change». Of course, there are many words worldwide that resemble each other, however, the regular sound changes allow us to identify the real relationship between languages; outside of this specific method, it must be seen as Folk-etymologies or chance similarities.

The proposal of an ancient relationship between Greek and the Caucasian languages is not very news. In the past, some attempts to reconnect Georgian and unetymologized Greek words failed (Klimov 1984)¹. The main problem with the North Caucasian languages, is the lack of attested written sources, which is of great concern for scholars; and it is seen as a weak point. Despite the conceivable criticism, the oral form tends not to rapidly change over the time. According to M. G. Bartoli², more isolated and environmentally less accessible is the area, more conservative is the language (or are the languages); and the Caucasus mountain offers not only a great variety of languages, but also a unique linguistic richness.

The preservation of the Basque is due to the location in the Pyrenees mountains, the same as it occurs with (e.g.:) the Rumantsch in the Alps. It seems obvious that the environment plays an important role in the *continuum* of daily language usage. Only external contacts might affect – more or less – people's way to speak, and in the case of the Northern Caucasus, Islam means partial replacement of the original lexicon – and some morphological feature – with the Perso-Arab-Turkism borrowings/loanwords. Earlier than that, some words were already borrowed from other languages within the area (e.g.: Georgian, Armenian, Ossetian, etc...).

The picture as a whole is not always clear. Therefore, it is not a good reason for avoiding a linguistic investigation.

Among the aspects to take in consideration, the parallel evolution of the sound position. Most languages of the same group tend to develop in the same direction; it depends on the accent/intonation and any other phonological environment.

In the first part of this research paper, there are some phonological parallels between Pre-Greek and some Centro-Oriental Northern Caucasian languages. It is symptomatic that those languages developed in the same phonological manner; their changes are almost the same as the Pre-Greek.

The first part of the article is dedicated to phonological changes spotted by Beekes for the Pre-Greek. It might sound very unlikely that Daghestani languages and dialects also went to a similar event.

A preliminary phonological overview of the Pre-Greek

As we know, Beekes (2003, 2007, 2010, 2014) wrote extensively about Greek language and its

¹ Klimov, see Bibliography

² Bartoli, M., see Bibliography

phonological aspects. There are three main distinctive traits to take in consideration: Greek words of IE origin; borrowings from other languages, and some of unexplained origin. The last one is also split up between words with regular changes and words with random aspects.

Despite the effort to sieve the lexemes, Beekes met fierce criticism by scholars. His rational view of the Greek language is centered on «regular sound change, exceptionless»; for this reason, a second group of words are classified as Pre-Greek, and the last part are «of unknown origin».

In his description of the Pre-Greek lexemes, there are phonological changes very side by side to the North Caucasian languages, especially of the Central-Eastern family.

The first step is to go through his observations about the Pre-Greek phonological character, and from there, to see where it leads to.

Throughout the pages, both aspects are considered: Synchronic and Diachronic.

1. The opposition

Within Greek-IE, the opposition *voiced ~ voiceless ~ aspirated* are of primary importance, meanwhile the Pre-Greek set of consonants ignoring such opposition; e.g.: κοστή ~ γοσταί ἄ ἄ ‘barley’, Θαργήλια ~ Ταργήλια ‘the feast of T. before the harvest’, καλλαρίας ~ χελλαρίας ~ γελαρίας ‘a kind of cod-fish’, κάλχη ~ χάλκη ~ χάλχη ‘purple flower’, πέλλα ~ φελλεύς ‘stone’. It is already clear that the variation κ ~ γ ~ χ, τ ~ θ, π ~ φ expressed in this small word list are alien to the IE standard, at the same time, they are found within Daghestani languages; like in the Lezghian group:

Table 1

Lezghian group

Lezg.	Tabasar.	Agul	Rutul	Tsakhur	Budukh	Kryz	Khinal.	Archi	Udi
t', ts'	t', ts', tʃ'	t:, t', ts'	t', d	t', Ø	t'	t'	t', s	t'	t:, Ø
k, k'	k'	k'	k', ʔ	k'	k'	k'	k', Ø	k:	k:

However, the Pre-Greek language shows an alternative characteristic: a phonological frame completely different from the common IE scheme. In this case, the three main vowels (*a, i, u*) play an important role, as the opposition consists of *plain ~ palatalized ~ labialized* set of consonants; and the list – according to Beekes – is formed by three stops (*p, t, k*) and five continuous consonants (*s, r, l, m, n*); so

k – k^j – k^w;
t – t^j – t^w;
p – p^j – p^w;
etc...

In the Eastern Mediterranean area, neither the IE nor the Afro-Asiatic linguistic families display such peculiarity. Conversely, all North Caucasian languages shows this typology: C – Cⁱ – C^w.

2. The aphaeresis

The fluctuant presence of an *α-*, very inconsistent, described by Beekes as “The definition is ‘initial vowel’ that is present or absent in (nearly) identical forms”; for we cannot say whether the vowel disappeared or was added under certain circumstances.”, like ἀσφόδελος ~ σφόδελος, σφοδελός, σποδελός ‘asphodel, *Asphodelus ramosa*’, Ακακαλλίς ~ κακαλίς ‘narcissus flower’ (Brown 1985: 26-27, Tardivo-Kitselis 2019: 3).

Such aspect pose a question for the Aegean side, meanwhile, in the Daghestanian side, words are in #C. Such ambiguity is expressed only in the Aegean side; at the end, the result is:

Aegean : α-, Ø-.

Daghest.: Ø-, Ø.

For instance, Ακακαλλίς ~ κακαλίς ‘narcissus flower’ shows agreement with *gagali* ‘flower’ of the Tsezi language (Tsezic group).

It is quite possible that the α- works as an “article” or the like, in any form, a determinative; and because the morphological aspect is unclear, the debate still is open.

3. K-, T- > Ø-

According to Beekes “There are instances where a velar or a dental may be absent in initial position [...] As an explanation one could think here of an uvular, *q*.”. A good example is *καλινδέομαι* ~ *ἀλινδω* ‘to roll, to wallow’.

The same phonological aspect is also seen within the Andian group, like

- Andi *ɣ^won* ‘por / horn’, but

- Botlikh *β^wani*; Godoberi and Tindi *ʔ^wani*, *'uni*; Chamalal *'um(i)*; *'un(i)*, *'unu*; Bagulal *'un*; Karata (Tokita dialect) *ʔoni* ‘голова / head’.

This phonological development – within the Andian group – could be of the later period, however, it is difficult to ascertain the exact period of time.

So, in the Aegean side κ-, Ø-, which is not different from the uvulars (voiced stop and voiced fricative) exposed in *ɣ^w-*, *β^w-* > *ʔ^w-* > *ʔ* case.

Some lexical items

After the possible phonologic parallel, some words are well preserved throughout the time; and the partial «sound change» is not an obstacle for a comparison between the two wings of Anatolia. Their consistency is also helpful, it allow them to determine what kind of contacts existed since then.

The words taken in considerations are:

1. A group of children.
2. The fly [INSECT]
3. The sea urchin.
4. The house.

Despite the lexemes seems very casual, for some reasons, they have an interconnection from a glottochronological point of view, as explained in the discussion at the end.

Herds or people?

As Marielle Tsaroïeva wrote in her book “*Racines mésopotamiennes et anatoliennes des Ingouches et des Tchétchènes*” (2008) [Mesopotamian and Anatolian roots of the Chechens and Ingush], the title pointed up at the fact that the isolation of the Caucasian people were – throughout the time – not so real; and the language of each village (or *aul*) reveal some form of contacts with the external world. Like any other mountain place on Earth, the process takes ages to do so, however, it was relentless. This is the reason why a common root between North Caucasian languages and Greek (actually Pre-Greek) is possible.

Let’s take in consideration a very disputed case: βo α · γέλη παιδων. Λάκωνες ‘a group of ὕ ἄ children’ (Laconian), quoted by Hesychius.

Definition and other details begun with R.S.P. Beekes

Variant: Wrong accent according to DELG (Chantraine). βουόα· ἀγέλητις ‘a herd’ (*Etymologicon Magnum* [208, 6]; perhaps from βουσόα, to σεύειν ? But the original σσ would not have disappeared; Wahramann *Glotta* 17 (1929): 242 supposes an hyper archaism).

According to von Blumenthal 1930: 9, the world is Illyrian for φυή; this is semantically improbable. See Bechtel 1921, 2: 368f. and Kretschmer *Glotta* 17 (1929): 242.

This description is in full agreement with Chantraine’s words “[...] hypothèse en l’air qui ne va pas pour le sens. Un rapport avec βοῦς est plausible, mais par quelle dérivation?”³

Despite these basic notes, Rémy Viredaz (*Museum Helveticum*, 1992: 49, 4f.) wrote an interesting article on the subject: **Arcadien** βουσος, **Laconien** βουα. Later on, A. A. Déniz endorse Viredaz’s explanation in his article: “Linguistic notes on the Spartan ἀγωγή: βούα and βουαγός / βοαγός”.

The definition of γέλη ‘herd (of horses)’, but in Crete and at Sparta ‘bands in which boys were ἀ trained’⁴. More explanations are found in Déniz’s article: “Young boys enrolled in the Roman and imperial Spartan γωγή were given military, sportive, and musical training. Although the question is ἀ a matter of dispute, there is evidence that Spartan φηβοι were admitted to the γωγή within their ἑ ἀ own βά (Πιτανάται, Μεσοάται, Λιμναε ς, Κονο(h)ουρε ς and Νεαπολ ται) and divided into five ὠ ἰ ἰ ἰ groups according to age [...] This annual appointment was of some importance, for it was held only by boys belonging to the most prominent families and βουαγός was retained as an honorific title throughout adult life.”.

For this reason, Beekes’s translation of γέλη is ‘herd, troops’. So, the explanation of ἀ βο α · γέλη ὃ ἀ παίδων ‘a group of children’ seems very clear.

To summarize Viredaz and Déniz’s articles, their involvement of ancient Greek words for ‘cattle’ et sim. are not sufficient to retain this lexeme within the IndoEuropean linguistic family.

Both Chantraine and Beekes are right to suspect an external source, more likely to be a survival from the very early period (Bronze age), in other words, a substrata element.

As stated on several occasions, the North Caucasian area seems good enough for a serious comparison, a great source of information. Is worth it to quote Marielle Tsaroïeva and her explanation about “troops [et sim.]”.

“Or, le mot *b’atša* signifiait primitivement «chef de cents guerriers» (< *b’a* ou «cent» < *b’u* ou «troupe»), comme le capitaine des anciens Sémites”⁵, more specifically:

w’ou (Ingouche) et **b’ou** (Tchéchéne) «guerre», d’où les nomes des tours de guerre; *b’u* ou «armée» (v.), puis «attroupeement, foule, ramassis»; *w’ow-lo* et *b’ow-lo* ou «garde, gardien» *b’ow-xo* ou «guerrier»; *w’a-tša* et *b’a-tša* ou «commandant, capitaine; chef des cents (*b’a* étant «cent» < *b’u* «attroupeement»), élus par les guerriers lors des campagnes militaires”.

[Eng.: “The word *b’atša* originally it means «commander of 100 warriors» (< *b’a* ou «one hundred» < *b’u* or «troops»), like the captain of the Semites”, more specifically:

w’ou (Ingush) and **b’ou** (Chechen) «war», hence, words for war; *b’u* or «army» (v.), further «troops, crowd, bunch»; *w’ow-lo* and *b’ow-lo* or «guardian» *b’ow-xo* or «warrior»; *w’a-tša* and *b’a-tša* or «commander, captain; chef of 100 (*b’a* means «100» < *b’u* «troops»), etc....”].

Such preliminary explanation from the Central area, it goes straight away to the eastern side of the North Caucasian mountains chain, like Avar *bo* (-*jal*, -*l* // -*dul*, -*jal*) ‘народ, общество, ополчение, войско, рать / people, society, militia, army’. The oblique form is quite popular,

³ [an hypothesis with no sense. A relationship with βο ς is plausible, but the derivative form is problematic]

⁴ LSJ

⁵ M. Tsaroïeva, p. 275 and p. 277; see Bibliography

because it also is the denomination of the language itself “The literary language is based on the Khunzakh dialect which was also the basis of the old “bol mats’ ..” (“army language”), the common Avar *lingua franca*.”.

This word appear also in the Archi language (Lezghian group) as *botl* ‘народ, люди / people, nation’, probably a borrowing from the Avar language.

Based on this database, it seems that only Avar and Chechen-Ingush offers a valid proposal to the Pre-Greek βo α. From a Semantic perspective, both Aegean and Central-Daghestani languages bear ῥ the meaning of ‘troops’, hence, the transposition of «herd → group» will be more doubtful, as Chantraine pointed up in his comment.

The fly

In the Greek language, μv α is the common name for ‘fly’ (the insect), and it is of IE origin; ῥ however, in the Cretan record another word appear: θάπτα, which it is not of IE origin.

The detailed phonological description is well presented by Brown in two distinct paragraphs; as it shows two different forms in the Aegean side, and a Pre-Latin form in the Italic peninsula.

θ 102

“The Cretan word is to be connected with δάπτης “gnat” (Lykophron, 1403) and Latin *tabānus* “gadfly”, thus show a pre-Greek and pre-Latin alternation θ ~ δ ~ t. This should also be compared with gloss λ 409, see below.

Latte emends this gloss: θάπτρα · μv μα. Κρ τες. This would give a purely Greek explanation. ῥ ῥ There is, however, no reason to suspect that the text is corrupt. Furthermore, as it shown above, the Cretan word can be shown to have cognates from the same pre-Greek source”⁶.

λ 409

λάττα · μvῖα. Πολυρρήνιοι [MS].

λάττας · μvῖα. Πολυρρήνιοι [Latte]

“Latte’s emendation is on the assumption that λάττας is from an earlier *λάπτ ς, Doric for ā *λάπτης, from the verb λάπτω on the analogy of δάπτης and δάπτω. However, *λάπτης is not attested in Greek and to derive a word for “fly” from λάπτω is not convincing; and, in any case, λάπτω itself has no known etymology.

There is no reason to suppose that λάττα needs emendation. It is indeed for an earlier *λάπτα, showing the regressive assimilation of consonants that is typical of Cretan forms. But Polyrrenian λάπτα (←* λάπτα) should be compared to θάπτα, which is also found in Crete. The alternation of λ with dental plosive is a feature of certain pre-Greek borrowings. We thus have here a further form of the pre-Greek word for “fly” or “gnat”: Polyrrenian λάττα (← *λάπτα), Cretan θάπτα Greek δάπτης, Latin *tabānus*”⁷.

From a geographical point of view, this word (“fly”) go with ράχνη ~ ἄ arāneus ‘spider’, both are found exclusively in the Greek and Latin languages. In any form, all Daghestani languages (except a few) show a relationship with the Pre-Greek lexeme, and the phonological explanation is expressed in the commentary section below.

Table 2

Daghestani languages show a relationship with the Pre-Greek lexeme

⁶ Brown, op. cit., p. 57

⁷ Brown, op. cit., p. 77

Avar	<i>t'ot'</i>	3 rd class	муха / fly
Andi	<i>t'ent'a</i>	3 rd class	
Akhwakh	<i>t'it'i</i>	3 rd class	
Chamalal	<i>t'unt'</i>	3 rd class	
Tindi	<i>t'unt'u</i>	3 rd class	
Bezhta (Inkhokvarian), Tsez and Hinuq	<i>t'ut'</i>	3 rd class	
Bezhta	<i>t'ot'</i>	3 rd class	
Hunzib	<i>t'õt'</i>	3 rd class	
Darghin (Chirag)	<i>t'et'</i>	3 rd class	
Lezghian	<i>t^w'at'</i>	-	
Rutul	<i>did</i>	3 rd class	
Kryz	<i>t'it'</i>	3 rd class	
Agul	<i>t'ut'</i>	-	
Budukh	<i>t'ut'</i>	3 rd class	
Udi	<i>t:at:</i>	-	
Tsakhur	<i>t'ot'</i>	3 rd class	пчела / bee
Archi	<i>t'ant'</i>	3 rd class	
Pre-Greek	θάπτα		
Latin	<i>tabānus</i>		
<p>– Also in Chamalal (Gigatl) <i>t'unt'ú</i>. – In some Avar dialects <i>t'ut'</i> 'ib.'. – Within the Darghin area, Akusha, Tsudakhari, Sirhani <i>t'ent'</i>, Urakhi <i>t'ant'</i>, Muiri <i>t'int'</i>, Kajtaghi <i>t'ut'ar</i>, Kubachi <i>t'at'</i> 'ib.'. – In Akhwakh a derivative form: <i>t'it'ik:'o</i> 'слепень / horse-fly'. – The word is also used for 'bee'(in Hunzib), and in some languages (Tsez, Bezhta) it is a complementary word for 'bee ← honey + fly', but in Kryz 'bee ← honeycomb + fly'.</p>			

Comment.

The presence of a voiceless nasal in the Daghestani list is not in opposition to the labial sound; as the Lezghian language still is preserved through a labialized consonant (*t' - w*), expressed by other languages with a labial vowel (-*o/-u-*) (Tardivo 2020/1).

The attested Latin form shows *a -b-*. From this perspective, a process of labial sounds: *pⁱ > b > w* (*> *m*) *> n* is also possible. Furthermore, when the voiceless plosive turned to a nasal, the register tone changed, although the Andi and Tindi forms preserve the final syllable; such tonal development is expressed by the presence of a second voiceless plosive (-*t'*).

Nevertheless, the Rutul form in *d-/d* exposed here shows no opposition with the voiceless plosive, as already illustrated in the scheme.

From a socio-glottochronological analysis, it is self-evident that Greeks and Pre-Greeks shared lexical items, as $\mu\nu\alpha$ and $\theta\acute{\alpha}\pi\tau\alpha$ were both in use in the island of Crete. So, all the substrata $\tilde{\iota}$ elements are strong indications of the resilience over the time, and that is due to their ability to dominate Nature with technological advanced tools; that means, the attested form in Latin must be seen as a signal of knowledge that imply communication between areas of the Mediterranean Sea. The so-called Mediterranean substrata words are seen as remnants of unknown people living in the basin; and it is common opinion that different – perhaps unrelated – people used to live in those places, such as Greece, Italy, Anatolia.

There are no evidence of a common origin, but the hypothesis that Pre-Latin and Pre-Greek were connected – in somehow – is very high; like $\acute{\alpha}\rho\acute{\alpha}\chi\eta\eta \sim ar\acute{a}\tilde{n}eus$ ‘spider’, $\kappa\alpha\mu\acute{\alpha}\nu \sim campus$ ⁸ ‘field’ and some others.

The thorn

Even with a glimpse, the Caucasus is – geographically speaking – a mountain chain between Asia and Europe. Yet, the linguistic richness of the indigenous languages of the area include the word for ‘sea’, and this detail is quite amusing; or more realistically, a very questionable fact.

The maritime side of the Daghestan is represented by the Caspian Sea, which is difficult to reach from the highland settlements.

Conversely, the island of Crete – as such – is part of the Mediterranean Sea. Despite the environmental differences, the linguistic background shows a semantic application of terrestrial items to marine’s life.

This is the case of ‘sea-urchin’, a marine animal – as the name suggests – with thorny ends. There are two interrelated words for them: $\beta\rho\upsilon\tau\omicron\iota$ and $\beta\rho\acute{\upsilon}\sigma\sigma\omicron\varsigma$. As Beekes retrieve from ancient $\acute{\alpha}$ sources; in this case, mainly from Aristotle.

The definition and description is quoted here:

1. $\beta\rho\upsilon\tau\omicron\iota \cdot \chi\acute{\iota}\nu\omega\upsilon\theta\alpha\lambda\alpha\sigma\sigma\acute{\iota}\omega\upsilon\epsilon\delta\omicron\varsigma$ [m.] ‘a kind of sea-urchin’. $\acute{\alpha}\tilde{\epsilon}\tilde{\iota}$

Variations go directly to $\mu\beta\rho\upsilon\tau\tau\omicron\iota \cdot \epsilon\delta\omicron\varsigma\chi\acute{\iota}\nu\omega\upsilon\theta\alpha\lambda\alpha\sigma\sigma\acute{\iota}\omega\upsilon\iota\delta.$, $\beta\rho\acute{\upsilon}\tau\tau\omicron\varsigma$ (by Aristophanes), $\acute{\alpha}\tilde{\iota}\tilde{\epsilon}\tilde{\epsilon}\beta\rho\acute{\upsilon}\sigma\sigma\omicron\varsigma$ (by Aristoteles).

2. $\beta\rho\acute{\upsilon}\sigma\sigma\omicron\varsigma$ [m.] ‘a kind of sea urchin’.

Variations include $\mu\beta\rho\upsilon\tau\tau\omicron\iota \cdot \epsilon\delta\omicron\varsigma\chi\acute{\iota}\nu\omicron\upsilon\theta\alpha\lambda\alpha\sigma\sigma\acute{\iota}\omega\upsilon$, $\text{Αριστοτέλης α του } \acute{\alpha}\tilde{\iota}\tilde{\epsilon}\tilde{\epsilon}\tilde{\iota}\tilde{\upsilon}\tilde{\iota}\tilde{\upsilon}\tilde{\varsigma}\delta\epsilon\tilde{\upsilon}\beta\rho\acute{\upsilon}\tau\tau\omicron\upsilon\varsigma\kappa\alpha\lambda\epsilon$ ‘kind of sea urchin, also called $\beta\rho\acute{\upsilon}\sigma\sigma\omicron\varsigma$ by Aristoteles (Hesykhios) (also $\mu\beta\rho\upsilon\tau\tau\omicron\iota$); also $\beta\rho\acute{\upsilon}\tau\tau\omicron\varsigma\acute{\alpha}\tilde{\cdot}\epsilon\delta\omicron\varsigma\chi\acute{\iota}\nu\omicron\upsilon\pi\epsilon\lambda\alpha\gamma\acute{\iota}\omega\upsilon$, $\varsigma\phi\eta\sigma\iota\nu\text{Αριστοτέλης, ο δε } \acute{\alpha}\tilde{\iota}\tilde{\epsilon}\tilde{\epsilon}\tilde{\omega}\tilde{\cdot}\iota\tilde{\iota}\tilde{\alpha}\tilde{\eta}\tilde{\upsilon}\chi\theta\acute{\upsilon}\nu$, $\omicron\delta\epsilon\tilde{\upsilon}\tau\rho\iota\sigma\upsilon\lambda\lambda\acute{\alpha}\beta\omega\varsigma$, $\mu\beta\rho\upsilon\tau\tau\omicron\nu$, ν , Λάχης ποιε ‘some: a fish; others, with three syllable, $\mu\beta\rho\upsilon\tau\tau\omicron\nu$ [?]’ (Hesykhios; it cannot be $\tilde{\iota}\tilde{\alpha}$ concluded that the reading $\acute{\alpha}\mu\beta\rho\upsilon\tau\tau\omicron\iota$ is false).

The variants, together with the prenasalization, prove that this is a Pre-Greek word.

The first element to be considered, the aphaeresis of α -, as illustrated above and on other occasions (Tardivo-Kitselis 2019:3).

Table 3

The synchronic aspect of an aphaeresis is well manifest in this word

⁸ This association is not accepted by Mallory-Adams (p. 384)

ἄμβρυττοι	ἄμ-
ἄβρυτοί	ἄ-
βρύττος ~ βρύσσοσ	#C-

Other aspects to take in consideration, it is the fluctuant presence of the nasal labial sound (-μ-). The interchange of -ττ- ~ -τ- ~ -σσ- is of secondary importance. To resume the synchronic aspect, the root *βρυττ- / *βρυ- seems plausible.

Table 4

The Daghestani counterpart also abide this Rule, it only appears in two languages

Khwarshi (Inkhokvarian)	<i>boru</i>	3 rd class	колючка (или растения) / thorn, prickle
Lak	<i>bioru-w</i>	3 rd class	татарник / thistle, bur (<i>Onopordum acanthium</i>)
Pre-Greek	ἄμβρυττοι, ἄβρυτοί, βρύττος, βρύσσοσ		
– But (Lak) <i>bulru</i> in Kibrik&Kodzasov textbook.			

Comment. The two labial vowels (_o__u) manifest in the Daghestani side are syncopated in the Pre-Greek form (CVCV- > CCV-)

In the Western side of the North Caucasus, a more archaic form appear, more precisely in the Abkhaz language with *a-g r^wi*⁹, but in Abaza *gr^wi* ‘needle’ (as *g^w- > b, d*).

The aphaeresis of the α- seems evident, and the synchronic response is already expressed in the scheme. Even on this occasion, there are some key-points to substantiate the proposal. The ἄκακαλλίς ~ κακαλίς contra Tsezi *gagali* ‘flower’ (Tardivo-Kitselis 2019:3) could be seen as an isolated case.

Table 5

Such principle is quite regular, as expressed by the synchronic and diachronic scheme

Synchronic		Daghestanian lang.
ἄ-	Ø-	Ø- (#C-)
ἄκακαλλίς	κακαλίς	Tsezi: <i>gagali</i> ‘flower’
ἄμβρυττοι, ἄβρυτοί,	βρύττος, βρύσσοσ	Lak: <i>bioru</i> ‘thistle, bur (<i>Onopordum acanthium</i>)’

The Semantic passage, from «thorny plant» to «sea urchin» is equally unproblematic, as the phytonymic definition of ‘*Onopordum*’ is

Stout biennals, generally with spiny-winged stems and often covered with cobwebby hairs. Leaves spiny margined. (Wild flowers of the Mediterranean, p. 453)

⁹ But a-g ə^wər and g rə^w respectively, according to Chirikba

or even better (Wild flower of Crete, p. 248)

Leaves dentate, pinnately-lobed or pinnate, with prickles.

The connection between plants and animals are also attested in *κανθίων* ‘hedgehog’ < *κανθα* ἄ ᾗ ‘thorn, thistle (*Acanthus*)’; and *καλήφη*, *καλύφη* ‘stinging nettle, sea anemone’. Both of them ἄ ᾗ share the common detail of a «thorny» element.

This detail is also an indication of a semantic passage, how a plant name – based on its characteristics – was applied to a sea animal. This kind of application is pretty common in glottochronology.

Inside the house

Another word with ambiguous characteristics, where the original lexeme slightly changed due to climate reasons: *μυχός* ‘the innermost place, interior, corner, hiding-place, storage room’ (Iliad).

Furthermore, as Beekes stated “for the meaning in Homer see JHS 71 (1951): 203ff.”.

For some reasons (listed below), the IE explanation is rejected by Beekes.

As a fourth series of stops (**k^h*, etc.) is not assumed anymore, the genetic connection with Armenian *mxem* ‘to immerse’ (Frisk) is obsolete, but it was semantically doubtful anyway. The Germanic group of Old Norse *smjúga* ‘to slip in’, Middle High German *smiegen* ‘to nestle’ may theoretically derive from IE **smeug^h* -, like Greek, but the Germanic words may also go back to **smeuk* and correspond to Old Church Slavonic *smyakati se* ‘to drag on, cooper’, Lithuanian *smùkti* ‘to glide (away)’, etc. Furnée 364 thinks that is Pre-Greek but without further arguments (see *βυθός* and Furnée 254). One argument could be the gloss *βύσσαλοι*, if it really belongs here, another, the gloss *μοχοῖ* · ἐντός with a vocalic interchange.

To take in consideration *μυχοί* and its definition

μυχοί · α καταδύσεις, ο νδότατοι και ι ι ἐ ἄ ἔ ἦ ὀ πόκρυφοι, λιμένες, κοιλότητες. σχατα. καιὺ ταὺ ποιήματα. ταὺ ἐσώτερα μέρη.

μυχοί ‘deep end, harbour, hollow, interior’. In all respects, a synchronic conclusion is a root in **μυχ-*.

Even Chantraine explanation is not different from

Pas d’étymologie évidente pour ce terme expressif. Si l’ou pose un nom verbal signifiant quelque chose comme le fait de «se cacher» ou peut penser à mettre le radical **meugh-* / **muqh-* en rapport avec l’Arménienne *mxem* «enfoncer, plonger dans», etc., ou aussi avec un groupe de mots germaniques [...].

[No etyma for this expressive word. Perhaps a verbal root with the meaning of «to hide, to conceal» or a root in **meugh-* / **muqh-* related to the Armenian *mxem* «to sink» or some Germanic words....]

The Daghestani languages offer a reliable wordlist related to.

Table 6

The Semantic explanation in the comment section

Tsezi	<i>muxári</i>	4 th class	камин, дымоход / hearth, chimney
Bezhta	<i>múk'ol, mók'ol</i>	3 rd class	постель / bed
Akhwakh	<i>mék'u</i>	3 rd class	угол / corner
Tabasaran	<i>múq', muq^wár</i>	2 nd class	гнездо / nest
Darghin (Chirag)	<i>muq'</i>	3 rd class	
Agul	<i>mug</i>	-	
Lezghian	<i>mig</i>	-	
Pre-Greek	μυχός		
<p>– In Tsezi (Mokoki) <i>buxári</i> ‘ib’. – Darghin ‘гнездо змеи / snake’s nest’; also (Akusha) <i>puga</i>, (Urakhi) <i>muq'a</i>, (Kubachi) <i>muga</i>, (Kajtag) <i>meg</i> ‘гнездо / nest’. – In Tabasaran (Dubek) <i>múq'u</i> ‘ib.’. – Lezghian oblique forms: ERG. <i>mik:áni</i>, PLUR. <i>mik:ári</i>.</p>			

Comment.

According to Soysal, the Hattic word *muḫa* (*muḫ* ?) or *muḫal* ‘hearth [?]’. It might be included in the list; however, the doubtful translation is an obstacle to the connection.

The first step to consider is the ‘hearth’ in a very hot climate place. It will be a suicidal idea to have a fireplace inside the house, especially in the summertime. However, as Willets wrote “A house in the Middle Neolithic level 3 at Knossos had a room about 5m square, a door in one corner and a low platform in the corner furthest from the door, similar to the low sleeping platforms occasionally found in the Bronze Age palaces and houses. The walls seem to have been covered with clay plaster. The floor of beaten earth had a hearth sunk in the middle”¹⁰.

The description of ‘a hearth sunk in the middle’ is spotted also in the Anatolian area, as illustrated by Sagona&Zimansky with “After the first collapse of the wall residents built a circular freestanding house that was constructed entirely of mud bricks. An almost complete refit of an obsidian pebble reconstituted from the flakes collected on the floor demonstrates that stone working activities were clearly carried out in the house. In the centre of the house and built into the floor was a circular hearth that would have caught the eye as one entered the doorway on the western side”¹¹; a building technique already in use in the ancient Caucasus, as the excavations reveal that “The central wooden post was a common feature already in the early trans-Caucasian 1 period, and is well exemplified at Kvatskhelebi, where there was also a hearth beside the post. The need for the central post largely depends on the diameter of the houses, those at Shengavit, not all of this first period, being of six to eight meters. At Kültepe II there was a wide divergence, from little more than a hut (3.50 m.) to as much as 13 m. in diameter: here too were the central post, hearths and ovens [...].

The importance of the hearth has been much emphasized, especially at Kvatskhelebi, where, it has been suggested, the fire razed the village to the ground probably happened at the time when the inhabitants were enacting an important ritual centred round each family hearth.

¹⁰ Willets, pp. 44-45; see Bibliography

¹¹ Sagona&Zimansky, p. 164; see Bibliography

A factor supporting this suggestion is the decoration lavished on the portable hearths and stands which are so distinctive a feature of the whole Early Trans-Caucasian tradition. An altogether wider question is whether these portable hearths can in any way be compared with the ‘horns of consecration’ of Minoan Crete and their counterparts in the shrines excavated in the Early Bronze II levels (XVI-XIV) at Beycesultan, in south-western Anatolia”¹².

From the archaeological descriptions of a wider area, such as Aegean, Anatolian and Caucasian regions, the building technique shows the same configuration, a hearth situated in the middle, just behind the main post. Although, the main question waiting for a suitable response, and it is more likely that the «hearth» original denomination becoming a symbol of the centre, the “core” of the house in the Pre-Greek version; hence the Tsezi *muχári* preserve the original meaning, whilst in the Pre-Greek lost its main function, albeit it was in use as designation of the «innermost place, interior, corner». This semantic shift is pretty common among languages.

Needless to add that in antiquity, the house had a more simple and compact internal structure, so the inclusion of «bed» is easily explained by the custom of having a rough place to sleep close to the heath; also described as a «nest».

Furthermore, one part of the house was reserved for cultual reasons, and the “fire” always played an important role; especially for “spirit of the house (*домовой*)”, as it was common beliefs that he lives in the hidden part of the building.

Resume

The article is basically divided in two parts, the beginning is dedicated to a theoretical framework solely based on some phonological parallels between Aegean and Daghestani languages.

It might be seen as a casual aspect that the same pattern is manifest on both sides; a pure coincidence and no more than that. Actually, the tendency to follow the same development is typical of languages sprouting from a common source. Let see within IE family, two geographically distant groups are showing the same pattern: Gaelic (Celtic group) and Armenian (Armenian group); both them $p \rightarrow \emptyset$, like in *athair* and *h ay p* [hayr] ‘father’.

The different phonological grid was already a signal of a non-IE language; and the parallel sample exposed here, far from being complete, is an attempt to start with. The tendency is a good signal of common roots, in spite of all the manifest problems, such as unwritten records by Caucasian languages; and whether it is possible to have one, like Greek alphabet for Pre-Greek words, the arbitrary use of the letters in order to render the correct sound is not so precise. This aspect of sound variations is not due to misspelling (except in a few cases), the case has more to do with the random transcription of unfamiliar sounds produced by the speakers; such as co-articulated sounds. The key factor is the preceding vowel, a very hard task to assess with an unknown phonological set. A good example is the Persian language written in Arabic alphabet.

As mentioned at the begin, the selected words have common traits. Their linearity is expressed by phonological analysis and historical semantic development. All the words listed here are phonologically reliable.

β -, as Chechen, Avar, Khwarshi and Bezhta *b*-

$\theta \sim \tau$ in all Daghestani languages are $t' \text{--} / \text{--} t'$.

χ has a counterpart with $\chi / q' / k'$.

In all respects, the phonological analysis – of the opposition – at the beginning is manifested in the sample. However, the *θάρτα* case seem to contraddict the assumption of a linearity of sounds

¹² The peoples of the hills, p. 56; see Bibliography

correspondences; at the same time, it is not ignored the fact that a voiceless dentalveolar plosive affect the preceding bilabial sound (-*π*-), and obviously, the nasal sound in the Daghestani languages is harmonized to the dentalveolar consonant. Furthermore, the labialized environment is not abandoned in full, as the Lezghian in primis (*t^w* -), and most of the other languages have a labial vowel (-*o*- / -*u*-).

The historical aspect

The second aspect to consider is Semantic development. The cases of βο α and θάπτα, their ὄ meaning are unaffected by the geochronological factor. Meanwhile, βρύσσος and μυχός shows an adaptation to the environment, from a phytonym to a marine animal with the same characteristics (βρύσσος); then, the «hearth» (μυχός) placed at centre of the house used in topological sense only.

Even in ancient times, despite the harsh environment and their level of technical knowledge, the communication between areas was not impossible. The sample listed here is a pale signal of how people moved from one place to another and – at the same time – their lexicon did not change it, actually, it went to an adaptation in the colonized place.

The archaeological description and the literary sources are also supportive of the Aegean-Caucasian common origin. Since the beginning of the language classifications, it was not always possible to rely on a simple linguistic database, the lack of evidence or a contradiction between word applications were unveiled by the support of other disciplines.

Conclusions

The synchronic and diachronic perspective are less controversial that it might seem, they both abide to the same «regular sound change»; and some evidence is seen in the sample of a few words illustrated throughout the article.

The proposal is another Byzantine piece of the mosaic in the linguistic field. The consideration of several factors, such as archaeology, botanics, literary sources are supportive and explicative of the language dynamics, where the original words were adapted to the new environment.

Литература

1. Генко А. Табасаранско-Русский словарь. 2005. М.: Academia, 320 с.
2. Гимбатова М.М. Аварско-Русский словарь. 2006. М.: ДНЦ РАН, 2096 с.
3. Гудава Т.Е. Консонантизм Андийских языков. 1964. Т.: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 221 с.
4. Джампаоло Т., Китселис Ф. Прометей или Амирани. Обновленное исследование о до-греческом субстрате и его происхождении [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. № 3. С. 56–69. DOI:10.17759/langt.2019060307
5. Исаков И.А., Халилов М.Ш. Гинухско-Русский словарь. 2005. М.: ДНЦ РАН, 617 с.
6. Исаков И.А., Халилов М.Ш. Гунзибско-Русский словарь. 2001. М.: Наука, 284 с.
7. Исмаилова Э.И. Русско-Рутульский словарь. 2011. М.: ИЯЛИ, 342 с.
8. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение Дагестанских языков. Глагол. 1990. М.: Изд-во МГУ, 225 с.
9. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение Дагестанских языков. Имя. Фонетика. 1990. М.: Изд-во МГУ, 366 с.
10. Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь Кавказских языков. Сопоставление основной лексики. 2003. М.: Восточная литература, 510 с.

11. Магомедова М.И. Диалектологический словарь Аварского языка. 2008. М.: Наука, 483 с.
12. Магомедова П.Т. Тиндийско-Русский словарь. 2003. М.: ДНЦ РАН, 618 с.
13. Магомедова П.Т. Чамалинско-Русский словарь. 1999. М.: Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы, 436 с.
14. Магомедова П.Т., Абдулаева И.А. Ахвахско-Русский словарь. 2007. М.: Изд-во ДНЦ РАН, 727 с.
15. Мейланова У.А. Будухско-Русский словарь. 1984. М.: Наука, 251 с.
16. Мусаев С.М. Лексика Даргинского языка (Сравнительно-исторический анализ). 1978. М.: Изд-во Дагестанского университета, 129 с.
17. Рамазанов М.Р. Агульско-Русский словарь. 2010. М.: Лотос, 710 с.
18. Салимов Х.С. Гагатлинский говор Андийского языка. 2010. М.: ИЯЛИ, 420 с.
19. Талибов Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. 1980. М.: Наука, 350 с.
20. Талибов Б., Гаджиев М. Лезгинско-Русский словарь. 1966. М.: Сов. Энциклопедия, 603 с.
21. Тардиво Дж. Лабиализация в эгейских и нахско-дагестанских языках [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 1. С. 109–120. doi:10.17759/langt.2020070111
22. Хайдаков С.М. Лакско-Русский словарь. 1962. М.: ГИС, 422 с.
23. Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь Дагестанских языков. 1973. М.: Наука, 179 с.
24. Халилов М.Ш. Бежтинско-Русский словарь. 1985. М.: Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы, 418 с.
25. Халилов М.Ш. Цезско-Русский словарь. 1999. М.: Academia, 454 с.
26. Ханмагомедов Б.Г.-К., Шалбузов К.Т. Табасаранско-Русский словарь. 2001. М.: Наука, 475 с.
27. Чумакина М.Э., Corbett G.G., Brown D., Kuilliam, H. Словарь Арчинского языка. 2007. М.: Серии б/и ЛАТИНИЦА, буква S, 410 с.
28. Bartoli M. Saggi di linguistica spaziale. 1945. Т.: Vincenzo Bosa, 338 p.
29. Beekes R.S.P. Etymological dictionary of Greek. 2010. L.-B.: Brill, 930 p.
30. Beekes R.S.P. Pre-Greek. The Pre-Greek loans in Greek. 2017. L.-B.: Brill, 193 p.
31. Beekes R.S.P. Pre-Greek: Phonology, morphology, lexicon. 2014. L.-B.: Brill, 181 p.
32. Blamey M., Grey-Wilson C. Wild flowers of the Mediterranean. A complete guide to the islands and the coastal regions. 2004. L.: Bloomsbury Publishing PLC, 560 p.
33. Brown R.A. Evidence for Pre-Greek speech on Crete from Greek alphabetic sources. 1985. А.: А.М. Hakkert, 408 p.
34. Burney C., Lang D.M. The peoples of the hills. Ancient Ararat and Caucasus. 1971. L.: Weidenfeld and Nicolson, 336 p.
35. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue Grecque. Histoire des mots. 1968. P.: Klincksieck, 364 p.
36. Chirikba V.A. A dictionary of common Abkhaz. 1996. L.-B.: Brill, 142 p.
37. Déniz A.A. Linguistic notes on the Spartan γωγή· βούα and βουαγός/ βουαγός // Glotta; Zeitschrift Für Griechische Und Lateinische Sprache. 2012. Vol. 88. P. 9-30. DOI:10.2307/41756393
38. Geiger B., Kuipers A.H. Peoples and languages of the Caucasus. A synopsis. Aja's Gravenhage 1959. The H.: 'S-Gravenhage: Mouton & Co, 79 p.
39. Klimov A. Lexikalische Zeugnisse ältester indoeuropäisch-kartwelischer Kontakte // Sprachen Kaukasiens. 1984. J.: Friedrich-Schiller, 120 p.

40. Liddell S.J. A Greek-English lexicon. 1996. O.: Clarendon Press, 2011 p.
41. Mallory J.P., Adams D.Q. The Oxford introduction to Proto-Indo-European and the Proto- Indo-European world. 2006. O.: Oxford University Press, 731 p.
42. Sagona A., Zimansky P. Ancient Turkey. 2009. L.-N.Y.: Routledge, 420 p.
43. Sfikas G. Wild flowers of Crete. 2005. A.: Gardners Books, 310 p.
44. Soysal O. Hattischer Wortschatz in heithitischer Textüberlieferung. 2004. L.-B.: Brill, 1029 p.
45. Tsaroïeva M. Racines mésopotamiennes et anatoliennes des Ingouches et des Tchétchènes. 2008. P.: Riveneuve editors, 329 p.
46. Viredaz R. Arcadien βοῦσοϛ, laconien βοῦα // Museum Helveticum. 1992. Vol. 49. № 4. P. 217-222. URL: <https://www.jstor.org/stable/24817901> (дата обращения: 08.04.2021).
47. Willets R. The civilization of ancient Crete. 1976. N.Y.: University of California Press, 299 p.

References

1. Genko A. Tabasaransko-Russkii slovar'. 2005. Moscow: Academia, 320 p. (In Russ.).
2. Gimbatova M.M. Avarsko-Russkii slovar'. 2006. Makhachkala: DNTs RAN, 2096 p. (In Russ.).
3. Gudava T.E. Konsonantizm Andiiskikh yazykov. 1964. Tbilisi: Publ. Akad. nauk Gruz. SSR, 221 p. (In Russ.).
4. Dzham Paolo T., Kitselis F. Prometei ili Amirani. Obnovlennoe issledovanie o do-grecheskom substrate i ego proiskhozhdenii. *Yazyk i tekst=Language and Text*, 2019. Vol. 6, no. 3, pp. 56–69. DOI:10.17759/langt.2019060307 (In Russ.).
5. Isakov I.A., Khalilov M.Sh. Ginukhsko-Russkii slovar'. 2005. Makhachkala: DNTs RAN, 617 p. (In Russ.).
6. Isakov I.A., Khalilov M.Sh. Gunzibsko-Russkii slovar'. 2001. Moscow: Nauka, 284 p. (In Russ.).
7. Ismailova E.I. Russko-Rutul'skii slovar'. 2011. Makhachkala: IYaLI, 342 p. (In Russ.).
8. Kibrik A.E., Kodzasov S.V. Sopostavitel'noe izuchenie Dagestanskikh yazykov. Glagol. 1990. Moscow: Publ. MGU, 225 p. (In Russ.).
9. Kibrik A.E., Kodzasov S.V. Sopostavitel'noe izuchenie Dagestanskikh yazykov. Imya. Fonetika. 1990. Moscow: Publ. MGU, 366 p. (In Russ.).
10. Klimov G.A., Khalilov M.Sh. Slovar' Kavkazskikh yazykov. Sopostavlenie osnovnoi leksiki. 2003. Moscow: Vostochnaya literatura, 510 p. (In Russ.).
11. Magomedova M.I. Dialektologicheskii slovar' Avarskogo yazyka. 2008. Moscow: Nauka, 483 p. (In Russ.).
12. Magomedova P.T. Tindiisko-Russkii slovar'. 2003. Makhachkala: DNTs RAN, 618 p. (In Russ.).
13. Magomedova P.T. Chamalinsko-Russkii slovar'. 1999. Makhachkala: In-t yaz., lit. i iskusstva im. G. Tsadasy, 436 p. (In Russ.).
14. Magomedova P.T., Abdulaeva I.A. Akhvakhsko-Russkii slovar'. 2007. Makhachkala: Publ. DNTs RAN, 727 p. (In Russ.).
15. Meilanova U.A. Budukhsko-Russkii slovar'. 1984. Moscow: Nauka, 251 p. (In Russ.).
16. Musaev S.M. Leksika Darginskogo yazyka (Sravnitel'no-istoricheskii analiz). 1978. Makhachkala: Publ. Dagestanskogo universiteta, 129 p. (In Russ.).
17. Ramazanov M.R. Agul'sko-Russkii slovar'. 2010. Makhachkala: Lotos, 710 p. (In Russ.).
18. Salimov Kh.S. Gagatlinskii govor Andiiskogo yazyka. 2010. Makhachkala: IYaLI, 420 p. (In Russ.).
19. Talibov B. Sravnitel'naya fonetika lezginskikh yazykov. 1980. Moscow: Nauka, 350 p. (In Russ.).

Russ.).

20. Talibov B., Gadzhiev M. *Lezginско- Russkii slovar'*. 1966. Moscow: Sov. Entsiklopediya, 603 p. (In Russ.).
21. Tardivo Dzh. Labializatsiya v egeiskikh i nakhsko-dagestanskikh yazykakh. *Yazyk i tekst=Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 109–120. DOI:10.17759/langt.2020070111
22. Khaidakov S.M. *Laksko-Russkii slovar'*. 1962. Moscow: GIS, 422 p. (In Russ.).
23. Khaidakov S.M. *Sravnitel'no-sopostavitel'nyi slovar' Dagestanskikh yazykov*. 1973. Moscow: Nauka, 179 p. (In Russ.).
24. Khalilov M.Sh. *Bezhtinsko-Russkii slovar'*. 1985. Makhachkala: In-t yaz., lit. i iskusstva im. G. Tsadasy, 418 p. (In Russ.).
25. Khalilov M.Sh. *Tsezsko-Russkii slovar'*. 1999. Moscow: Academia, 454 p. (In Russ.).
26. Khanmagomedov B.G-K., Shalbutov K.T. *Tabasaransko-Russkii slovar'*. 2001. Moscow: Nauka, 475 p. (In Russ.).
27. Chumakina M.E., Corbett G.G., Brown D., Kuilliam, H. *Slovar' Archinskogo yazyka*. 2007. Makhachkala: Serii b/i LATINITsA, bukva S, 410 p. (In Russ.).
28. Bartoli M. *Saggi di linguistica spaziale*. 1945. Torino: Vincenzo Bosa, 338 p.
29. Beekes R.S.P. *Etymological dictionary of Greek*. 2010. Leiden-Boston: Brill, 930 p.
30. Beekes R.S.P. *Pre-Greek. The Pre-Greek loans in Greek*. 2017. Leiden-Boston: Brill, 193 p.
31. Beekes R.S.P. *Pre-Greek: Phonology, morphology, lexicon*. 2014. Leiden-Boston: Brill, 181 p.
32. Blamey M., Grey-Wilson C. *Wild flowers of the Mediterranean. A complete guide to the islands and the coastal regions*. 2004. London: Bloomsbury Publishing PLC, 560 p.
33. Brown R.A. *Evidence for Pre-Greek speech on Crete from Greek alphabetic sources*. 1985. Amsterdam: A.M. Hakkert, 408 p.
34. Burney C., Lang D.M. *The peoples of the hills. Ancient Ararat and Caucasus*. 1971. London: Weidenfeld and Nicolson, 336 p.
35. Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue Grecque. Histoire des mots*. 1968. Paris: Klincksieck, 364 p.
36. Chirikba V.A. *A dictionary of common Abkhaz*. 1996. Leiden-Boston: Brill, 142 p.
37. Déniz A.A. Linguistic notes on the Spartan γωγή· βούα and βουαγός/ βοαγός. *Glotta; Zeitschrift Für Griechische Und Lateinische Sprache*. 2012. Vol. 88, pp. 9-30. DOI:10.2307/41756393
38. Geiger B., Kuipers A.H. *Peoples and languages of the Caucasus. A synopsis*. Aja's Gravenhage 1959. The Hague: 'S-Gravenhage: Mouton & Co, 79 p.
39. Klimov A. *Lexikalische Zeugnisse ältester indoeuropäisch-kartwelischer Kontakte. Sprachen Kaukasiens*, 1984. Jena: Friedrich-Schiller, 120 p.
40. Liddell S.J. *A Greek-English lexicon*. 1996. Oxford: Clarendon Press, 2011 p.
41. Mallory J.P., Adams D.Q. *The Oxford introduction to Proto-Indo-European and the Proto- Indo-European world*. 2006. Oxford: Oxford University Press, 731 p.
42. Sagona A., Zimansky P. *Ancient Turkey*. 2009. London-New York: Routledge, 420 p.
43. Sfikas G. *Wild flowers of Crete*. 2005. Athens: Gardners Books, 310 p.
44. Soysal O. *Hattischer Wortschatz in heithitischer Textüberlieferung*. 2004. Leiden-Boston: Brill, 1029 p.
45. Tsaroïeva M. *Racines mésopotamiennes et anatoliennes des Ingouches et des Tchétchènes*. 2008. Paris: Riveneuve editors, 329 p.
46. Viredaz R. *Arcadien βουσοç, laconien βουα*. *Museum Helveticum*, 1992. Vol. 49, no. 4, pp. 217-222. Available at: <https://www.jstor.org/stable/24817901> (Accessed 08.04.2021).

Тардиво Дж.
Люди, звуки и окружающая среда. Эгейско-
дагестанская связь
Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 4–20.

Tardivo G.
People, Sounds and the Environment. The Aegean-
Daghestani Connection.
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 4–20.

47. Willets R. The civilization of ancient Crete. 1976. New York: University of California Press, 299 p.

Информация об авторах

Джампаоло Тардиво, Преподаватель лингвистики, Падуанский университет, Италия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9398-762X>, e-mail: gtardivo@gmail.com

Information about the authors

Tardivo Giampaolo, Professor of linguistics, Padua State University, Italy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9398-762X>, e-mail: gtardivo@gmail.com

Получена 01.05.2021
Принята в печать 15.05.2021

Received 01.05.2021
Accepted 15.05.2021

Апокрифические сюжеты об ангелах в «Палее Толковой»

Дергачева И.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>, e-mail: krugh@yandex.ru

В древнерусской Палее, начинающейся с рассказа о сотворении мира с обширными толкованиями, заимствованными из произведений Севериана Габальского, Василия Великого, толкований Иоанна Златоуста на Книгу Бытия, сочинений Епифания Кипрского, «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского, появление ангелов предшествует творению земного мира. Учение об ангельских чинах основано на свидетельствах Ветхого Завета о серафимах, херувимах, силах, ангелах и новозаветных сведениях о престолах, господствах, властях, началах, архангелах. В ранней патристике классификация небесных сил принадлежит Григорию Богослову, а также Кириллу Иерусалимскому. Систематическое учение об иерархии небесных сил принадлежит Дионисию Ареопагиту: в его сочинении «О небесной иерархии».

Ключевые слова: Палея, генезис, ангельские чины, Апокалипсис, Дионисий Ареопагит, догматическое богословие, экзегеза.

Для цитаты: Дергачева И.В. Апокрифические сюжеты об ангелах в «Палее Толковой» [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 21–27. DOI:10.17759/langt.2021080202

Apocryphal Stories about Angels in "Palea Tolkova"

Irina V. Dergacheva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>, e-mail: krugh@yandex.ru

In the Old Russian Palea, which begins with a story about the creation of the world with extensive interpretations borrowed from the works of Severian of Gabala, Basil the Great, the interpretations of John Chrysostom on the Book of Genesis, the works of Epiphanius of Cyprus, "The Six Days" by John the Exarch of Bulgaria, the appearance of the earthly angels precedes the creation of the earthly world. The doctrine of the angelic ranks is based on the testimonies of the Old Testament about seraphim, cherubim, powers, angels and the New Testament information about thrones, dominions, powers, principles, archangels. In early patristics, the classification of heavenly powers belongs to Gregory the Theologian, as well as to Cyril of Jerusalem. The systematic doctrine of the hierarchy of heavenly forces belongs to Dionysius the Areopagite: in his work "On the heavenly hierarchy."

Keywords: Palea, genesis, angelic ranks, Apocalypse, Dionysius the Areopagite, dogmatic theology, exegesis.

For citation: Dergacheva I.V. Apocryphal Stories about Angels in "Paley Tolkova". *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 21–27. DOI:10.17759/langt.2021080202 (In Russ.).

Введение

Слово «**а́нгел**» произошло «от греч. ἄγγελος — букв. «вестник» [9, с. 14]. По апостолу Павлу, Ангелы – «служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение» (Евр 1. 14). В послании Колоссянам 2:18 подчеркивается сакральность данной темы: «Никто да не оболыцает вас самовольным смиренномудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеваясь плотским своим умом...». Учение об ангельских чинах, изложенное в Палее, основано на свидетельствах Ветхого и Нового заветов, а также экзегезе отцов церкви, осмысливших и развивших полученные представления.

В книгах Ветхого и Нового заветов слово «ангел» в различных словоформах встречается 348 раз [7]. Ветхозаветное предание об ангелах тесно связано с мессианскими ожиданиями, поэтому на ранних этапах священной истории упоминания об ангелах встречаются относительно редко. С усилением мессианских ожиданий явления ангелов людям становятся более частыми. Особенно много в Ветхом Завете присутствует описаний явления ангелов ветхозаветным праведникам, ибо через них Господь являет первых христианам свое бытие и объявляет свою волю. Как подчеркивает Дионисий Ареопагит, «закон... был дан нам через ангелов... И славных наших отцов, [живших] до закона и после [того], как был дан закон, возводили к Божеству ангелы, или научая, что должно делать и проводя к прямому пути истины от прелести и жизни нечестивой, или истолковательно открывая священные чины, или сокровенные видения надмирных тайн, или некие божественные предсказания» [2, с. 242, 243]. Ангелы фигурируют в ключевых событиях бытийной истории. Они служат Богу, воспевая песнь (серафимы в Книге пророка Исаии 6. 3), предстоят пред Богом, когда Он объявляет Свою волю (Иов 1. 6), являются по повелению Божию для помощи человеку (Ис 6. 7) или для его наказания (2 Цар 24. 16), объявляют будущие судьбы народу (Дан 8. 16-26) и приносят Богу его молитвы (Тов 12. 12; Откр 5. 8; 8. 3). Явления ангелов сопровождают многие евангельские события: архангел Гавриил передает благовест Захарии и Деве Марии (Лк 1. 19; 26), ангелы славословят Рождество Христово (Лк 2. 9-14), помогают Спасителю в Гефсиманском борении (Лк 22. 43), возвещают о Его Воскресении (Мф 28. 5-7), разъясняют апостолам смысл Вознесения Иисуса Христа (Деян 1. 10-11). «Сам Иисус, надсущностная Причина наднебесных сущностей... благопокорно повинуется указаниям Отца и Бога, [даваемым] через ангелов» [4, с. 245].

Особенно много говорится о роли ангелов в судьбе мира и человечества в Апокалипсисе, в связи с пророчествами о конце мира. Руководимые архистратигом Михаилом, они с начала времен ведут брань против сатаны, и они же будут сопровождать Христа во время Его Второго пришествия.

В древнерусской Палее, начинающейся с рассказа о сотворении мира с обширными толкованиями, заимствованными из произведений Севериана Габальского, Василия Великого, толкований Иоанна Златоуста на Книгу Бытия, сочинений Епифания Кипрского,

“Шестоднева” Иоанна экзарха Болгарского, появление ангелов предшествует творению земного мира:

«Превечный Бог, безначальный и бесконечный, будучи Богом сил, сначала сотворил огненных духов — своими ангелами и слугами, — как о том божественный Давид писал в 103-м псалме. Всего Бог сотворил 10 чинов: первый чин — ангелы, второй чин — архангелы, третий чин — начала, четвертый — власти, пятый — силы, шестой — престолы, седьмой — господства, восьмой — многоокие херувимы, девятый чин — шестикрылые серафимы; к десятому чину [относились] те, кто превратился в демонов» [4, с.13] . Далее Господь выстроил иерерхию: *«Над всеми силами каждого чина Господь Бог поставил старшин, воевод и начальников чинов»* [4, с.13] . Связь двух миров – ноуменального и материального, это единство двух структур – духа и вещества. Первое метафизическое пространство находится выше вещественного пространства феноменов.

Описав сотворение ангелов, автор Палеи задается вопросом, *«отчего Моисей не начал описывать [творение] с ангелов, но, не упомянув ни словом о множестве вышних сил, начинает с неба и земли?»* [4, с.13] Почему он повествует, что *«В начале сотворил Бог небо и землю»* (Быт 1: 1). Задав вопрос, автор Палеи сам же отвечает на него таким образом: *«Божественный Моисей, оставив все вышнее, немедленно приступил к описанию [творения неба и земли], дабы сыны израильские оставили египетское безбожие, ибо уши их полны египетских соблазнов»* [4, с.14].

Вопрос о первичности сотворения невидимого мира на протяжении веков являлся предметом богословских споров. Однако это мнение, которое разделял и автор Палеи, оказалось наиболее распространенным среди отцов церкви, вошло в катехизисы и пособия по догматическому богословию. Его поддерживали Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский, Анастасий Синаит и пр.

Так, Василий Великий в первой беседе на Шестоднев о начале мира вышних духов писал: *«Еще ранее бытия мира было некоторое состояние, соответствующее премирным силам, превышее времени, вечное, всегда продолжающееся. В нем-то Творец и Зиждитель всяческих совершил создания — мысленный свет, приличный блаженству любящих Господа, разумные и невидимые природы и все украшение умосозерцаемых тварей, превосходящих наше разумение, так что нельзя изобрести для них и наименований. Они-то наполняют собою сущность невидимого мира, как научает нас Павел, говоря: ибо Им создано все... видимое и невидимое: Престолы ли, Господства ли, Начальства ли, Власти ли (Кол 1, 16), и ангельские воинства, и архангельские чиновачали»* [8].

Аналогично высказывался и Григорий Богослов: *«... прежде всего Он вымышляет ангельские и небесные силы»*. Его мнение разделял Иоанн Дамаскин: *«Я же соглашюсь с Богословом. Ибо надлежало, чтоб прежде всего была создана постигаемая только умом сущность»* [6, с. 121]. С ними были содидарны Иероним, Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский. «К заключению о том, что ангелы могли быть сотворены прежде всякой материальности, подводит книга Иова, в которой говорилось, что творение в первый день мироздания осуществлялось Богом при общем радостном ликовании “сынов Божиих” (Иов. 38: 4-7)»[4, с.529].

Однако в экзегетической литературе описаны и другие представления. В ветхозаветной апокрифической книге Юбилеев акт творения Ангелов одновременен творению неба и природных стихий: *«Ибо в первый день Он сотворил небеса, которые вверху, и землю, и воды, и всех духов, которые Ему служат, и Ангелов лица, и Ангелов прославления, и Ангелов*

духа огня, и Ангелов духа ветров, и Ангелов облачных духов мрака, и града и инея, и Ангелов долин, и громов и молний, и Ангелов духов холода и зноя, зимы и весны, осени и лета, и Ангелов всех духов Его творений на небе, и на земле, и во всех долинах, и духов мрака и света, и утренней зари, и вечера, которые Он приготовил по предвидению Своей премудрости». [1].

В.В. Мильков отмечает, что «именно эту точку зрения в дальнейшем последовательно воспроизводит Составитель Палеи, который опирался на Епифания Кипрского и антиохийские источники компиляции, сохранившие ветхозаветные апокрифические трактовки. Но все рассуждения о том, что ангелы стихий возникают вместе со стихиями, не вяжутся с тезисом зачина о первотворении ангельском. Неустраненное противоречие, видимо, связано с компилятивным характером памятника. В общем и целом палейная ангелология восходит к ветхозаветной апокрифической традиции, развивавшей мотивы «Книги Юбилеев» и приурочивавшей появление духовных существ к первому дню творения. [4, с. 529].

Действительно, как только автор Палеи начинает подробно описывать служебные обязанности Ангелов, он определенно относит их появление к первому дню творения: *«[Ангелы же] суть служебные духи, посылаемые на службу: ангелы облаков, ангелы тумана, ангелы града, ангелы льда, ангелы туч, ангелы изморози, ангелы инея, ангелы мороза, ангелы росы, ангелы звуков, ангелы молнии, ангелы грома, ангелы зноя, зимы и лета, весны и осени — словом, всех созданий Его. Все эти дела (вещи), неизреченные, непостижимые и недоступные уму, Владыка Господь Бог в первый день своею мудростью сотворил»* [4, с.17].

Текст Палеи Толковой буквально пронизан апокрифическими аллюзиями, интертекстуален. Автор Палеи, блестящий знаток экзегезы, анализируя тексты Священного писания на интересующие его темы, дополняет их содержанием текстами, почерпнутыми и из апокрифических книг. Так, например, упоминая описания апостолом Павлом ангельского служения, содержащиеся в книгах Нового Завета, он дополняет их сведениями о его восхождении на небеса из апокрифического «Видения апостола Павла» [3]:

« И в Послании Коринфянам апостол Павел сказал: “Не подобает мне хвалиться, ибо я приду в видении явления Господня. Знаю человека во Христе, который 14 лет тому назад (или в теле, или вне тела, не знаю, Бог ведает) восхищен был до третьего неба и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать, и был перенесен в рай” (2 Кор. 12: 1-4)» [4, с.33–34].

Наиболее развернутое учение об ангелах, основанное на экзегетическом толковании текстов Священного Писания, мы находим в трактате Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии». 9 чинов разделяются на три иерархии: 1 — престолы, херувимы, серафимы; 2 — господства, силы, власти; 3 — начала, архангелы, ангелы. Подробное описание «ангельского благочиния» дополнено разъяснением о происхождении наименований ангелов, нумерологии («Глава 14. Что означает данное [нам] в священном Писании число ангелов?» [4, с. 276]), изображении («Глава 15. Что представляют собой изображения ангельских сил: что огневидность, что человековидность, что очи, что руки, что уши, что ноздри и прочее» [4, с. 277]). Подробно повествуется об иерархии ангельских сил и в апокрифическом «Завете Адама» [5, с. 172–173].

Ноуменальный характер природы Ангелов в философских терминах описан А.П. Щегловым: «Сами по себе ангелы – это строители пространственно-временных ограничений,

а не сама субстанция вещества и формы. То, что заложено в конечных онтологических основаниях, принадлежит к Сверхсущности, а не к имманентным явлениям. Созданное, даже находящееся на высшей ступени творения, не может познать Абсолютное, а тем более создать бесконечное. Ангелы в древнерусском представлении – это множественный разум, управляющий неподвижным веществом» [10, с. 21].

В Палее нарушена последовательность между первой и второй иерархиями, ибо находящиеся в списке по соседству господства и престолы должны располагаться в обратном порядке. А. П. Щеглов обратил внимание на то, что порядок чинов ангельской иерархии выстраивается не сверху вниз, а знаменует восхождение от “дольнего к горнему” и, как следствие, иерархическая структура миропорядка моделируется в обратном, по сравнению с авторитетными богословскими мнениями, порядке [11, с. 227].

Автор Палеи подчеркивает силу разума ангельских чинов, свободу воли, бестелесность (хотя в материальном мире они обладают способностью на время обретать тело), внепространственность (ангел, как разум, не занимает пространства), бесконечность существования. Ангелам несвойственна вербальная речь, они общаются меж собою с помощью мысли: *Ангелам по природе [свойственно] понимать смысл слов безмолвно и сноситься друг с другом только мысленно* [4, с. 13]. Ангелам бывает открыто будущее: *«Того же, что должно быть, не ведают ни ангелы, ни падшие с небес. Если же будущее бывает открыто, то посланными от Бога ангелами, который велит им провозвестить его своим угодникам. И то, что говорят ангелы, [действительно] сбывается»* [4, с. 59].

В Палее постоянно подчеркивается то, что ангелы «*суть служебные духи, посылаемые на служение»* (Евр. 1:14). *В Писании сказано: звездам и обоим светилам совершать движение по воздуху при помощи разумных сил»* [4, с. 33]. Однако служебная функция ангелов имеет свой предел во времени: *«В конце веков ангелы освободятся от обязанностей своей службы, которую они исполняют ради человека. О конце века сказал в евангелии сам Бог: «Ибо тогда силы небесные поколеблются, и звезды, словно листья, спадут с неба на землю»* (Мф. 24:29–30). *Небесными силами он называет ангелов; падение звезд на землю произойдет из-за освобождения ангелов от своей службы управления звездами»* [4, с.33].

Литература

1. Камчатнов А.Н. Палея Толковая. 2012. М.: Согласие, 648 с.
2. Макаров А.И., Мильков В.В., Смирнова А.А. Древнерусские Ареопагитики. 2002. М.: Кругъ, 589 с.
3. Мильков В.В. Видение апостола Павла // Древнерусские апокрифы. 1999. СПб.: РХГИ, С. 528–581.
4. Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. 1872. Казань: Унив. тип, 312 с.
5. Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. 1992. Москва: Сретенский монастырь, 592 с.
6. Симфония для Библии. [Электронный ресурс] Библия онлайн, 2021. URL: <http://bible.by/symphony/letter/1/> (дата обращения: 03.04.2021)
7. Смирнова А. Книга Юбилеев: Введ. и рус. пер. проф. прот. А. Смирнова: 2-й вып. апокрифов Ветхого Завета. 1895. Казань. URL: <http://vreke.com/kniga-yubileev-ili-maloe-bytie/1> (дата обращения: 03.04.2021)
8. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, Архиепископа Кесарии

Каппадокийския. Ч. 1. 1981. М: Сибирская Благовонница, 1136 с.

9. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. 2008. М.

10. Щеглов А.П. Комментарии к Толковой Палее // Волшебная гора: Философия, эзотеризм, культурология. Т. VII. 1998. М.: РИЦ «Пилигрим», С.223-241.

11. Щеглов А.П. Философские аспекты древнерусских представлений о природе зла // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 47. Том 9. С. 14-26. URL:

[https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/9\(47\)/scheglov_9_47_14_26.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/9(47)/scheglov_9_47_14_26.pdf) (дата обращения: 03.04.2021)

References

1. Kamchatnov A.N. Paleya Tolkovaya. 2012. Moscow: Soglasie, 648 p. (In Russ.).
2. Makarov A.I., Mil'kov V.V., Smirnova A.A. Drevnerusskie Areopagitiki. 2002. Moscow: Krug", 589 p. (In Russ.).
3. Mil'kov V.V. Videnie apostola Pavla. *Drevnerusskie apokrify*, 1999. SaintPeterburg: RKhGI, pp. 528–581. (In Russ.).
4. Porfir'ev I.Ya. Apokrificheskie skazaniya o vetkhozavetnykh litsakh i sobytiyakh. 1872. Kazan': Univ. tip, 312 p. (In Russ.).
5. Sv. Ioann Damaskin. Tochnoe izlozhenie pravoslavnoi very. 1992. Moscow: Sretenskii monastyr', 592 p. (In Russ.).
6. Simfoniya dlya Biblii. [Elektronnyi resurs] Bibliya onlain, 2021. Available at: <http://bible.by/symphony/letter/1/> (Accessed 03.04.2021) (In Russ.).
7. Smirnova A. Kniga Yubileev: Vved. i rus. per. prof. prot. A. Smirnova: 2-i vyp. apokrifov Vetkhogo Zaveta. 1895. Kazan'. Available at: <http://vreke.com/kniga-yubileev-ili-maloe-bytie/1> (Accessed 03.04.2021) (In Russ.).
8. Tvoreniya izhe vo svyatykh ottsa nashego Vasiliya Velikago, Arkhiepiskopa Kesarii Kappadokiiskiya. Ch. 1. 1981. Moscow: Sibirskaya Blagovonnitsa, 1136 p. (In Russ.).
9. Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov. 2008. Moscow. (In Russ.).
10. Shcheglov A.P. Kommentarii k Tolkvoi Palee. *Volshebnaya gora: Filosofiya, ezoterizm, kul'turologiya*, Vol. VII. 1998. Moscow: RITs «Piligrim», pp.223-241. (In Russ.).
11. Shcheglov A.P. Filosofskie aspekty drevnerusskikh predstavlenii o prirode zla. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2007. Vol, 9, no. 47, pp. 14-26. Available at: [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/9\(47\)/scheglov_9_47_14_26.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/9(47)/scheglov_9_47_14_26.pdf) (Accessed 03.04.2021) (In Russ.).

Информация об авторах

Дергачева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>, e-mail: krugh@yandex.ru

Дергачева И.В.
Апокрифические сюжеты об ангелах в «Палее
Толковой»
Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 21–27.

Dergacheva I.V.
Apocryphal Stories about Angels in "Paley Tolkova"
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 21–27.

Information about the authors

Irina V. Dergacheva, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department "Linguodidactics and Intercultural Communication" of the Institute "Foreign Languages, Modern Communications and Management", Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>, e-mail: krugh@yandex.ru

Получена 15.05.2021

Принята в печать 30.05.2021

Received 15.05.2021

Accepted 30.05.2021

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ | WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Копии, цитаты, пародии: итальянская рецепция творчества Федора Михайловича Достоевского

Ночера А.

Университет Палермо, г. Палермо, Италия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2517-2701>, e-mail: nocera.anto@gmail.com

Данная статья призвана стать основой сложного феномена восприятия творчества Ф. М. Достоевского в Италии, начиная с распространения первых переводов романов. Достоевского не приветствовали первые критики и писатели, критиковавшие его стиль, чрезмерную болезненность и «драматизм». Он считался писателем, чрезмерно связанным с расстройствами человеческой души, и в связи с этим использовался ярлык «психологизм». Помимо негатива, который вылился на Достоевского, были писатели, которых тронуло его творчество и которые открыто признались, что считают его не только мастером письма, но также неисчерпаемым источником идей и образов персонажей. Среди этих писателей были те, чье творчество охватывает всю литературную панораму последних двадцати лет XIX в. и всего XX в.: Д'Аннунцио, Ориани, Моравия, Гадда, Тоцци, Шиасия, Ландольфи, Пьовене. Каждый из них отказался от своеобразного аспекта поэтики Достоевского, используя цитаты, копии, пародии или реальные переписывания текстов Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, итальянская рецепция русской литературы, литературная критика

Для цитаты: Ночера А. Копии, цитаты, пародии: итальянская рецепция творчества Федора Михайловича Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 28–40. DOI:10.17759/langt.2021080203

Casts, Quotes, Parodies: the Italian Reception of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky's Work

Antonina Nocera

University of Palermo, Palermo, Italy,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2517-2701>, e-mail: nocera.anto@gmail.com

This article aims to provide a preliminary picture on the complex phenomenon of the reception of the work of F. M. Dostoevsky in Italy starting from the diffusion of the first translations of the novels. Dostoevsky was not well received by the first critics and writers who criticized its style, excess morbidity and “drama”. He was

considered a writer excessively related to the disturbances of the human soul, and in this regard the label of “psychologism” was used. Beyond this apparent negativity, the writers who were influenced and who admitted openly to consider Dostoevsky's not only a teacher of writing, but also an inexhaustible source of ideas and suggestions to delineate the characters of the novels were so many of them and go through all the panorama of the literature of the last twenty years of the Nineteenth century and throughout the Twentieth century: D'annunzio, Oriani, Moravia, Gadda, Tozzi, Sciascia, Landolfi, Piovene. Each of them declines a particular aspect of Dostoevskij's poetics, using quotes, casts, parodies or real rewrites of the Dostoevsky text.

Keywords: F.M. Dostoevskij, Italian reception of Russian literature, Literary criticism

For citation: Nocera A. Casts, Quotes, Parodies: the Italian Reception of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky's Work. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 28–40. DOI:10.17759/langt.2021080203 (In Russ.).

Il mio articolo è incentrato sulla ricezione di Dostoevskij in Italia dall' ingresso della prima opera dostoevskiana in Italia risalente all' ultimo quindicennio dell'Ottocento fino all'eredità novecentesca.

In questo vasto panorama figura di F.M. Dostoevskij ha lasciato un segno, una traccia o in alcuni casi una vera e propria eredità di pensiero, di stile.

Va però prima inquadrato il clima generale entro il quale il romanzo dostoevskiano ha trovato accoglimento e le varie posizioni critiche che ne scaturirono. Questa premessa si basa su un atteggiamento diffuso verso 'l'arma affilata' dello scrittore russo, e cioè quella capacità insuperabile di scandagliare la mente, la psiche, l'animo; essa fu in prima istanza racchiusa nella formula di “psicologismo” nei primi critici italiani di Dostoevskij; l'eccesso di attenzione ai furori della mente fu in un certo senso la colpa o il difetto stilistico prevalente imputato a Dostoevskij quando questi si affacciò nel panorama italiano dal 1889 in traduzione, o più spesso in francese, con *Delitto e castigo* e con *Umiliati e Offesi* con il titolo originario di *Colombe e falchi*. [3]

Si rimproverava a Dostoevskij la mancanza di “arte” a discapito di un eccesso di dramma interiore. A ciò si aggiungeva il fatto che il nome di Dostoevskij veniva associato al nome di Tolstoj, suo rivale letterario per eccellenza. Per inciso, la disputa tra Tolstoj e Dostoevskij è diventata una sorta di paragone obbligato, probabilmente per il fatto che i due scrittori abbiano rappresentato in maniera compiuta due poetiche e due visioni del mondo, diverse eppure complementari, come ha puntualmente analizzato Steiner nel saggio *Tolstoj o Dostoevskij*. [11]

Non tutti pensarono che gli eccessi dostoevskiani andassero per così dire stigmatizzati e ciò vale sia per i critici che per gli scrittori. La figura di Dostoevskij venne accolta con due atteggiamenti e propositi diversi. Si è configurato uno spartiacque tra coloro i quali mutuarono da Dostoevskij personaggi e trame, facendone in determinati casi un calco, una parodia e coloro i quali invece interpretarono il senso più alto della scrittura dostoevskiana e penetrarono più a fondo,

attingendo a quegli abissi dello scavo psicologico e della metafisica dostoevskiana che si possono rintracciare, in maniera più o meno manifesta, nei personaggi e nelle rispettive poetiche.

Complessivamente questa folta schiera comprende scrittori come D'annunzio, Oriani, Pirandello, Deledda, Gadda, Landolfi, Tozzi, Soldati, Moravia, Piovene, Sciascia, ciascuno di questi autori sviluppa un tema o un aspetto del vasto mondo dostoevskiano e lo declina all'interno di una particolare sensibilità, ma mantenendo una originalità e una specificità del tutto propria, senza una diretta citazione.

Il capofila è D'annunzio che nel racconto *Giovanni Episcopo* riproduce quasi fedelmente la trama della *Mite*, un racconto che Dostoevskij scrisse nel 1876.

La storia originale è quella di una giovane donna definita mite per natura e che effettivamente incarna la tipica giovane donna sprovveduta che sgrana gli occhi, arrossisce, che applica tutto quel corredo di azioni di schermo che denotavano una tipologia ben precisa di giovane fanciulla del romanzo ottocentesco. Ad ogni modo, la ragazza, *ragazzina* diremmo oggi visto che aveva sedici anni, a causa di ristrettezze economiche si trova ad accettare la proposta di matrimonio di un maturo signore che ha un banco di pegni e che ben presto si rivela un aguzzino psicologico, in special modo durante la vita matrimoniale.

La donna attua una vera e propria trasformazione mostrando un fondo ribelle e selvaggio. L'irruzione di questo fondo, sollecitato dal vivere accanto a un uomo che lei nel profondo disprezza ma di cui ha anche pietà, la porta ad una febbre nervosa che esita nel suicidio finale. La frase che conclude il racconto ci dà la misura di quanto questo racconto abbia mostrato più di quello che è esplicitamente detto nel testo e di quel tipo di psicologia che René Girard ha subito collocato nella zona del sottosuolo, [4] cioè in quelle regioni della psiche dove si consuma il dramma del dissidio interiore più violento, quello che gli uomini dostoevskiani combattono soprattutto contro loro stessi: la scena iniziale ci dà immediatamente il senso di questa corpo a corpo con se stessi, di quella macerazione interiore che ha in un certo senso mollato il legame con gli eventi esterni e li ha assorbiti nella coscienza che diventa autocoscienza interrogante:

“Continuo a vagare per la stanza, tentando di darmi una spiegazione. Ormai sono sei ore che tento una spiegazione, ma non riesco ancora a mettere a punto i miei pensieri. Ciò succede perché cammino in continuazione, cammino...È accaduto così. Racconterò semplicemente seguendo un ordine (Ordine!)” [5]

Ecco, Dostoevskij quindi non parla di suicidio ma inizia il racconto con un incipit geniale cioè con la sua fine, in cui viene presentata la salma della donna morta. (una trama circolare che rompe gli schemi della novella classica e che avrà poi molta fortuna nel Novecento).

Se andiamo a leggere l'incipit di *Giovanni Episcopo* di D'annunzio, comprendiamo immediatamente quanto questo racconto sia stato scritto con la squadretta e con un occhio fisso al racconto dostoevskiano: c'è un impiegato che sposa una donna prima docile poi sempre più scostante, poi la gelosia verso un probabile rivale e poi l'esito finale che è fondamentalmente un delitto passionale, a scapito di Wanzer, suo amico che irrompe nella sua vita come antagonista

diretto (un modulo tipico della prosa di D'annunzio questo, e che si ritrova nel *Piacere*). Questo esempio mostra che è soprattutto la trama e quel modo di procedere dostoevskiano per lampi e baleni ad essere stato acquisito come dato formale. La prosa del *Giovanni Episcopo* è piena di interiezioni, esclamazioni, interrogativi, puntini di sospensioni, cioè tutti accorgimenti retorici che servono per mimare la tensione dostoevskiana. Altrove, ad esempio nel *Poema paradisiaco* è presente una citazione posta in epigrafe a una lirica in cui Alëša Karamazov risponde alla professione di ateismo del fratello Ivan e in un certo senso lo stile del *Notturmo* con i suoi baleni, riferimenti onirici, ombre sembra debitore di una certa atmosfera allucinatoria dei personaggi del doppio.

In ambiente verista sembra che Capuana abbia letto, ormai avanti negli anni, *La mite* ma che non ne abbia tratto nulla se non qualche sparuta citazione nella figura dell'amante serva nel *Marchese di Roccaverdina*.

Altro caso è quello di Alfredo Oriani uno scrittore annoverato indebitamente tra i minori formatosi sempre nell'ambiente verista e segnatamente di quel verismo che ancora risente di qualche eco tardoromantica, autore di romanzi come il *Vortice* (1899) e *Olocausto* (1902). Questi ultimi due riprendono un tema interessante della poetica di Dostoevskij: il sogno anticipatore o sogno razionale/irrazionale, una sorta di stato a metà tra stato di veglia e stato di coscienza. In vari episodi l'autore prende in prestito le situazioni entro cui si attua questa forma di sogno allucinatorio. [8]

L'episodio maestro è quello descritto in *Delitto e Castigo* quando a un certo punto Raskol'nikov sogna la cavallina frustata negli occhi dal *mužik*, dal contadino. Chiaramente, in Dostoevskij l'intersezione tra il mondo cosciente e quello dell'inconscio è legata al dissidio interiore. Nel caso di Raskol'nikov coincide con l'elaborazione del delitto perpetrato nei confronti dell'usuraia. In questo caso il sogno della cavallina è anche giocato sulla metafora della sofferenza innocente. [8]

In Oriani, l'episodio viene citato nel romanzo quando il protagonista di *Vortice*, prossimo suicida vede la birocca, (veicolo da traino) che in russo è la troika, riempita di roba e tremante per il peso di cui è stata caricata. Altrove, nel romanzo *Olocausto* in cui una giovane prostituta e ricorda Son'ja Marmeladova di *Delitto e Castigo* in una figura che ricalca formalmente il carattere ma senza entrare in merito alla funzione salvifica e cristologica di Son'ja. [1], [12].

Altro caso emblematico è quello di Pirandello: oltre a sporadiche citazioni sparse in alcune opere minori, è nei romanzi che si sviluppa uno dei nodi fondamentali della poetica di Dostoevskij cioè quello del doppio, dello sdoppiamento.

Ne *Il fu Mattia Pascal* a stampa nel 1904, si profila la differenza sostanziale tra l'approccio psicologico di Pirandello e quello di Dostoevskij. Differenza sostanziale, se pensiamo a tutti i personaggi doppi in Dostoevskij dall'uomo del sottosuolo a Ivan Karamazov che sperimenta la forma più radicale di sdoppiamento, cioè quella che si concretizza nel dialogo con il diavolo, fino chiaramente al doppio per eccellenza cioè l'impiegato Goliadkin nel racconto *Il sosia*, seconda prova letteraria di Dostoevskij scritta nel 1846 e che gli costò il dilleggio della critica della scuola

naturale di Belinskij.

In effetti dopo Gogol' e i racconti *Il naso* e *il Cappotto*, *Il sosia* sembra essere il completamento di un percorso che porta ad estreme conseguenze l'idea che possa esserci una vita cosciente che straborda e che vacilla di fronte al reale. L'idea cardine è che ogni uomo è fondamentalmente un mistero insondabile e non può essere preso alla lettera come interprete di un mondo che sfugge sotto ai piedi: e questo è l'impiegato Goljadkin che incomincia a maturare dentro di sé un senso sempre più crescente di alienazione nei confronti dei suoi colleghi e poi, allargando il cerchio, nei confronti di tutti coloro che lo circondano. Goljadkin entra all'interno di una spirale folle in cui egli si sente inferiore agli altri, un meschino, un verme. Questo autoannullamento diventa una sorta di suicidio morale che dà luogo all'apparizione di un secondo "io" Goliadkin junior con cui Goljadkin senior conviverà intrattenendosi in un dialogo fatto di contrappunti, tirate amichevoli, colpetti sulla spalla ma anche stoccate violente. Ecco come Dostoevskij ci mostra, in un passo di incredibile equilibrio tra ironia e incredulità, l'incontro la presa di coscienza di Goliadkin nei confronti del suo doppio:

“Tutt' a un tratto il signor Goljadkin tacque, restò di sasso, si mise a tremare come una foglia e per un attimo chiuse persino gli occhi. Ma poi, nella speranza che l'oggetto del suo terrore fosse soltanto un'allucinazione, si risolse finalmente a riaprirli e a gettare una timorosa occhiatina alla sua destra. Ma no, non era un'allucinazione! [...] per giunta, colmo dei colmi, anche il cappotto di quell'altro erano perfettamente identici ai suoi, come se li avesse tolti il Signor Goljadkin.” [4]

Questo passo fa comprendere di quali e quante sfumature fosse increspato il realismo russo e come quello dostoevskiano fosse talmente “moderno” nella sua essenza.

Lo sdoppiamento è il *signum individuationis* dell'uomo del sottosuolo. Questo tipo è il germe, l'ovulo dell'uomo moderno; lo è tanto da disturbare i fautori della scuola naturale in Russia e fare storcere il naso in Italia i seguaci della classicità e della misura, della scuola del vero.

Il paragone con Pirandello risulta molto interessante: il pensiero pirandelliano è figlio di un'impostazione raziocinante all'interno della quale l'elemento del doppio e della alienazione dalla propria vita borghese- che rivive nelle vesti di Adriano Meis- si rivela alla fine un sogno impossibile da vivere fino alle estreme conseguenze. In quanto sogno di fuga, viene per così dire riassorbito e digerito dal distacco e dall'ironia che è pur sempre un atto di ritorno alla ragione, all'ordine. Mattia accetta di essere quel “fu” e la crisi di identità viene risolta nell'amarezza del riso amaro. Non è un caso che il saggio *L'umorismo*, di quattro anni sia successivo, sia dedicato “alla buona anima di Mattia Pascal.”

Quindi mentre Pirandello in *Avvertenza sugli scrupoli della fantasia* del 1921 diceva “le assurdità della vita non hanno bisogno di parer verosimili, perché sono vere”, Dostoevskij invece si era spinto oltre cercando l'uomo nell'uomo e questo attraverso l'idea. Altrove chiarisce la natura del suo realismo Dostoevskij affermando che si tratta di un realismo di natura superiore, non di natura psicologica ma tutto proiettato all'interno delle profondità dell'animo umano, cioè inteso a cogliere anche le questioni metafisiche delle azioni esteriori.

Mi sembra interessante a questo punto notare come il primo Novecento per ragioni di cambio del paradigma teorico, si sia accostato con più familiarità all'opera di Dostoevskij nonostante Soffici e altri vociani si espressero in termini fortemente negativo liquidando Tolstoj e Dostoevskij come mediocrità.

Tuttavia, la lezione di questi due giganti era ampiamente penetrata e diede i suoi frutti interessanti in un autore che per importanza è accostabile a Pirandello e Svevo e cioè Federigo Tozzi, un vociano atipico che ha portato la poetica del frammento a un livello espressivo di grande potenza, rimarcando apertamente il suo debito ad autori come Verga e soprattutto Dostoevskij.

Federigo Tozzi nasce a Siena, vive in un ambiente rurale alle porte della città dove il padre amministrava due poderi. La sua immaginazione viene scolpita da questo ambiente fatto di contadini, lavoro duro e un padre dispotico. Questo dato biografico è interessante perché da solo varrebbe ad affratellarlo con Dostoevskij: sembra che il padre sia stato ugualmente dispotico e che all'età di dieci anni Fëdor insieme alla famiglia si trasferì in una tenuta acquistata dal padre e lì visse parte della sua infanzia. In un certo senso, anche la sua immaginazione si plasmò al contatto con quel mondo contadino e con la figura del mužik, piuttosto ricorrente nella prosa di Dostoevskij e precisamente in degli episodi legati a incubi e allucinazioni.

Al contempo la figura del contadino e quel mondo rurale incarnano un tipo di bontà spirituale tutta russa e legata all'ideale del *potčvennicestvo* che in italiano è traducibile con "ideologia terragna". Può essere considerata a grandi linee una sorta di assunto dal sapore verista che in qualche modo lega l'identità dell'uomo al luogo in cui ha vissuto e che ne ha condizionato la vita e il vissuto. Per Dostoevskij tale radicamento dell'uomo e in particolare dell'uomo russo al suolo (*počva*) è fondamentale affinché egli sviluppò un amore autentico alla sua terra, ai problemi e alle circostanze umane e sociali che all'interno si sviluppano. In tal senso questo concetto può essere anche accostato a quello di populismo.

Anche in Tozzi questa territorialità è molto sentita e gli uomini e le donne dei suoi romanzi si muovono all'interno di determinati schemi che ricalcano la vita dei campi e le logiche di dominio e sopraffazioni che si instauravano ad esempio tra padroni e contadini. È nel romanzo *Con gli occhi chiusi* in particolare, che emergono le analogie col mondo dostoevskiano: la trama ruota attorno a Pietro che vive in un podere, sottomesso a un padre burbero e manesco.

Pietro ha un'interiorità compressa, il titolo stabilisce questo punto di rottura con un reale che viene negato e rifiutato. il suo vedere *a occhi chiusi* è una sorta di analogo del mondo visionario del sognatore dostoevskiano che, come Pietro, non affronta il mondo ma lo elude e si perde in fantasticherie. Anche l'amore con Ghisola una prorompente ragazza, risente di questa inadeguatezza alla vita, esattamente come il sognatore dell'omonimo racconto dostoevskiano. Ma ciò che è davvero dostoevskiano in questo romanzo è anzitutto il ritmo: frammentario e per illuminazioni. Il vissuto visionario fatto Pietro che si può riassumere nella celebre frase di Tozzi: "a me interessa il racconto di un qualsiasi misterioso atto nostro", è in fondo una di quelle tappe alla ricerca dell'uomo e delle sue misteriose inquietudini che hanno sicuramente in Dostoevskij un

preciso riferimento.

Il mondo di Tozzi è ancora un mondo di umiliati e offesi che non cercano un riscatto ma che affondano quasi con voluttà nella loro miseria come “animali tormentati”, per citare lo stesso Tozzi; a proposito di animali in un brano di *Con gli occhi chiusi* è il momento in cui Pietro in procinto di chiedere in sposa Ghisola scopre tramite una lettera anonima che in realtà lei fa la prostituta a Firenze.

Tozzi usa la metafora del topo dice infatti “torna indietro come un topo mezzo schiacciato dal colpo avuto”. Questa similitudine e la figura del topo è spesso utilizzata da Dostoevskij in situazioni di degrado e deturpazione, laddove si insinua un senso di turpitudine connessa ad un’azione accennata o non ancora compiuta. Questo dell’animalità è del resto un aspetto comune sia a Tozzi (che lo sviluppò in *Bestie*) che a Dostoevskij seppure con dei significati e delle finalità opposte. Il tema della sofferenza innocente sembra spesso associato alla figura della cavallina frustata negli occhi che appare in sogno a Raskol’nikov e insetti come topi o ragni compaiono accanto a personaggi del male come Stravroghin ne *I demoni*.

Come prima accennato, un caso particolare di debito dostoevskiano è quello che si configura per lo scrittore Carlo Emilio Gadda. Le prime considerazioni sull’autore russo risalgono agli anni ‘20, mentre si dedicava alla redazione del *Racconto italiano di ignoto del Novecento*. [1] Negli stessi anni legge *L’idiota* e *I Karamazov*, mostrandosi pronto ad accogliere le questioni etico filosofiche e letterarie che caratterizzano i romanzi maggiori di F.M. Dostoevskij. In particolare, *L’idiota* sembra colpire la sensibilità di Gadda a tal punto da considerarlo un modello letterario imprescindibile.

In questo periodo, segnatamente nel 1926 in un corsivo di Solaria Dostoevskij viene riabilitato dalla visione sentimentale estenuata dei primi anni del secolo e rivisitato alla luce della grande lezione di stile, idea, altezza di pensiero: aspetti che Bachtin racchiude nella formula romanzo polifonico, ma che è una questione aperta e complessa su cui la critica non ha concluso il suo dibattito. [2] È pertanto nel campo del “poetico” intesa come insieme di regole compositive che Gadda individua – e qui sta l’originalità della sua posizione- in Dostoevskij un modello di riferimento per sciogliere o problematizzare il nodo letteratura e vita nel solco segnato dal russo: letteratura come luogo di autentica verità sull’esistenza, senza consolazioni o filtri deformanti.

Per concludere, passerò in rassegna degli autori che hanno preso in prestito o comunque hanno sviluppato dei temi che riprendono un altro aspetto della psicologia dostoevskiana e cioè quello dell’eros e della relazione sentimentale. Sono in qualche modo autori che hanno scritto della crisi irreversibile del mondo borghese e dei suoi rituali : Piovene, Soldati e Moravia.

Vale la pena soffermarsi sull’aspetto centrale dell’impalcatura psicologica dell’ amore in Dostoevskij: è stato René Girard nel suo saggio *Dal doppio all’unità* a descrivere con estrema precisione il meccanismo che sottende alla relazione sentimentale; esso si regge fundamentalmente sulla triangolazione e sull’umiliazione masochista che Girard fa derivare in buona parte dalla biografia dostoevskiana.

“È chiaro che tutti questi amori non nascono che dall’ostacolo frapposto da un terzo, e che non

sussistono se non attraverso di lui. Presto l'oggetto della contesa non appare più che come un semplice pretesto e i due rivali, o le due rivali, rimangono soli faccia a faccia" . [5]

Questo schema è particolarmente evidente nel racconto *Eterno marito* in cui Dostoevskij la storia di Pavel Pavlovič Trusockij un notevole di provincia che dopo la morte della moglie decide di partire per Pietroburgo per passare in rassegna tutti gli amanti della moglie. Ne individua uno, Velcanivov sul quale vuole ordire una vendetta. Si innamora di una ragazza e decide di sposarla e coinvolge Velcanicov e insieme l'eterno marito e l'eterno amante vanno a comperare l'anello per la sposa. Durante una riunione a casa Velcanicov ripete la sua parte di seduttore e riesce a rovinare il matrimonio di Trusockij. L'umiliazione che era stata ordita masochisticamente dal marito ferito, si è così compiuta.

Altrove, come nei *Karamazov* o in *Umiliati e offesi* si giunge esasperazioni e a rivalità tra padre e figlio per la stessa donna o di due donne per lo stesso uomo ed è il caso di Nastas'ja Filippovna e Aglaia Epančina ne *L'Idiota*.

L'amore così tormentato e caratterizzato dal triangolo e da certe esasperazioni carnali è ad esempio un elemento fondativo del romanzo di Soldati. Ritroviamo questa tensione nelle *Lettere da Capri* un romanzo sul triangolo amoroso, sulla dicotomia tra eros e passione carnale e dovere familiare, paternità, un dissidio che non mai risolto e che riamane, come dice Garboli, sadianamente in tensione.

L'amore di Henry per Dorothea, l'amante che viene rubricato in riflessioni chiaroscurali, sono passaggi che mi pare si nutrano di un certo debito dostoevskiano : «Ma è la legge della vita che tutto si paghi; che ad ogni altezza corrisponda una bassezza; che agli affetti più divini si alternino inesorabilmente quelli più bestiali». Tale atmosfera, tipica degli slanci affettivi ed emotivi di alcuni luoghi dostoevskiani, non soltanto pertinenti alla sfera erotica ma più ampiamente riferibili a quella interpersonale incarna l'essenza del mondo karamazoviano, fatto di contrasti stridenti come quelli incarnati dall'ideale di Sodoma e della Madonna; ma che può essere riferito anche a personaggi duplici come il principe Myškin attratto da due donne che incarnano una complementarità chiaroscurale.

Ritornando al romanzo di Soldati, morta Jane, Harry non vuole portare a vivere con sé Dorothea negli Stati Uniti. Sa già che, se ciò avvenisse, la perderebbe senz'altro e per sempre non la desidererebbe più. Perché avere qualcosa nella sicurezza e nella pace di uno scontato possesso, quanto alla metafisica amorosa di Soldati, equivale esattamente a perderla: questo è esattamente il racconto della biografia dostoevskiana e precisamente quando lo scrittore si innamora della prima moglie Maria Dmitrievna, sposa del suo migliore amico e vagheggiata anzi desiderata violentemente, sposata, per poi perdere quasi totalmente l'interesse quando si trova nella routine familiare. L'esperienza dello sdoppiamento sadomasochistico che ho già delineato in Dostoevskij si ripete parallelamente in Soldati che è scisso tra la componente malefica dell'eros e quella quieta della pace familiare .

Altre latitudini furono invece esplorate da Piovene nel suo romanzo *Le stelle fredde* del 1970.

La citazione dostoevskiana è esplicita: un redivivo Dostoevskij irrompe tra le pagine del romanzo candidato al premio Strega nel 1970:

“Era barbuto ma, benché il suo viso fosse di vecchio, la sua barba non era grigia . Il vestito, borghese ma trasandato, mi sembrò di una foggia un po' diversa dal comune , soprattutto perché la giacca giungeva fino a metà gamba. Ma poteva essere il vestito smesso di un uomo di statura superiore alla sua. Non aveva cravatta, ed era sporco di fanghiglia, sebbene il terreno su cui sedeva fosse secco. Pareva proprio uscito dalla grotta umida aperta nel muro alle sue spalle. In un primo momento il suo sguardo mi fece pensare a un idiota girovago, di quelli che si trovano nelle campagne e vivono di carità. Pronunciò d'improvviso qualche parola incomprensibile. Io guardai il mio compagno, e il mio compagno guardò me; pensai nuovamente: È un idiota'. Ma l'uomo disse subito in tono civile: “Moi nom est Dostoevskij”. [10]

Il riferimento al mondo dei morti e al rovesciamento di prospettiva, bachtinianamente carnevalesco, apparentano questo racconto al *Bobok* di Dostoevskij, apparso nel Diario di uno scrittore del 1873. In questa vita di mezzo, dove morti e vivi si confondono Dostoevskij appare come una sorta di nume tutelare che rischiarla la fallacia delle visioni: l'incontro tra Dostoevskij riporta i *vivi morti* (appartenenti ad un mondo umbratile, quello dei vivi che sono morti interiormente) a confrontarsi con i *morti vivi*, in un confronto tra memoria passato e futuro in cui le leggi della natura non sono più necessarie. In una terra di mezzo abitata da spettri e voci narranti, quasi forme letterarie sopravvissute alla macchina del tempo, Dostoevskij è un Altro che è disceso a esercitare un'ironia fredda, misurata, fuori da ogni plausibilità realistica. Ne deriva una grande riflessione esistenziale su temi come la fede, il senso della vita, il contrasto tra istinto e ragione.

Altro interessante caso, quello di Moravia che con gli *Indifferenti* (1929) rompe con la tradizione anti-narrativa dei vociani e mostra di sapere utilizzare alcuni moduli dostoevskiani con la precisione di un rasoio. [] L'incipit del romanzo vede la giovane Carla, madre di Mariagrazia in salotto con il compagno della madre, Leo. Egli tenta di sedurre la ragazza e di aggirarla con un serie di complimenti beffardi ma tra le righe e non solo si capisce che la sua intenzione è chiaramente di concupirla sessualmente.

Questa scena ricorda nel tono, nelle azioni, nelle microvariazioni e nei gesti molte delle azioni di raggio dei laidi personaggi dostoevskiani nei confronti di giovani ragazze, spesso poco più che bambine. In particolare, l'uso dell'espressione *bella bambina*, e altri simili vezzeggiativi, ricordano il linguaggio ambiguo con cui ad esempio Svidrigailov in *Delitto e Castigo*, un vecchio proprietario terrieri che chiede in sposa a una coppia di poveri contadini la loro bambina, si rivolge con lo stesso tono e con la stessa modalità alla ragazzina, paragonandola addirittura al volto della Madonna Sistina.

Altro indimenticabile esempio di raggio sessuale è quello contenuto nel romanzo *I demoni* di Dostoevskij dove Stavrogin stupra una ragazzina di undici anni Matrësa, attirandola con uno stratagemma psicologico di sottomissione e gioco.

Il rasoio di Moravia sembra ripercorrere la crudezza di queste immagini dostoevskiane con la

differenza che il delitto sessuale in Dostoevskij ha una sua precisa collocazione metafisica (il delitto innocente è la più alta sfida contro il divino) mentre in Moravia chiaramente è un' azione spia del degrado morale e della *debacle* della rispettabilità borghese.

Sempre nello stesso romanzo, Michele, il figlio di Mariagrazia tenta di liberarsi del viscido amante della madre Leo tentando di sparargli, ma dimentica di caricare la rivoltella, una scena che è un calco di quella che si legge nell'*Idiota* quando Ippolit fallisce il suicidio proprio per la tessa dimenticanza. È d'obbligo citare Eurialo de Michelis che vede la presenza dostoevskiana più massiccia nelle *Ambizioni sbagliate* nel 1935: il decaduto professore, la disperata Andreina, corrotta sin dalla tenera giovinezza, le doppie confessioni, tutti elementi che concorrono a farne un testo di ispirazione dostoevskiana. [3].

Sembra che anche *La noia* contenga elementi di chiara ispirazione dostoevskiana laddove: “Nel momento in cui è tradito da Cecilia, però, Dino pensa di riconquistarla assecondando proprio quello stesso meccanismo che sta alla base della noia, specie nel contesto della società italiana del boom economico: le dà del denaro, e gliene offre sempre di più. [7]

Da una parte, questa dinamica di seduzione ricorda le pagine dell'*Idiota* del Dostoevskij per Moravia decisivo— in cui Nastasja, nel giorno del suo compleanno, viene offesa dai tentativi dei suoi pretendenti di “mercanteggiarla” (ma anche molti intrecci dei romanzi francesi di Balzac e Zola). A differenza di Myškin, però, che vorrebbe salvare la donna in virtù del proprio nobile sentimento, Dino incoraggia questa tendenza al consumo portando all'exasperazione l'uso del denaro”.

Tra i coetanei di Moravia e sensibili a queste suggestioni non si può non nominare Tommaso Landolfi, che con il mondo russo ha sempre intrattenuto un rapporto stretto, traduttore di Dostoevskij, Gogol' e altri, scrive il racconto *La muta*, contenuto nella raccolta *Tre racconti* del 1964 che ricalca *La mite* nella trama (con un gioco di allitterazione lei è muta, quindi sorda, unica differenza) e che riproduce il monologo ossessivo del marito e i suoi tormenti.

Un autore che è stato dostoevskiano non dichiarato è Leonardo Sciascia. In una celebre intervista questi risponde ad Ambroise “di considerare Dostoevskij un grande scrittore ma di non amarlo”. Ho tuttavia ravvisato, specialmente nei romanzi degli anni '70 una certa propensione per un'indagine sul male, sulla fede, sulla colpa e sul peccato che non si fa fatica a definire dostoevskiane nella loro essenza. [9]

I romanzi che risentono di suggestioni, rimandi, o citazioni vere e proprie sono : *Candido, ovvero un sogno fatto in Sicilia, Todo Modo* e il *Contesto*.

Dostoevskij, o meglio un personaggio dostoevskiano viene citato in *Candido*, si tratta di Fomà Fomič un personaggio del romanzo umoristico *Il villaggio di Stepancikovo e i suoi abitanti*. Fomà diventa una sorta di ironico richiamo al Carneade di manzoniana memoria. Nel romanzo del russo è un parassita, ex funzionario che spadroneggia con la sua cultura tartufesca su una nobile famiglia di provincia. Sciascia recupera il sottotesto ironico e grottesco del personaggio per irridere i capi di partito che talvolta arringavano con formule altisonanti la folla e che risultavano come Fomà, dei

buffoni al servizio del potere. Lo stesso Candido presenta delle analogie con il principe Myškin: un candore innato, una sorta di atavica inadeguatezza alla vita “normale”, alcuni riferimenti cristologici: Candido è nato in una grotta, appare come una sorta di salvatore delle sorti di una Sicilia corrotta e inabissata nei giochi di potere.

È nel romanzo *Il Contesto* che la comparazione con il mondo dostoevskiano diventa più cogente: Partendo da un gancio intertestuale e cioè il fatto che uno degli indagati degli omicidi che sconvolgono una cittadina di provincia abbia al suo comodino il libro dei *Fratelli Karamazov*, ho iniziato un percorso di lettura comparata dei testi ravvisando un dialogo a maglie strette tra Raskolnikov di *Delitto e Castigo* e il commissario del *Contesto* di Sciascia. Dialogo che ha portato inevitabilmente al tema della giustizia e del delitto nel romanzo dei Karamazov. [1; 9]

Il tema del delitto, e in generale nel meccanismo della detection, innescano non solo il groviglio psicologico del castigo interiore, ma domande sul senso della verità, della libertà e della responsabilità dell'uomo, un viaggio nel sottosuolo come regno del libero arbitrio totale che in Sciascia assume un ritmo più modulato e parodico (lo stesso *Contesto* nasce come parodia e come apologo sul potere) e in Dostoevskij chiaramente un'altezza di pensiero che chiama in causa il tema cardine, quello della libertà originaria che Berdjajev ha individuato come nucleo principale della metafisica.

Ho cercato di mettere in luce le relazioni che si intrattengono tra i due autori sul filo del tema: il dialogo tra Riches si concentra sul problema delle falle giudiziarie. Ben presto Riches manifesta il suo pensiero: egli intende confutare il trattato sulla tolleranza di Voltaire, e con esso distruggere il concetto di amministrazione della giustizia che da pratica di ricerca della verità, diviene farsa ad uso e consumo della massa. Qui l'errore giudiziario è il tassello sbagliato di un meccanismo che deve essere smantellato alla base: la gente *deve credere* che la giustizia abbia avuto compimento, quasi come un miracolo, come atto di fede. Si comprende allora qui come l'opacità del discorso di Riches rimandi- sotto forma di parodia - a quell'immenso capitolo del *Grande Inquisitore* che rinnega Cristo e si ripromette di sedurre la massa con la promessa di pane e felicità a prezzo di una fallace libertà. In entrambi i casi è l'uomo che demanda a un Potere superiore la possibilità di essere uomo libero nel pensiero e di agire criticamente. Poi il fatto che non vi sia un esito chiaro e che non si giunga a dipanare la matassa del delitto (Cres in prima istanza è stato condannato ingiustamente, Il processo a Dmitrij Karamazov diventa una tortura psicologica senza esito), produce l'effetto di rinforzare il senso della fragilità della verità e della ragione, altro grande tema dei romanzi presi in esame.

È in *Todo modo*, seconda ideale tappa di questo percorso, che Sciascia approfondisce le interrogazioni e le istanze che animano le pagine di questo intenso periodo letterario: Don Gaetano rappresenta la chiave di volta di un pensiero che si incunea come un chiodo tra la regione della terra e quelle del cielo. L'adagio dostoevskiano “[se Dio non esiste], tutto è permesso”, torna rovesciato rispetto alla formulazione originale: è un Dio che si nasconde quello che abita le parole del religioso: “Dio esiste, dunque tutto è permesso”.

Se a Sciascia manca infatti la propensione all'abisso che è tipica del russo, rimane nel romanzo *Todo modo* un'ansia di fondo, che è quella pascaliana, del dio che si nasconde, eppure si cerca, tra gli affanni, le domande. E non è la scelta laica a uscire vincitrice nella diatriba tra la luce e la tenebra, tra la terra e il cielo: il pittore uccide Don Gaetano, si ferma cioè di fronte a quella soglia che sarà tutta dostoevskiana:

È stato detto che il razionalismo di Voltaire ha uno sfondo teologico incommensurabile all'uomo quanto quello di Pascal. Io direi anche che il candore di *Candide* vale esattamente quanto lo spavento di Pascal, se non è addirittura la stessa cosa. Solo che *Candide* trovava finalmente un proprio giardino da coltivare.

“L'esodo da Dio è una marcia verso Dio”, si legge ancora nel romanzo. In questa formula che sintetizza la ‘teologia laica’ di Sciascia, si può leggere la spiritualità di Sciascia, mi piace definirla così, che è in definitiva l'esito di una vita morale, di “un uomo con dei principi in un paese senza principi” per dirla con Rogas. In questo senso il lascito pascaliano è molto più consona a comprendere l'orizzonte di questa fede nel Dio che sta nascosto, nel Dio lontano dalle chiese terrene, di ogni tipo, e l'adesione a una visione morale, di integrità intellettuale. E poi questa formula di *Todo modo* (un altro romanzo fitto di riferimenti dostoevskiani) riprende in maniera quasi letterale una affermazione di Dostoevskij contenuta nel romanzo *i Demonî*, che l'autore russo incentra sul tema dell'ateismo su base ideologica, quello dei nichilisti: “L'ateo assoluto sta nel penultimo gradino della fede perfetta”. Sciascia ribadisce così una tradizione di pensiero che sebbene laica e materialista non ha mai rifiutato il confronto col divino e con la dimensione metafisica.

Литература

1. Adamo S. Gadda e Dostoevskij // The Edinburgh Journal of Gadda studies. 2004. URL: <https://www.gadda.ed.ac.uk/Pages/journal/supp3atti1/articles/adamconf1.php> (дата обращения: 17.04.2021)
2. Bachtin M. Dostoevskij. Poetica e stilistica. 2002. T.: Giulio Einaudi Editore. 335 p
3. Bertoni C. Alberto Moravia. L'attenzione inesauribile. 2018. M.: AlboVersorio. 198 p.
4. Dostoevskij F.M. Il sosia. 2003. M.: Feltrinelli. 240 p.
5. Dostoevskij F.M. La mite. 2011. M.: Mondadori. 175 p.
6. Girard R. Dostoevskij dal doppio all'unità. 1987. M.: Se. 114 p.
7. Graciotti S. Dostoevskij nella letteratura italiana in Dostoevskij e la coscienza d'oggi. 1981. F.: Sansoni. P.163-196
8. Kasatkina T. Dostoevskij. Il sacro nel profano. 2012. M.: RCS. 175 p.
9. Nocera A. Angeli sigillati. I bambini e la sofferenza nell'opera di F.M. Dostoevskij. 2010. M.: Franco Angeli. 158 p.
10. Nocera A. Metafisica del sottosuolo. Biologia della verità fra Sciascia e Dostoevskij. 2020. M.: Divergenze. 45 p.
11. Piovene G. Le stelle fredde. 2017. M.: Bompiani. 195 p.
12. Steiner G. Tolstoj o Dostoevskij. 2010. M.: Garzanti. P. 72.

Nocera A.
Копии, цитаты, пародии: итальянская рецепция
творчества Федора Михайловича Достоевского
Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 28–40.

Nocera A.
Casts, Quotes, Parodies: the Italian Reception of Fyodor
Mikhailovich Dostoevsky's Work
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 28–40.

References

1. Adamo S. Gadda e Dostoevskij. *The Edinburgh Journal of Gadda studies*, 2004. Available at: <https://www.gadda.ed.ac.uk/Pages/journal/supp3atti1/articles/adamconf1.php> (Accessed 17.04.2021)
2. Bachtin M. Dostoevskij. Poetica e stilistica. 2002. Torino: Giulio Einaudi Editore. 335 p.
3. Bertoni C. Alberto Moravia. L'attenzione inesauribile. 2018. Milano: AlboVersorio. 198 p.
4. Dostoevskij F.M. Il sosia. 2003. Milano: Feltrinelli. 240 p.
5. Dostoevskij F.M. La mite. 2011. Milano: Mondadori. 175 p.
6. Girard R. Dostoevskij dal doppio all'unità. 1987. Milano: Se. 114 p.
7. Graciotti S. Dostoevskij nella letteratura italiana in Dostoevskij e la coscienza d'oggi. 1981. Firenze: Sansoni. P.163-196
8. Kasatkina T. Dostoevskij. Il sacro nel profano. 2012. Milano: RCS. 175 p.
9. Nocera A. Angeli sigillati. I bambini e la sofferenza nell'opera di F.M. Dostoevskij. 2010. Milano: Franco Angeli. 158 p.
10. Nocera A. Metafisica del sottosuolo. Biologia della verità fra Sciascia e Dostoevskij. 2020. Manocalzati (Av): Divergenze. 45 p.
11. Piovene G. Le stelle fredde. 2017. Milano: Bompiani. 195 p.
12. Steiner G. Tolstoj o Dostoevskij. 2010. Milano: Garzanti. P. 72.

Информация об авторах

Nocera Antonina, кандидат культурологии, преподаватель, член Ассоциации «Философия в движении», куратор проекта «L'altro Dostoevskij», посвященного 200-летию со дня рождения писателя, Университет Палермо, г. Палермо, Италия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2517-2701>, e-mail: nocera.anto@gmail.com

Information about the authors

Nocera Antonina, Candidate of Cultural Studies, lecturer, member of the Association "Philosophy in Motion", curator of the project "L'altro Dostoevsky", dedicated to the 200th anniversary of the birth of the writer, University of Palermo, Palermo, Italy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2517-2701>, e-mail: nocera.anto@gmail.com

Получена 01.05.2021
Принята в печать 15.06.2021

Received 01.05.2021
Accepted 15.06.2021

Мистический символизм художественного пространства текстов Ф.М. Достоевского (на примере повести «Хозяйка»)

Михайлова М.В.

Московский государственный институт культуры, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0652-7834>, e-mail: nemashasky@mail.ru

В статье исследуется феномен мистического символизма сюжета повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка». Исследуется бессознательная, иррациональная концепция повести и ее возможность сосуществования с реалистическим подтекстом. Текст повести рассматривается в его многогранности и многоуровневости. Последовательно рассмотрены и проанализированы образы главных героев, как отдельно, так и в их связи друг с другом, выявлена роль мистического аспекта в формировании этих образов.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, символизм, мистика, раннее творчество Ф.М. Достоевского, символ.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-012-90034. Достоевский и Италия.

Для цитаты: Михайлова М.В. Мистический символизм художественного пространства текстов Ф.М. Достоевского (на примере повести «Хозяйка») [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 41–50. DOI:10.17759/langt.2021080204

Mystical Symbolism of the Artistic Space of Literary Texts of F.M. Dostoevsky (on the Example of the Story “The Landlady”)

Mariya V. Mikhaylova

Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0652-7834>, e-mail: nemashasky@mail.ru

The article examines the phenomenon of the mystical symbolism of the plot of the story by F.M. Dostoevsky's “The Landlady”. The unconscious, irrational concept of the story and its possibility of coexistence with a realistic implication are investigated. The text of the story is considered in its versatility and multilevelness. The images of the main characters are consistently considered and analyzed, both separately and in their connection with each other, the role of the mystical aspect in

the formation of these images is revealed.

Keywords: F.M. Dostoevsky, symbolism, mysticism, the early works of F.M. Dostoevsky, symbol.

Funding: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-012-90034. Dostoevskii i Italiya.

For citation: Mikhaylova M.V. Mystical Symbolism of the Artistic Space of Literary Texts of F.M. Dostoevsky (on the Example of the Story “The Landlady”). *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 41–50. DOI:10.17759/langt.2021080204 (In Russ.).

Повесть «Хозяйка», написанная в 1846-1847 году и опубликованная в 1847 году в журнале «Отечественные записки», относится к раннему периоду творчества Ф.М. Достоевского. Стоит отметить, что повесть была неоднозначно встречена как русскими, так и зарубежными современниками писателя и исследователями его творчества. В.Г. Белинский, например, в знаменитой статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» писал о повести: «Будь под нею подписано какое-нибудь неизвестное имя, мы бы не сказали о ней ни слова <...> Не только мысль, даже смысл этой, должно быть, очень интересной повести остаётся и останется тайной для нашего разумения, пока автор не издаст необходимых пояснений и толкований на эту дивную загадку его причудливой фантазии. <...> Во всей этой повести нет ни одного простого и живого слова или выражения: всё изысканно, натянуто, на ходулях, поддельно и фальшиво. <...> Странная вещь! непонятная вещь!..» [2;350-351]. Положение писателя в обществе после написания «Хозяйки» стало двусмысленным, «лихорадочная «Хозяйка» была устно и печатно оплевана «своими»» [12;152]. С В.Г. Белинским соглашались и зарубежные исследователи творчества писателя, называя «Хозяйку» единственным провальным произведением Достоевского [22; 24], полагая, что «Хозяйка» не преуспела, так как у Достоевского не вышло наделить свой устаревший романтизм той же значимостью, которую он придал сентиментализму в «Бедных людях» [18;107]. Некоторые же исследователи видят в «Хозяйке» произведение, в котором выражены «предпосылки к формированию тем, которые будут характерны для произведений Достоевского в период творчества после заключения» [15;132], «готическую сказку, уникальное произведение со своей крайней мелодраматичностью, мистичностью и общей таинственностью» [20;224].

Повесть, являющаяся, по словам исследователей творчества Ф.М. Достоевского, «идеологическим и стилистическим экспериментом» [7;99], «первым опытом религиозно-философских исканий» [8;82], безусловно, представляет для читателя огромный интерес, так как сама по себе является загадочным, невозможным для сиюминутного понимания произведением, мистической головоломкой, наполненной многочисленными символическими образами. Временами текст повести предстает перед нами настолько мистическим, загадочным и полным разнообразных таинственных подоплек, что истолковать и прокомментировать его представляется весьма трудным. Читатель видит текст во всей его многогранности, многоуровневости, полным символов и мистических поворотов в причудливых сюжетных линиях. Повесть «Хозяйка» - это запутанное сказание, наполненное сложнейшим для понимания и истолкования содержанием. В.П. Владимирцев пишет, что художественный мир повести «Хозяйка» временами «настолько непрозрачен и загадочен, что не поддается однозначному рациональному толкованию» [4;176].

Слово «символ» происходит от древнегреческого глагола $\sigma\upsilon\mu\beta\omicron\lambda\omicron\upsilon$, который означает «соединять, связывать». Отсюда одна из важнейших ролей символа – соединять две половины, зримое и незримое, постижимое и непостижимое. Во все времена символ являлся гармоничным тождеством идеи и образа и представлял собой нечто общее в единичном. Символ заключает в себе идею посредничества, он, как было указано выше, соединяет, связывает, является некой приобщающей средой между субъектом и объектом.

Стоит все же заметить, что дать исчерпывающее однозначное определение понятия «символ» представляется весьма сложной задачей в силу особой смысловой обобщенности символа. П.А. Флоренский пишет: «Символ – это нечто являющее собою то, что не есть он сам, большее его, и, однако, существенно через него объявляющееся» [13;287]. Можно сказать, что в символе неслитно соединяются два мира – тот, к которому символ принадлежит предметно, и тот, на который он указывает и обозначением которого он является. Безусловно, несмотря на несливаемость двух понятий, символ всегда имеет внутреннюю связь с тем, что он обозначает и являет.

В литературе символ представляет некий таинственный язык, зачастую приоткрывающий читателю то, что старался выразить писатель на страницах своих произведений, открывающий глаза на изображенную в книге реальность. В художественной литературе символ, помещенный автором в текст произведения, демонстрирует свою задачу по определению – соединять и связывать, он играет первостепенную роль, образуя ту нить, что связывает автора и его читателя, он передает идею автора читателю, особенно если читаемое произведение столь загадочное и многогранное, как повесть Ф.М. Достоевского «Хозяйка». Исследуя символизм в творчестве Ф.М. Достоевского, некоторые зарубежные исследователи выделяют символический гротеск как «универсальный, великий метод, которым предельно емко выражаются общечеловеческие ценности» [3;65-66].

Человеку во все времена был свойственен символический образ и способ мышления. Данный способ тесно связан с мистическим способом миропонимания, мировосприятия и мироощущения, который в своей основе содержит эмоции, интуитивное постижение действительности, иррационализм. Мистика может быть частью повседневной жизни человека, наполняя ее встречей с потусторонним, иррациональным, сверхъестественным, загадочным и необъяснимым. Все это читатель встречает на страницах повести «Хозяйка». Мистический и символический подтекст сопровождает читателя на протяжении всего повествования.

Один из первых мистических символов, на который хотелось бы обратить пристальное внимание – это символ света. «Сменяющиеся контрасты света и тени» не раз были отмечены исследователями творчества писателя [14;288]. Свет в повести сосуществует с тьмой и появляется из разных источников: свеча, лампада, лучи солнца. Особое внимание уделяется данному символу при описании церкви и церковного убранства: «Служба только что кончилась; церковь была почти совсем пуста, и только две старухи стояли еще на коленях у входа. Служитель, седой старичок, тушил свечи. Лучи заходящего солнца широкою струей лились сверху сквозь узкое окно купола и освещали морем блеска один из приделов; но они слабели всё более и более, и чем чернее становилась мгла, густевшая под сводами храма, тем ярче блистали местами раззолоченные иконы, озаренные трепетным заревом лампад и свечей» [5;9]. На глазах главного героя повести Василия Ордынова происходит столкновение

света и тьма, причем, чем сильнее становится тьма, тем сильнее становится и свет. На этом моменте Ф.М. Достоевский вводит в повествование двух героев – Катерину и старика Мурина, которые словно представляют бинарную оппозицию двух символов – света и тьмы. Свет и тьма притягивают Ордынова, им овладевает какое-то мистическое «невыразимое любопытство» [5;9], какое-то необъяснимое «сладостное и упорное чувство» [5;10], которое заставляет его следовать за таинственной парой.

Где Катерина, там свет, она символизирует свет в повести. Это происходит и в церкви: «Минуты через две женщина подняла голову, и опять яркий свет лампы озарил прелестное лицо ее», и на квартире у Ордынова, видение предстает перед ним, когда он зажигает свечу: «...он зажег свечу — и через минуту образ плачущей женщины ярко поразил его воображение. Так пламенно, так сильно было впечатление, так любовно воспроизвело его сердце эти кроткие, тихие черты лица, потрясенного таинственным умилением и ужасом, облитого слезами восторга или младенческого покаяния, что глаза его помутились и как будто огонь пробежал по всем его членам. Но видение продолжалось недолго» [5;11]. Этот свет словно заставляет Ордынова пребывать в постоянном наваждении, полусне, полузабытьи, он идет за Катериной и Муриным «сам не понимая своего движения» [5;10]. Он и сам понимал, что в этой паре присутствует что-то странное, мистическое, но в момент повествования он ничего не мог с собой поделать и смог опомниться лишь тогда, когда пара вошла в ворота своего дома, Ордынов же не смог себе объяснить, как именно он мог придать столько смысла и значения «происшествию более чем обыкновенному» [5;10]. По словам И.И. Евлампиева, у Катерины присутствует «мистическая способность влиять на окружающих людей и на окружающий мир» [8;96].

Можно отметить, что образ Мурина символизирует тьму и ее противостояние свету. Его образ пропитан мистикой, «длинная, тонкая, полуседая борода падала ему на грудь, и из-под нависших, хмурых бровей сверкал взгляд огневой, лихорадочно воспаленный, надменный и долгий» [5;9]. Борода может рассматриваться как символ мужественности, мужской силы, которая держит Катерину, символ свободы и мудрости, также она может являться мистической аллюзией на образ таинственного колдуна, inferнальной личности, Кощея, держащего в плену красавицу-девушку Катерину. Интересно отметить, что мистический образ старика-старообрядца колдуна Мурина в повести «Хозяйка» семантически связан с образом отца-колдуна в повести Н.В. Гоголя «Страшная месть», а образ его дочери Катерины оказал неоспоримое влияние на становление и формирование образа главной героини-хозяйки. Ф.М. Достоевский расширяет и переосмысливает гоголевские традиции мистической повести, создавая роковой треугольник Ордынов-Катерина-Мурин, части которого неразрывно связаны между собой, вводя символическое число три в контекст повествования. Ордынов словно является символом освобождения Катерины от плена Мурина, Иваном-Царевичем, который спасает девушку-красавицу из плена Кощея, Катерина объясняет ему, что «жизнь-то моя не моя, а чужая, и волюшка связана!» [5;35]. При этом борьба Ордынова с Муриным за освобождение Катерины также носит символический характер, исследователи неоднократно отмечали, что образ хозяйки, образ Катерины – это образ свободной народной души, символ противостояния окружающей действительности.

Катерина, символизируя свет, и дальше притягивает Ордынова, стоит вспомнить, например, момент, когда он находит ее место пребывания совершенно неожиданным и необъяснимым образом. Сначала все отдаляло его от нее, во время прогулки по городу он

«отправился в сторону, противоположную вчерашнему своему путешествию» [5;11], но итогом его прогулки, которую он совершал «долго и бессознательно» [5;11] явился приход в церковь, в которой находилась Катерина. Оппозиция символов «свет-тьма» вновь появляется на страницах повести: «В том месте, где стояли они оба, было совершенно темно, и только по временам тусклое пламя лампы, колеблемое ветром, врывавшимся через отворенное узкое стекло окна, озаряло трепетным блеском лицо ее, которого каждая черта врезалась в память юноши, мучила зрение его и глухую, нестерпимую болью надрывала его сердце» [5;12]. Катерина, как символ света, появится на страницах повести и далее, когда Ордынов уже будет жить рядом с ней, в момент его пробуждения и появления ее в его комнате «солнце сыпало золотым снопом лучи свои сквозь зеленые, заплесневелые окна его комнаты; какое-то отрадное ощущение нежило все члены больного. Он был спокоен и тих, бесконечно счастлив» [5;17]. Ее улыбка описана Ф.М. Достоевским светлой, как солнце, а сам Ордынов отмечает, обращаясь к Катерине, что у него «в глазах темнеет; я на тебя как на солнце смотрю», что «на сердце его было ясно, и лучи солнца, казалось, согревали его какою-то торжественною, светлую радостью. Он чувствовал, что новая, сильная, невидимая жизнь началась для него. Голова его слегка закружилась» [5;18].

Примечательно еще и то, что это был третий визит Ордынова в церковь, ранее днем он был в церкви, но Катерины там не было, на третий же раз «вдруг понесся густой гул колоколов, сзывавших к вечернему богослужению» [5;12]. Символ колокола используется как означение победы над злом, тьмой, разрушением, это знак присутствия Христа в церкви. Здесь же, как мы видим, вновь фигурирует ранее упомянутое символическое число три. Именно третий визит Ордынова в церковь оказался финальным, судьбоносным для него.

Стоит обратиться к еще одному символу, встречающемуся на страницах произведения – символу дождя, ливня, который на страницах повести имеет нарастающий, усиливающийся характер, в первый раз он появляется в виде накрапывающего дождя в момент, когда Василий Ордынов ищет жилье, найдя «первый встречный угол», он «как будто заперся в монастырь, как будто отрешился от света» [5;6].

Во второй раз данный символ появляется в виде сильного ливня, когда Василий Ордынов снова нашел квартиру, только теперь для другой жизни, жизни в обществе Катерины и Мурина, в отношениях которых присутствует «какая-то странная, поистине мистическая гармония» [8;102]. «Он ходил очень долго; наконец, почувствовав, что промок до костей, и заметив в первый раз, что дождь идет ливнем, воротился домой» [5;16]. Дождь служит символом изменения в судьбе Ордынова, он является символом очищения от душевной боли, страданий, словно смывает его несчастье существования. «Идя наудачу, не видя дороги, он всё старался, по возможности, сосредоточиться духом, свести свои разбитые мысли и хоть немного рассудить о своем положении. Но усилие только повергало его в страдание, в пытку. Озноб и жар овладевали им попеременно, и по временам сердце начинало вдруг стучать так, что приходилось прислониться к стене. «Нет, лучше смерть, — думал он, — лучше смерть», — шептал он воспаленными, дрожащими губами, мало думая о том, что говорит» [5;16]. Ливень он загадочным образом не замечает, хотя промок до костей, однако после этого начинается новый этап в его жизни – жизнь рядом с Катериной. Роль данного символа важна не только для Ордынова, но и для Катерины, Ордынов словно приходит спасти ее, пленницу Мурина, от гнета, и ливень в данном случае означает и для нее начало новой жизни.

Дождь, ливень как символ прихода чего-то нового, спасительного, жизнотворного, как знамение Божественного благословения встречается в Священном Писании во «Второзаконии»: «...польется, как дождь, учение мое, как роса, речь моя, как мелкий дождь на зелень, как ливень на траву» (Второзаконие 32:2).

Говоря о мистической атмосфере повести, стоит упомянуть также речь Мурина и Катерины, которая полна загадочности и иносказательности и добавляет таинственности «сказовому развитию сюжета» [6;141]: «— Кто ж из нас кому люб иль не люб? — сказала она. — Кто не люб кому, тот мне люб и со мной будет пить свою чару. А мне всяк из вас люб, всяк родной: так пить всем на любовь и согласие!

— Пить да черную думу в вине топить! — сказал старик изменившимся голосом. — Наливай, Катерина!» [5;51].

Или другой показательный диалог: «— Да, горько, коль на бывалом одном пробиваться начнешь, — сказал старик задумчиво. — Что прошло, как вино пропито! Что в прошлом счастье? Кафтан износил, и долой.

— Новый надо! — подхватила Катерина, засмеявшись с натуги, тогда как две крупные слезинки повисли, как алмазы, на сверкнувших ресницах. — Знать, веку минутой одной не прожить, да и девичье сердце живуче, не угоняешься в лад! Спознал, старина? Смотри, я в твоей чаре слезинку мою схоронила!» [5;51-52].

Мистика в речи героев наполняет читателя ощущением, что все происходящее существует на каком-то словно ином, сказочном, таинственном языке, а герои, по замечанию В.С. Нечаевой, окружены «песенно-сказочной стихией» [10;228]. Безусловно, такой способ общения не случайно выбран автором, Катерина появляется из иного мира и времени, «я не здешняя... что тебе!», иносказательно говорит она о себе [5;19]. Ордынов же спрашивает ее «Кто ты, кто ты, родная моя? откуда ты, моя голубушка? Из какого неба ты в мои небеса залетела? Точно сон кругом меня; я верить в тебя не могу» [5;36]. Эти фразы придают образу Катерины дополнительный таинственный оттенок, а ключевые аспекты русского фольклора оказываются гармонично вписанными в сюжет повествования [16;57].

Катерина во время таких диалогов вся как в огне, для Ордынова «чудно делалось это» [5;52]. Ордынов же пребывает на грани мистической иллюзии и действительности, порой ему сложно понять, где сон, а где явь, речь Мурина и Катерины словно околдовывает его, «порой он сжимал свою руку, как будто не доверяя действительности. Ему казалось, что кошмар его душит и что на глазах его всё еще лежит страдальческий, болезненный сон. Но чудное дело! Ему не хотелось проснуться...» [5;51]. Красота Катерины также пленяет его, не замечая, он называет ее владычицей, чем вызывает взгляд старика, «как молния, сверкнул этот взгляд на мгновение — жадный, злой, холодно-презрительный» [5;50].

Катерина и Мурина образуют диалогическую пару загадчика и отгадчика, наполняя окружающую их и Ордынова обстановку дополнительной мистикой: «— Загадай, старина! Загадай мне, родимый мой, загадай прежде, чем ум пропьешь; вот тебе ладонь моя белая! Ведь недаром тебя у нас колдуном люди прозвали. Ты же по книгам учился и всякую черную грамоту знаешь! [5;52]» и далее «— Давай ручку, красавица! давай загадаю, всю правду скажу. Я и впрямь колдун; знать, не ошиблась ты, Катерина! знать, правду сказало сердечко твое золотое, что один я ему колдун и правды не потаю от него, простого, нехитрого! Да одного не спознала ты: не мне, колдуну, тебя учить уму-разуму!» [5;54].

Злоключения, жизненные события Катерины-хозяйки, которая отнесена некоторыми исследователями к ряду литературных героев, находящих удовольствие в страданиях [21;111], образуют свою сюжетную линию, наполненную интригой и мистикой, Ф.М. Достоевский представляет ее историю в форме неких видений, снов, наполненных таинственными символами. История Катерины столь запутанна и сложна для сиюминутного восприятия, что Ордынов даже не сразу ее понимает.

Образ Василия Ордынова, главного героя повести, безусловно, заслуживает внимания и может быть рассмотрен читателем как неотъемлемая часть ее мистического наполнения. На протяжении всего повествования Ордынов, названный некоторыми исследователями страстным мечтателем, который не мог ни противостоять страсти, ни заполучить объект ее, словно балансирует на невидимой грани между сном и явью, реальной жизнью и видениями [17;168]. И.И. Евлампиев отмечает, что герои повести «постоянно пребывают на какой-то грани между реальной жизнью и воображением, между нормальным бытием и бредом, переходящим в безумие» [8;83]. Тема безумия особенно выделяется исследователем, как то, что «выделяет повесть на фоне всех ранних произведений писателя, только в ней обладание мистическими способностями, определение человека как мистика, имеет прямой и очень важный смысл» [8;96]. Тот факт, что герои повести представляются читателю «эмоционально нестабильными и кажется путающими реальность с фантазией», отмечается и зарубежными исследователями [19;95]. Читатель погружен в атмосферу иллюзии, инаковости, инобытия, одержимости, бессознательности, которая окружает героя. Периодически герой возвращается в реальный мир, но, бродя по улицам, он словно притягивается неведомой необъяснимой силой обратно, в мир Катерины и Мурина, наполненный мистицизмом.

В начале повести Ф.М. Достоевский упоминает главную страсть героя – науку. «Его пожирала страсть самая глубокая, самая ненасытимая, истощающая всю жизнь человека и не выделяющая таким существам, как Ордынов, ни одного угла в сфере другой, практической, житейской деятельности. Эта страсть была — наука. Она снесла покамест его молодость, медленным, упоительным ядом отравляла ночной покой, отнимала у него здоровую пищу и свежий воздух, которого никогда не бывало в его душном углу, и Ордынов в упоении страсти своей не хотел замечать того. Он был молод и покамест не требовал большего. Страсть сделала его младенцем для внешней жизни и уже навсегда неспособным заставить посторониться иных добрых людей, когда придет к тому надобность, чтоб отмежевать себе между них хоть какой-нибудь угол. Наука иных ловких людей — капитал в руках; страсть Ордынова была обращенным на него же оружием» [5;6-7]. Наука сделала его отшельником и нелюдимом, он одичал, сам того не замечая. Итальянский литературовед, автор перевода повести «Хозяйка» на итальянский язык С. Алоэ отмечает, что «наука, проповедь, подвиг: мощный триптих знаменуется явно восходящим движением — это три этапа творческого роста, которые нельзя поменять местами. Особенный интерес представляет понимание Достоевским слова «наука», его соотношенность с духовной сферой. Подобное употребление этого слова встречаем, например, в ранней повести «Хозяйка» [1;91]. В жизнь и общество Ордынов возвращается, когда одна страсть загадочным образом сменяется другой, наука сменяется любовью. Герой повести вновь полностью погружается в свою страсть, свое увлечение, вновь готов отречься от земного существования, «любовью потрясилось всё его существо» [5;21]. Когда Катерина исчезает из его жизни, его страсть только усиливается, под

ее властью Ордынов готов вернуться к прежнему затворническому существованию, «порой, особенно в сумерки, в тот час, когда гул колоколов напоминал ему то мгновение, когда впервые задрожала, заныла вся грудь его дотоле неведомым чувством, когда он стал возле нее на коленях в божием храме, забыв обо всем, и только слышал, как стучало ее робкое сердце, когда слезами восторга и радости омыл он новую, светлую надежду, мелькнувшую ему в его одинокой жизни, — тогда буря вставала из уязвленной навеки души его. Тогда содрогался его дух и мучение любви жгучим огнем снова пылало в груди его. Тогда сердце его грустно и страстно болело и, казалось, любовь его возрастала вместе с печалью» [5;66]. Так завершается цикл изменений в жизни Ордынова, он снова одичал, вернулся к уединенной жизни, наука так и не смогла снова занять важное место в его жизни, «мысль не переходила в дело. Сознание остановилось» [5;65]. Душа его «крайне впечатлительная и незащищенная» не выдержала этого испытания [9;424]. Кажется, что герой уже толком не понимает, что произошло, где он, во сне или в реальности. В конце повести главный герой приходит в своем сознании к Богу, он понимает, что только верой и молитвой сможет облегчить свои страдания, спастись, даже работница хозяина его квартиры отмечает особое усердие в его молитвах.

Разграничение сознательных и бессознательных эпизодов и сюжетных линий повести вряд ли представляется возможным. Вероятно, это и не нужно – именно во взаимосвязи, во взаимопроникновении противоположных концептов и заключается неповторимая уникальность повести, ее мистичность, ее литературный феномен, явленное читателю «загадочное царство русской души и народа» [11;308].

Литература

1. Алоэ С. «Это не просто поэмы...»: несколько заметок на полях письма Ф. М. Достоевского А. Н. Майкову от 15 (27) мая 1869 года [Электронный ресурс] // Проблемы исторической поэтики. 2019. Том 17. № 3. С. 86-105. DOI:10.15393/j9.art.2019.6462
2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13 томах. Том X. 1956. М.: Издательство Академии наук СССР, 474 с.
3. Бельтран Альмерия Л. Символизм Достоевского. Пер. с испанского Н. Арсентьевой [Электронный ресурс] // Литературоведческий журнал. 2007. № 1. С. 58-74. URL: http://inion.ru/site/assets/files/3260/litzhurnal_21_2007.pdf
4. Владимирцев В.П. Достоевский народный. Ф.М. Достоевский и русская этнологическая культура. 2007. И.: ИГУ, 458 с.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 35-ти томах. Том 2. 2014. СПб.: Наука, 779 с.
6. Захаров В.Н. Имя автора – Достоевский. 2013. М.: Индрик, 456 с.
7. Захаров В.Н. Система жанров Достоевского. Типология и поэтика. 1985. Л.: Изд-во ЛГУ, 208 с.
8. Евлампиев И.И. Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). 2012. СПб.: Издательство РХГА, 588 с.
9. Егоренкова Г.И. Путь к великим романам // Достоевский Ф.М.: Бедные люди; Двойник; Хозяйка; Игрок. 1983. Г.: Волго-Вятское книжное издательство, 432 с.
10. Нечаева В.С. Ранний Достоевский. 1821-1849. 1979. М.: Издательство «Наука», 290 с.
11. Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф.М. Достоевского. 2007. М.: «Издатель

Д.В. Харченко», 312 с.

12. Сараскина Л.И. Достоевский. 2-е изд. 2013. М.: Молодая гвардия, 825 с.
13. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. 1990. М.: ПРАВДА, 448 с.
14. Фридлиндер Г.М. Пушкин. Достоевский. «Серебряный век». 1995. СПб.: «Наука», 525 с.
15. Berger L. Dostoevsky: the author as psychoanalyst. 2009. N.B.: Transaction Publishers, 295 p.
16. Brazier P.H., Murray A.R. Dostoevsky: a theological engagement. 2016. O.: Wipf and Stock Publishers, 218 p.
17. Fanger D. Dostoevsky and romantic realism: a study of Dostoevsky in relation to Balzac, Dickens and Gogol. 1998. I.: Northwestern University Press, 307 p.
18. Frank J. Dostoevsky: a writer in his time. 2012. N.J.: Princeton University Press, 984 p.
19. Jones M.V. Dostoevsky and the dynamics of religious experience. 2005. L.: Anthem Press, 183 p.
20. Lantz K.A. The Dostoevsky encyclopedia. 2004. W.: Greenwood Publishing Group, 499 p.
21. Scanlan J.P. Dostoevsky the thinker. 2002. I. and L.: Cornell University Press, 251 p.
22. Terras V. Reading Dostoevsky. 1998. M.: University of Wisconsin Press, 171 p.

References

1. Aloe S. «Eto ne prosto poemy...»: neskol'ko zametok na polyakh pis'ma F. M. Dostoevskogo A. N. Maikovu ot 15 (27) maya 1869 goda. *Problemy istoricheskoi poetiki=Problems of Historical Poetics*, 2019. Vol. 17, no. 3, pp. 86-105. DOI:10.15393/j9.art.2019.6462 (In Russ.).
2. Belinskii V.G. Polnoe sobranie sochinenii v 13 tomakh. Tom X. 1956. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 474 p. (In Russ.).
3. Bel'tran Al'meriya L. Simvolizm Dostoevskogo. Per. s ispanskogo N. Arsent'evoi. *Literaturovedcheskii zhurnal=Literary journal*, 2007, no. 1, pp. 58-74. Available at: http://inion.ru/site/assets/files/3260/litzhurnal_21_2007.pdf (Accessed: 03.04.2021) (In Russ.).
4. Vladimirtsev V.P. Dostoevskii narodnyi. F.M. Dostoevskii i russkaya etnologicheskaya kul'tura. 2007. Irkutsk: IGU, 458 p. (In Russ.).
5. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii v 35-ti tomakh. Vol. 2. 2014. Saint-Peterburg: Nauka, 779 p. (In Russ.).
6. Zakharov V.N. Imya avtora – Dostoevskii. 2013. Moscow: Indrik, 456 p. (In Russ.).
7. Zakharov V.N. Sistema zhanrov Dostoevskogo. Tipologiya i poetika. 1985. Leningrag: Publ. LGU, 208 p. (In Russ.).
8. Evlampiev I.I. Filosofiya cheloveka v tvorchestve F. Dostoevskogo (ot rannikh proizvedenii k «Brat'yam Karamazovym»). 2012. Saint-Peterburg: Izdatel'stvo RKhGA, 588 p. (In Russ.).
9. Egorenkova G.I. Put' k velikim romanam. *Dostoevskii F.M.: Bednye lyudi; Dvoinik; Khozuyaika; Igrok*, 1983. Gor'kii: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 432 p. (In Russ.).
10. Nechaeva V.S. Rannii Dostoevskii. 1821-1849. 1979. Moscow: Izdatel'stvo «Nauka», 290 p. (In Russ.).
11. Prep. Iustin (Popovich). Filosofiya i religiya F.M. Dostoevskogo. 2007. Moscow: «Izdatel' D.V. Kharchenko», 312 p. (In Russ.).
12. Saraskina L.I. Dostoevskii. 2-е изд. 2013. Moscow: Molodaya gvardiya, 825 p. (In Russ.).
13. Florenskii P.A. U vodorazdelov mysli. 1990. Moscow: PRAVDA, 448 p. (In Russ.).
14. Fridlender G.M. Pushkin. Dostoevskii. «Serebryanyi vek». 1995. Saint-Peterburg: «Nauka», 525 p. (In Russ.).

Михайлова М.В.
Мистический символизм художественного
пространства текстов Ф.М. Достоевского (на примере
повести «Хозяйка»)
Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 41–50.

Mikhaylova M.V.
Mystical Symbolism of the Artistic Space of Literary
Texts of F.M. Dostoevsky
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 41–59.

15. Berger L. Dostoevsky: the author as psychoanalyst. 2009. New Brunswick: Transaction Publishers, 295 p.
16. Brazier P.H., Murray A.R. Dostoevsky: a theological engagement. 2016. Oregon: Wipf and Stock Publishers, 218 p.
17. Fanger D. Dostoevsky and romantic realism: a study of Dostoevsky in relation to Balzac, Dickens and Gogol. 1998. Illinois: Northwestern University Press, 307 p.
18. Frank J. Dostoevsky: a writer in his time. 2012. New Jersey: Princeton University Press, 984 p.
19. Jones M.V. Dostoevsky and the dynamics of religious experience. 2005. London: Anthem Press, 183 p.
20. Lantz K.A. The Dostoevsky encyclopedia. 2004. Westport: Greenwood Publishing Group, 499 p.
21. Scanlan J.P. Dostoevsky the thinker. 2002. Ithaca and London: Cornell University Press, 251 p.
22. Terras V. Reading Dostoevsky. 1998. Madison: University of Wisconsin Press, 171 p.

Информация об авторах

Михайлова Мария Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, Московский государственный институт культуры, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0652-7834>, e-mail: nemashasky@mail.ru

Information about the authors

Mariya V. Mikhaylova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics, Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0652-7834>, e-mail: nemashasky@mail.ru

Получена 01.05.2021
Принята в печать 15.05.2021

Received 01.05.2021
Accepted 15.05.2021

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХО-, СОЦИО- И
ЭТНОЛИНГВИСТИКА | INTERCULTURAL COMMUNICATION AND PROBLEMS OF
GLOBALIZATION: PSYCHO-, SOCIO- AND ETHNOLINGUISTICS

К вопросу об использовании сторителлинга на занятиях по РКИ в условиях турецко-русского билингвизма

Шеремет О.В.

Агрыйский университет имени Ибрахима Чечена, г. Агры, Республика Турция
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8046-6403>, e-mail: top_olya.1990@mail.ru

Оздемир Э.

Агрыйский университет имени Ибрахима Чечена, г. Агры, Республика Турция
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5323-4220>, e-mail: elif66177@gmail.com

Данное научное исследование посвящено изучению вопроса формирования коммуникативной компетентности как важного качества вторичной языковой личности студента. Особенностью данной работы является тот факт, что процесс и приобретение навыков общения будущих филологов происходит в условиях турецко-русской учебной среды обучения. Мы сосредоточились на изучении коммуникативной компетентности у студентов носителей турецкого языка. На основе анализа научной литературы было выявлено, что одним из эффективных лингводидактических условий изучения РКИ в турецкой аудитории является использование метода сторителлинга. В данной статье мы рассмотрели понятие сторителлинга и дали характеристику основным видам этого метода: классическому, активному, компьютерному, многоголосному и т.д. Методический аспект применения данного метода показан на примере изучения темы «Предложный падеж имени существительного», изучение которой предусмотрено учебной программой дисциплины «Gramere giriş» / «Введение в грамматику» на подготовительном курсе Агрыйского университета имени Ибрахима Чечена. Мы полагаем, что описанные в рамках данной статьи этапы создания и рассказывания историй могут также способствовать эффективному формированию коммуникативной компетентности студентов-турок при изучении РКИ.

Ключевые слова: методика РКИ, турецко-русский билингвизм, русский язык как иностранный, сторителлинг, образование.

Для цитаты: Шеремет О.В., Оздемир Э. К вопросу об использовании сторителлинга на занятиях по РКИ в условиях турецко-русского билингвизма [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 51–61 DOI:10.17759/langt.2021080205

Шеремет О.В., Оздемюр Э.
К вопросу об использовании сторителлинга на занятиях по РКИ в условиях турецко-русского билингвизма
Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 51–61.

Sheremet O.V., Ozdemir E.
To the Question of the Use of Storytelling in the Classes on RCL in the Conditions of Turkish-Russian Bilingualism Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 51–61.

To the Question of the Use of Storytelling in the Classes on RCL in the Conditions of Turkish-Russian Bilingualism

Olga V. Sheremet

Agri Ibrahim Chechen University, Agri, Republic of Turkey,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8046-6403>, e-mail: top_olya.1990@mail.ru

Elif Özdemir

Agri Ibrahim Chechen University, Agri, Republic of Turkey,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5323-4220>, e-mail: elif66177@gmail.com

This scientific article is devoted to the study of the formation of communicative competence as an important quality of the secondary linguistic personality of a student. A feature of this work is the fact that the process and acquisition of communication skills of future philologists takes place in the conditions of the Turkish-Russian learning environment. We focused on learning the communicative competence of native Turkish students. Based on the analysis of scientific literature, it was revealed that one of the effective linguodidactic conditions for studying Russian as a foreign language in the Turkish audience is the use of storytelling method. In this article, we concentrated on the concept of storytelling and gave a description of the main types of this method: classical, active, computer, polyphonic, etc. The methodological aspect of the application of this method is shown on the example of studying the topic «Prepositional case of a noun», which is provided for in the curriculum of the discipline «Gramere giriş» / «Введение в грамматику» at the preparatory course of Ibrahim Chechen University of Agri. We believe that the stages of creating and telling stories described in this article can also make a contribute to the effective formation of the communicative competence of Turkish students during the learning Russian as a foreign language.

Keywords: teaching RFL, Turkish-Russian bilingualism, Russian as a foreign language, storytelling, education.

For citation: Sheremet O.V., Ozdemir E. To the Question of the Use of Storytelling in the Classes on RCL in the Conditions of Turkish-Russian Bilingualism. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 51–61. DOI:10.17759/langt.2021080205 (In Russ.).

Изучение иностранного языка неразрывно связано с формированием коммуникативной компетентности обучающегося, с помощью которой происходит взаимодействие в рамках двух языков. На этапе же профессиональной самореализации индивида коммуникативная компетентность обеспечивает квалифицированное применение языковых и речевых средств в различных ситуациях общения.

Как известно, любой речевой акт, являясь элементом коммуникативного процесса, предполагает постановку цели высказывания, говорение, восприятие, результат. Такая структура позволяет рассматривать коммуникативную компетентность с разных сторон. Обучение же русскому языку как иностранному в турецкой аудитории требует

необходимость особого подхода, поскольку эти языки являются разносистемными, что требует пересмотра арсенала методических приемов и методов обучения. Одним из способов решения задачи является метод сторителлинга, дидактический потенциал которого на занятиях по РКИ в условиях учебного билингвизма ещё малоизучен. Этим и продиктована актуальность данного исследования.

Целью статьи является раскрытие лингвометодических возможностей метода сторителлинга как инструмента формирования коммуникативных навыков студентов-филологов, изучающих русский язык как иностранный.

Для достижения поставленной цели мы проанализировали научно-методические ресурсы, отражающие суть данной проблемы в исследованиях турецких, российских и зарубежных авторов. Результаты такого поиска позволяют сказать, что существует множество определений понятия «коммуникативная компетентность».

Так, например, Д. Аксан считает, что это передача сигналов собеседника к собеседнику, а также ответ в зависимости от ситуации общения [1, с.17]. По мнению М.В. Стуриковой, способность обучаемого к восприятию и воспроизведению высказываний в соответствии со знаниями, умениями, филологическим опытом, принятыми нормами языка, личностными качествами, с использованием невербальных средств называется коммуникативной компетентностью [11, с.788]. «Коммуникативная компетентность есть наличие знаний, необходимых для общения с языковым обществом, и навыков, необходимых для их использования» - считает Тахсин Акташ [4, с.91]. Согласно мнению исследователя, владение коммуникативной компетентностью предполагает способность студента говорить и понимать язык, собственную культуру, и культуру изучаемого им иностранного языка, овладевать определенными структурами в возможных речевых ситуациях и адекватно реагировать на ситуацию. Эта способность ориентирована на коммуникативный подход в процессе освоения иноязычной действительности [4, с.95].

На двустороннюю природу этого понятия указывает О.М. Орлов, подчеркивая, что «коммуникативная компетентность включает речеведческие знания и речетворческие умения [8, с.129].

Вопрос структуры коммуникативной компетентности также не является однозначным. Мы изучили этот аспект и выявили, что существует несколько точек зрения исследователей относительно компонентов. Например, Г. Чанышева выделяет 2 элемента коммуникативной компетентности: вербальную и невербальную (социокультурную [12, с.148]. Е.В. Сальникова пишет о таких составляющих коммуникативной компетентности: лингвистический, социолингвистический, социокультурный, дискурсивный, социальный [10, с.788].

Следовательно, коммуникативная компетентность, являясь сложным поликомпонентным образованием, предполагает индивидуальную способность человека совершать речевой акт в соответствии с поставленной коммуникативной задачей. Это, в свою очередь, влияет на качество владения индивидом вербальными и невербальными средствами языка.

В контексте соизучения русского и турецкого языков, коммуникативная компетентность неразрывно связана со становлением вторичной языковой личности студента. О.В. Легкостаева трактует данное понятие как «совокупность способностей человека к производству речевых поступков в условиях аутентичного общения с представителями других культур» [5, с.283].

Обобщение результатов многочисленных научно-педагогических исследований показывает, что в методике РКИ выделен ряд лингводидактических принципов обучения, на которые мы можем опираться при работе с турецкой студенческой аудиторией:

- Принцип наглядности. Это один из ведущих лингводидактических принципов обучения, обеспечивающий максимальное восприятие и запоминание учебного материала, который может быть подан как в моно-, так и в билингвальном варианте.

- Принцип системности, что предполагает последовательное изучение лексико-грамматических и разговорных тем, ориентированных на конкретный уровень владения русским языком как иностранным.

- Принцип функциональности. Данная категория методики подразумевает подачу языкового и учебного материала с учетом актуального высказывания. Тесно связан с принципом коммуникативности, отражающим практический аспект владения языком.

- Принцип минимизации языка заключается в том, что на занятии по РКИ отбираются языковые и речевые единицы, максимально соответствующие компетентностям, относящимся к определенному уровню владения языком. Ограничение учебного материала продиктовано не только программными требованиями, но и психолингвистическими особенностями обучения русскому языку в турецкой аудитории.

- Принцип опоры на родной язык. Несомненно, одна из значимых составляющих процесса обучения РКИ студентов-иностранцев. Сущность этого принципа раскрыта в трудах многих именитых ученых, подчеркивающих необходимость учета филологического опыта обучаемых в родном языке и использования родного языка (в нашем случае – турецкого) при объяснении нового учебного материала.

- Принцип взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности: слушанию, говорению, чтению и письму. Синхронное формирование таких навыков происходит «в рамках последовательно-временного соотношения на основе общего языкового материала и с помощью специальных упражнений» [15, с.154].

- Принцип аппроксимации, подразумевающий возможность в процессе обучения студента допускать фонологические либо грамматические ошибки, если они не мешают целостному восприятию высказывания и не искажают его смысл [14].

Учет вышеперечисленных принципов обучения, на наш взгляд, может послужить эффективным условием формирования коммуникативной компетентности студентов-турок, изучающих РКИ.

Кроме принципов обучения, важную роль в формировании коммуникативной компетентности играют методы обучения. Мы в качестве основных можем назвать такие группы методов обучения: общедидактические, частнодидактические, прямые, сознательные, комбинированные, интенсивные.

В настоящее время видовое разнообразие методов обучения иностранному языку отражено в работах таких ученых как Р.Р. Девлетов, Ф. Гуэн, И.А. Зимняя, И.П. Подласый, О.В. Шеремет, А.Н. Щукин и др. Однако объем данной статьи не позволяет дать полную характеристику-описание всем вышеперечисленным группам методов. Мы сконцентрируемся на методе сторителлинга, который появился в арсенале преподавателей относительно недавно, но уже успел зарекомендовать себя как действенный инструмент познания студентами иноязычной языковой и речевой действительности.

Сторителлинг (англ. storytelling: story – история и telling – представление) – это приём передачи информации, образов и навыков путём составления истории. Сторителлинг в обучении РКИ можно определить как метод создания ассоциативно-эмоциональных связей, помогающих акцентировать внимание студентов на актуальных аспектах изучения дисциплин лингводидактического цикла.

Рассмотрим подробнее данное понятие. История его возникновения связана с именем Д. Армстронга, написавшего книгу под названием «MBSA: Managing by Storying» [2]. Первоначально идея книги заключалась в ознакомлении читателей с принципами и правилами делового этикета. Книга стала настолько востребованна, что вскоре приобрела широкую популярность среди специалистов в области маркетинга, менеджмента, журналистики, политики, педагогики.

Центральным звеном этого метода является история, под которой понимается любое сюжетно связанное повествование, направленное на освоение учебного материала в рамках заданной темы. Именно история, по мнению А.В. Новичковой, является носителем и передатчиком знаний целевой аудитории [7]. В практике преподавания РКИ метод сторителлинга имеет ряд методических преимуществ. Так, например, рассказывание или слушание историй на занятиях мотивирует студентов к изучению русского языка, способствует увеличению их словарного запаса, запоминанию лексико-грамматических конструкций, развивает беглость и правильность речи.

В настоящее же время сторителлинг рассматривается и как альтернативный метод обучения в лингводидактике, имеющий несколько вариаций. Назовём виды сторителлинга, которые рекомендуется использовать при изучении РКИ:

* Классический сторителлинг. Актуализирует рецептивные навыки обучаемых. Использование классического сторителлинга предполагает рассказ преподавателем истории. Перед студентами же ставится задача воспринять информацию как передачу знания, поданную в наиболее удобной для запоминания форме.

* Активный сторителлинг. При этом студентам предоставляется план истории. Задача студентов – составить историю, опираясь на рекомендации либо наводящие вопросы преподавателя, заданную коммуникативную ситуацию, используя поданные визуальные опоры (схемы, таблицы). Создаваемые таким образом истории могут полностью импровизироваться студентами при условии, что их уровень словарного запаса соответствует заданной тематике истории.

Кроме того, существуют еще некоторые виды сторителлинга:

1. Компьютерный сторителлинг. Создание или рассказывание историй сопровождается демонстрацией аудиовизуальных образов на мультимедийных средствах [7].

2. Сэндвич сторителлинг (sandwich storytelling). При использовании этого вида у оратора и слушателей есть единый сюжет истории, которую необходимо дополнить и расширить за счёт творческих дополнений.

3. Многоголосый сторителлинг используется, когда одна учебная история рассказывается несколькими участниками на занятии [3].

Целесообразность применения сторителлинга как средства формирования коммуникативной компетентности обуславливается тем фактом, что студенты-филологи легче запоминают отдельные речевые и языковые единицы.

Приведем пример использования метода сторителлинга на занятии по грамматике «Gramere Giriş» РКИ в условиях учебной турецко-русской среды. Изучение данной дисциплины предусмотрено учебным планом на подготовительном курсе отделения русского языка и литературы Агрыйского университета имени Ибрахима Чечена (г.Агры, Турция).

При освоении содержания курса решается ряд задач, среди которых – формирование представлений у студентов об одушевленных и неодушевленных существительных; умения различать род, число имен существительных; знание падежной системы имен существительных, правил формообразования; навыков употреблений падежей в собственной фразе.

В связи с этим уточняются дидактические возможности и требования к использованию истории как метода обучения коммуникативным навыкам. Так, рассказы позволяют преподавателю эффективным образом подавать грамматические конструкции в рамках заданной темы. Элементарные языковые единицы при этом должны быть знакомы обучаемым или представлены им с помощью средств наглядности. Рассказывая историю, преподаватель обращает внимание студентов на определенное грамматическое явление. Подача учебного материала на занятии должна сопровождаться грамматическим комментарием.

Существуют общие правила сторителлинга. Так, при обучении РКИ в турецком вузе рекомендуется учитывать такие правила:

1. История должна быть лаконичной и доступной для понимания студентами-турками на занятиях по РКИ. Продолжительность повествования – не более 10 минут.

2. Историю следует рассказывать, используя как вербальные, так и невербальные средства общения. Это предполагает владение преподавателем навыками ораторского искусства наряду с переводческой компетентностью.

3. Следует выбрать героя истории, близкого психологически к студентам и интересного им.

4. История может не иметь финала. Это необходимо для того, чтобы мотивировать обучаемых использовать языковые и речевые средства русского языка при создании собственного высказывания, например, при составлении концовки рассказа.

5. Преподавателю следует создавать ассертивную среду обучения, т.е. не только создавать ситуацию успеха, но и воздействовать на эмоциональное восприятие студентами сюжетной линии истории.

6. Преподавателям РКИ рекомендуется учитывать, что при изучении русского языка в условиях русско-турецкой билингвальной среды история создается с учетом того сертификационного уровня, на котором находится студент.

Применение сторителлинга предполагает несколько этапов. К ним относятся:

- *пропедевтический этап*. Поскольку история является обязательным компонентом изучения новой темы, можно предложить студентам тему будущей истории или иллюстрации к ней, а затем попросить предположить, о чем будет рассказ. Такая антиципация стимулирует познавательную деятельность обучаемых. На данном этапе проводится словарная работа, объясняется значение новых лексем. Иногда для этой цели уместно использовать турецкий язык при переводе безыквивалентных грамматических или лексических явлений.

- *презентация истории.* Рассказывая историю, преподавателю следует часто делать паузы и взаимодействовать с аудиторией, чтобы получить обратную связь. К примеру, можно попросить объяснить значение слова или выражения из только что озвученного предложения. Желательно, чтобы получаемые ответы были на русском языке. Кроме этого, необходимо также развивать навыки антиципации студентов. Для этого достаточно спрашивать их мнение относительно дальнейшего развития сюжета истории.

- *итоговый этап.* Здесь предполагается выполнение системы репродуктивных, продуктивных и творческих заданий. После этого следует обсуждение сюжета рассказа с составлением маинд-карты для краткого пересказа полученной информации.

О.Б. Пяткова, исследуя общие основы использования сторителлинга в обучении, говорит о целесообразности использования таких приемов, как:

- найти верный порядок перемешанных предложений в соответствии с сюжетной линией истории;

- выявить истинные и ложные утверждения;

- заполнить пропуски в письменной версии истории;

- закончить предложения [9, с.43];

- перевести отрывок с русского языка на турецкий.

К заданиям продуктивного характера относятся придумывание финала истории, высказать свое мнение относительно характеров персонажей или их действий; проанализировать причинно-следственные связи, показанные в сюжете истории; поделиться тем, что бы сделал студент, находясь в такой ситуации, рассказать собственную историю. К творческим заданиям относятся иллюстрации эпизода истории, изготовление афиши к этой истории, инсценировка и пр.

Принимая во внимание особенности составления рассказов и использования техники сторителлинг на занятиях по РКИ, мы предлагаем студентам уровня А1 такой текст. Этот текст подходит для изучения темы «Предложный падеж имени существительного» / İSMİN – de HALİ. Для более наглядного представления текст подаётся в билингвальном варианте:

ОДИН ДЕНЬ ИЗ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Меня зовут Элиф. Я учусь в Санкт-Петербурге. У меня есть прекрасные друзья здесь.

В выходные мы встретились в университете, чтобы готовиться к экзамену. Мы повторяли записи в тетрадах, спрашивали друг друга: «Что у тебя в комнате?». Али спросил меня, и я ответила:

У меня есть кровать в комнате, на кровати лежит кошка. Справа от кровати книжная полка. Посередине комнаты лежит большой ковер. На окне висит оранжевая занавеска. У меня есть стол и стул напротив окна. У меня есть учебники, ручки, письма, вода и компьютер на столе. А на стене висит большая картина. И, наконец, у меня есть синий шкаф. В шкафу есть разноцветные платья, юбки, брюки, рубашки, футболки, туфли.

Я сказала, что это моя комната. Мы с друзьями делали домашнее задание. Мы рассказали о своей комнате. Потом мы...

HAYATIMIZDAN BİR GÜN

Benim adım Elif. Sankt-Petersburg'ta eğitim görüyorum. Benim güzel arkadaşlarım var burda.

Hafta sonu biz üniversitede sınava hazırlanmak için buluşmuştuk. Defterlerimizdeki notları tekrar yaptık, birbirimize sorular sorduk. Konumuz, odanda neler var. Ali bana sordu, ben ise cevapladım:

Odamda bir yatak, yatağın üzerinde kedim var. Yatağın sağında bir kitaplık var. Odanın ortasında büyük bir halı var. Pencerede asılı turuncu bir perde var. Pencerenin karşısında masam ve sandalyem var. Masanın üzerinde ders kitaplarım, kalemim, mektuplarım, suyum ve bilgisayarım var. Duvarda ise büyük bir tablo asılı. Ve en son olarak mavi bir dolabım var. Dolabın içinde rengarenk elbiseler, etek, pantolon, gömlek, tişört, ayakkabılarım var.

İşte benim odam böyle dedim. Arkadaşlarımla oda hakkındaki ödevimizi yaptık. Sonra biz ...

После прочтения текста обязательно необходимо подать ключевые или новые для студентов слова в русско-турецком переводе:

СЛОВАРЬ / SÖZCÜK

- готовиться к экзамену = sinava hazırlanmak
- разноцветный = rengârenk
- домашнее задание = ev ödevi

Руководствуясь изложенными выше этапами работы при использовании сторителлинга, необходимо предложить студентам задания рецептивного, продуктивного и творческого характера. Среди творческих заданий, например, могут быть следующие:

Составьте предложение со словами. Используйте форму предложенного надежда («ГДЕ?») / Kelimelerle bir cümle oluşturunuz. İsmi –de hali kullanın:

- справа; комната; я; жить.
- готовиться; библиотека; экзамен; студенты.
- мы; музей; видеть; много; туристы.
- вернуться; друзья; дом.

Ответьте на вопросы / Sorulara cevap veriniz

- 1) Если бы друзья не готовились вместе к экзамену, как бы они провели свой день?
- 2) Вы – Али. Расскажите, что вы услышали о комнате друга.
- 3) Что бы вы рассказали Али о своей комнате?
- 4) Как вы обычно готовитесь к экзамену?
- 5) Продолжите историю: что делали друзья потом?
- 6) Вы – художник. Нарисуйте иллюстрацию к прослушанной вами истории.

Таким образом, в данном исследовании мы рассмотрели методические особенности применения метода сторителлинга в процессе формирования коммуникативной компетентности. Проведенное исследование позволило говорить о том, что слушание и создание истории активизирует когнитивные процессы студентов, мотивируя их к построению собственного высказывания. Однако данное исследование не исчерпывает всех вопросов, касающихся метода сторителлинга при обучении РКИ. Перспективной остается разработка лингводидактического обеспечения дисциплин лингводидактического цикла, ориентированного на студентов, чьим родным языком является турецкий.

Литература

1. Легостаева О.В. Обучение билингвизму в условиях межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] // Вопросы методики преподавания в вузе. 2014. Том 3. № 17. С. 281-289. URL: [https://hum.spbstu.ru/userfiles/files/pdf/Voprosy_Metodiki_3\(17\)2014.pdf](https://hum.spbstu.ru/userfiles/files/pdf/Voprosy_Metodiki_3(17)2014.pdf) (дата

Шеремет О.В., Оздемир Э.
К вопросу об использовании сторителлинга на занятиях по РКИ в условиях турецко-русского билингвизма
Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 51–61.

Sheremet O.V., Ozdemir E.
To the Question of the Use of Storytelling in the Classes on RCL in the Conditions of Turkish-Russian Bilingualism Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 51–61.

- обращения: 08.04.2021)
2. *Логинова А.В.* Цифровое повествование как способ обучения коммуникации на иностранном языке [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2015. Том 87. № 7. С. 805–809. URL: <https://moluch.ru/archive/87/16740/> (дата обращения: 06.09.2021).
 3. *Новичкова А.В., Воскресенская Ю.В.* Сторителлинг как современный инструмент управления персоналом [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. Том 25. № 6. С. 1-12. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/39EVN614.pdf> (дата обращения: 05.04.2021)
 4. *Орлов О.М.* Профессиональная коммуникативная компетентность будущего специалиста [Электронный ресурс] // Вестник ОГУ. 2002. № 1. С.128-132. URL: http://vestnik.osu.ru/2002_1/21.pdf (дата обращения: 05.04.2021)
 5. *Пяткова О.Б.* Метод сторителлинга в обучении [Электронный ресурс] // Школьные технологии. 2018. № 6. С.41-45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-storitellinga-v-obuchenii> (дата обращения: 07.04.2021)
 6. *Сальникова Е.В.* Методические основы формирования коммуникативной компетенции иностранных студентов в процессе обучения английскому языку [Электронный ресурс] // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 24. С. 787-790. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-osnovy-formirovaniya-kommunikativnoy-kompetentsii-inostrannyh-studentov-v-protssesse-obucheniya-angliyskomu-yazyku-1/viewer> (дата обращения: 07.04.2021)
 7. *Стурикова М.В.* Коммуникативная компетенция: к вопросу о дефиниции и структуре [Электронный ресурс] // Инновационные проекты и программы в образовании. 2015. № 6. С. 27-31. URL: <https://www.in-exp.ru/proekt/758--q-6-2015.pdf> (дата обращения: 07.04.2021)
 8. *Чанышева Г.О.* О коммуникативной компетентности [Электронный ресурс] // Высшее образование в России. 2005. № 2. С.148-151. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kommunikativnoy-kompetentnosti/viewer> (дата обращения: 07.04.2021)
 9. *Шеремет О.В.* Подготовка будущих учителей начальных классов к орфоэпической работе в условиях трилингвальной учебной среды: Дис. ... к.пед.н. Симферополь, 2015. 233 с.
 10. *Ширяева В.А.* Формирование универсальной ключевой компетентности средствами ТРИЗ. 2009. С.: Наука, 88 с.
 11. *Щукин А.Н.* Методика преподавания русского языка как иностранного / Учеб. пособие для вузов. 2003. М.: Высш. шк., 334 с.
 12. *Aksan D.* Dil, Şu Büyüklü Düzen. 2017. A.: Bilgi Yayınevi, 184 p.
 13. *Armstrong D.* Managing by Storying Around: A New Method of Leadership. 1992. С.: Armstrong International, 272 p.
 14. *Rinvoluceri M.* Story telling: the language teacher's oldest technique // Pilgrims, UK British Council. 2008. URL: <https://www.teachingenglish.org.uk/article/story-telling-language-teachers-oldest-technique> (дата обращения: 08.04.2021)
 15. *Tahsin A.* Yabancı Dil Öğretiminde İletişimsel Yeti // Dil ve Dilbilimi Çalışmaları Dergisi. 2005. № 1. P. 89 – 100. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/jlls/issue/9921/122834> (дата обращения: 08.04.2021)

References

1. Legostaeva O.V. Obuchenie bilingvizmu v usloviyakh mezhkul'turnoi kommunikatsii. *Voprosy*

Шеремет О.В., Оздемир Э.
К вопросу об использовании сторителлинга на занятиях по РКИ в условиях турецко-русского билингвизма
Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 51–61.

Sheremet O.V., Ozdemir E.
To the Question of the Use of Storytelling in the Classes on RCL in the Conditions of Turkish-Russian Bilingualism Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 51–61.

- metodiki prepodavaniya v vuze=Questions of teaching methodology at the university*, 2014. Vol. 3, no. 17, pp. 281-289. Available at: [https://hum.spbstu.ru/userfiles/files/pdf/Voprosy_Metodiki_3\(17\)2014.pdf](https://hum.spbstu.ru/userfiles/files/pdf/Voprosy_Metodiki_3(17)2014.pdf) (Accessed 08.04.2021). (In Russ.).
2. Loginova A.V. Tsifrovoe povestvovanie kak sposob obucheniya kommunikatsii na inostrannom yazyke. *Molodoi uchenyi=Young scientist*, 2015. Vol. 87, no. 7, pp. 805–809. Available at: <https://moluch.ru/archive/87/16740/> (Accessed 06.09.2021). (In Russ.).
 3. Novichkova A.V., Voskresenskaya Yu.V. Storytelling kak sovremenniy instrument upravleniya personalom. *Internet-zhurnal «Naukovedenie»=Online magazine "Science of Science"*, 2014. Vol. 25, no. 6, pp. 1-12. Available at: <https://naukovedenie.ru/PDF/39EVN614.pdf> (Accessed 05.04.2021). (In Russ.).
 4. Orlov O.M. Professional'naya kommunikativnaya kompetentnost' budushchego spetsialista. *Vestnik OGU=OSU Bulletin*, 2002, no. 1, pp. 128-132. Available at: http://vestnik.osu.ru/2002_1/21.pdf (Accessed 05.04.2021). (In Russ.).
 5. Pyatkova O.B. Metod storitellinga v obuchenii. *Shkol'nye tekhnologii=School technology*, 2018, no. 6, pp. 41-45. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-storitellinga-v-obuchenii> (Accessed 07.04.2021). (In Russ.).
 6. Sal'nikova E.V. Metodicheskie osnovy formirovaniya kommunikativnoi kompetentsii inostrannykh studentov v protsesse obucheniya angliiskomu yazyku. *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo=Izvestia PGPU im. V.G. Belinsky*, 2011, no. 24, pp. 787-790. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-osnovy-formirovaniya-kommunikativnoy-kompetentsii-inostrannykh-studentov-v-protsesse-obucheniya-angliiskomu-yazyku-1/viewer> (Accessed 07.04.2021). (In Russ.).
 7. Sturikova M.V. Kommunikativnaya kompetentsiya: k voprosu o definitsii i structure. *Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii=Innovative projects and programs in education*, 2015, no. 6, pp. 27-31. Available at: <https://www.in-exp.ru/proekt/758--q-6-2015.pdf> (Accessed 07.04.2021). (In Russ.).
 8. Chanysheva G.O. O kommunikativnoi kompetentnosti. *Vysshee obrazovanie v Rossii=Higher education in Russia*, 2005, no. 2, pp. 148-151. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kommunikativnoy-kompetentnosti/viewer> (Accessed 07.04.2021). (In Russ.).
 9. Sheremet O.V. Podgotovka budushchikh uchitelei nachal'nykh klassov k orfoepicheskoi rabote v usloviyakh trilingval'noi uchebnoi sredy: Dis. ... k.ped.n. Simferopol', 2015. 233 p. (In Russ.).
 10. Shiryayeva V.A. Formirovanie universal'noi klyuchevoi kompetentnosti sredstvami TRIZ. 2009. Saratov: Nauka, 88 p. (In Russ.).
 11. Shchukin A.N. Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo / Ucheb. posobie dlya vuzov. 2003. Moscow: Vyssh. shk., 334 p. (In Russ.).
 12. Aksan D. Dil, Şu Büyülü Düzen. 2017. Ankara: Bilgi Yayınevi, 184 p.
 13. Armstrong D. Managing by Storying Around: A New Method of Leadership. 1992. Canada: Armstrong International, 272 p.
 14. Rinvoluceri M. Story telling: the language teacher's oldest technique // Pilgrims, UK British Council. 2008. Available at: <https://www.teachingenglish.org.uk/article/story-telling-language-teachers-oldest-technique> (Accessed 08.04.2021)
 15. Tahsin A. Yabancı Dil Öğretiminde İletişimsel Yeti // Dil ve Dilbilimi Çalışmaları Dergisi. 2005. № 1. P. 89 – 100. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/jlls/issue/9921/122834> (Accessed

Шеремет О.В., Оздемир Э.
К вопросу об использовании сторителлинга на занятиях по РКИ в условиях турецко-русского билингвизма
Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 51–61.

Sheremet O.V., Ozdemir E.
To the Question of the Use of Storytelling in the Classes on RCL in the Conditions of Turkish-Russian Bilingualism
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 51–61.

08.04.2021)

Информация об авторах

Шеремет Ольга Витальевна, Кандидат педагогических наук, старший преподаватель отделения русского языка и литературы, Агрыйский университет имени Ибрахима Чечена, г.Агры, Республика Турция, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1111>, e-mail: top_olya.1990@mail.ru

Оздемир Элиф, бакалавр, отделение русского языка и литературы, Агрыйский университет имени Ибрахима Чечена, г.Агры, Республика Турция, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5323-4220>, e-mail: elif66177@gmail.com

Information about the authors

Olga V. Sheremet, PhD (Pedagogy), Department of Russian Language and Literature, Agri Ibrahim Chechen University, Agri, Republic of Turkey, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8046-6403>, e-mail: top_olya.1990@mail.ru

Elif Özdemir, Bachelor, Department of Russian Language and Literature, Agri Ibrahim Chechen University, Agri, Republic of Turkey, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5323-4220>, e-mail: elif66177@gmail.com

Получена 01.05.2021

Принята в печать 15.05.2021

Received 01.05.2021

Accepted 15.05.2021

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХО-, СОЦИО- И
ЭТНОЛИНГВИСТИКА | INTERCULTURAL COMMUNICATION AND PROBLEMS OF
GLOBALIZATION: PSYCHO-, SOCIO- AND ETHNOLINGUISTICS

Межкультурная коммуникация с позиций лингвистики, экстралингвистики и социальной психологии

Корнев В.А.

Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко (ВГМУ им. Н.Н. Бурденко), г. Воронеж, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9760-5510>, e-mail: vkornev48@yandex.ru

Мурашкина О.В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5271-5284>, e-mail: olinve@yandex.ru

Межкультурная коммуникация есть общение между представителями различных культур независимо от того, в какой сфере они общаются. Сейчас, когда смешение народов, взаимопроникновение языков и культур, миграция потоков населения достигли невиданного размаха, как никогда остро встала проблема сосуществования в поликультурном пространстве, диалога культур, воспитания терпимости к чужим культурам, пробуждение интереса и уважения к ним, преодоления ксенофобии, расизма, национализма и шовинизма. Именно этим вызвано всеобщее повышение внимания к межкультурной коммуникации, исследованию её лингвистического, социологического, психолингвистического и других аспектов. Навыки межкультурной коммуникации необходимы тем, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с взаимодействием между культурами и осуществляется посредством коммуникации (в таких случаях её называют профессиональной коммуникацией). Основными причинами возрастания внимания к этой проблеме являются глобализация, миграция и социально-экономические проблемы. В этих условиях приоритетной задачей становится обращение к проблеме воспитания толерантности у подрастающего поколения.

Ключевые слова: язык, культура, менталитет, социальное взаимодействие, кросс-культурология, различия и сходства культур, культурный барьер, конфликт культур, адекватное взаимопонимание, воспитание толерантности.

Для цитаты: Корнев В.А., Мурашкина О.В. Межкультурная коммуникация с позиций лингвистики, экстралингвистики и социальной психологии [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 62–69. DOI:10.17759/langt.2021080206

Intercultural Communication from the Position of Linguistics, Extralinguistics and Social Psychology

Vladimir A. Kornev

Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko (Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko), Voronezh, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9760-5510>, e-mail: vkornev48@yandex.ru

Olga V. Murashkina

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5271-5284>, e-mail: olinve@yandex.ru

Cross-cultural communication is communication between representatives of different cultures, regardless of what field they communicate in. Now, when the mixing of peoples, the interpenetration of languages and cultures, the migration of population flows have reached an unprecedented scale, the problem of coexistence in a multicultural space, the dialogue of cultures, the education of tolerance for foreign cultures, the awakening of interest and respect for them, the overcoming of xenophobia, racism, nationalism and chauvinism is more acute than ever. This is the reason for the general increase in attention to intercultural communication, the study of its linguistic, sociological, psycholinguistic and other aspects. To date, research in the field of intersubject communication has focused on the behavior of people who encounter differences in language activity and the consequences of these differences. Most often, intersubject communication is interpreted as an adequate mutual understanding of communication participants belonging to different national cultures. Cross-cultural communication skills are necessary for those whose professional activities are directly related to the interaction between cultures and are carried out through communication. These include education, socio-political, translation, management, consulting, social work, journalism, business, etc. In recent years, increased interest not only in scientific circles, but also among the general public has attracted the problem of tolerance education. The main reasons for increasing attention to this problem are globalization, migration and socio-economic problems. In these conditions, the priority task is to address the problem of fostering tolerance in the younger generation.

Keywords: language, culture, mentality, social interaction, cross-cultural studies, cultural differences and similarities, cultural barrier, conflict of cultures, adequate mutual understanding, fostering tolerance.

For citation: Kornev V.A., Murashkina O.V., Dedova O.M. Intercultural Communication from the Position of Linguistics, Extralinguistics and Social Psychology. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 62–69. DOI:10.17759/langt.2021080206 (In Russ.).

В современном мире возрастает значение межкультурной коммуникации как

эффективного средства достижения высокого уровня сотрудничества между различными народами и культурами. Полноценные дружественные взаимоотношения между представителями различных наций невозможны без знания языка и уважительного отношения к культуре друг друга.

Межкультурная коммуникация есть общение между представителями различных культур независимо от того, в какой сфере они общаются. Сейчас, когда смешение народов, взаимопроникновение языков и культур, миграция потоков населения достигли невиданного размаха, как никогда остро встала проблема сосуществования в поликультурном пространстве, диалога культур, воспитания терпимости к чужим культурам, пробуждение интереса и уважения к ним, преодоления ксенофобии, расизма, национализма и шовинизма. Именно этим вызвано всеобщее повышение внимания к межкультурной коммуникации, исследованию её лингвистического, социологического, психолингвистического и других аспектов.

Культура реализуется в первую очередь именно через язык. Язык, в свою очередь, выражает самобытную среду существования культуры народа (Грейдина 2004).

По единодушному мнению культурологов, этнологов, социологов, в диалоге культур культуры в буквальном смысле никогда не встречаются. Встречаются, взаимодействуют люди, и в результате социального взаимодействия – аккультурации могут происходить изменения в образе жизни, менталитете, традициях одного и обоих народов. Становится очевидным, что люди не свободны от влияния культуры.

В то же время компонент культуры не просто некая культурная информация, сообщаемая различными языками. Известный специалист по межкультурной коммуникации С.Г. Тер-Минасова пишет: «Язык – сокровищница, кладовая, копилка культур. Он хранит культурные ценности – в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи» (Тер-Минасова 2000). Язык – зеркало культуры. В нём отражается не только реальный мир, окружающий человека, реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира.

Понятие культуры не имеет однозначного определения. В настоящее время в научный обиход введено более 250 различных определений понятия «культура», что свидетельствует о реальном многообразии её проявлений. Наиболее близко к обсуждаемой проблематике: «Культура – это совокупность результатов деятельности человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни». Говоря о соотношении понятий «язык» и «культура», следует иметь в виду, что более общим среди национально-специфических компонентов является культура, а язык – часть культуры и один из способов её хранения и репрезентации.

Определение межкультурной коммуникации вытекает из самого термина: это общение людей, представляющих разные культуры. Сам же термин «межкультурная коммуникация» в узком смысле появился в литературе в 70-х годах XX в. (Samovar 1995). К этому времени сформировалось научное направление, предметом рассмотрения которого стало изучение коммуникативных неудач и их последствий в ситуациях межкультурного общения. Впоследствии произошло расширение понятия «межкультурная коммуникация» на такие области, как теория перевода, обучение иностранным языкам, сравнительная культурология,

контрастивная прагматика и другие.

К настоящему моменту научные исследования в области межкультурной коммуникации сосредоточены на поведении людей, сталкивающихся с различиями в языковой деятельности и последствиями этих различий. Чаще всего межпредметную коммуникацию трактуют именно как адекватное взаимопонимание участников коммуникации, принадлежащих к разным национальным культурам (Верещагин, Костомаров 1992).

Наиболее полное, как мы полагаем, определение межкультурной коммуникации дано И.И. Халеевой: «Межкультурная коммуникация есть совокупность специфических процессов взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам и языкам. Она происходит между партнёрами по взаимодействию, которые не только принадлежат к разным культурам, но и при этом осознают тот факт, что каждый из них является «другим» и каждый воспринимает чужеродность «партнёра» (Халеева 2000). В связи с этим, мы хотели бы подчеркнуть в этом определении существенный признак межкультурной коммуникации – осознание речевыми партнёрами собственной инаковости и инаковости другого. Осознание этого факта приводит неизбежно к необходимости учитывать национально-культурную специфику коммуникации.

Рассмотрение национально-культурной специфики коммуникации на контрастивном сопоставлении языков (английского и русского, испанского и русского, английского и испанского и т.д.) получило название кросс-культурного. Кросс-культурные исследования имеют своей целью выявление культурно обусловленной картины мира. В рамках собственной культуры создаётся прочная иллюзия своего видения мира, образа жизни, менталитета и т.п. как единственно возможного и единственно приемлемого. Только выйдя за рамки своей культуры, т.е. столкнувшись с иным мировоззрением, мироощущением и т.п., можно понять специфику своего общественного сознания, увидеть различия или сходства культур.

Через столкновение культур удаётся яснее осознать сходство и различие этих культур, а «через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаём в нём, и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчётливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» (Гумбольдт 1985).

Конфликт культур проявляется на разных уровнях. Изучение его очень важно, особенно когда эти трудности скрыты от участников коммуникации. Наиболее явственно, на наш взгляд, он проявляется во фразеологии, так как именно эта часть языка имеет не прямой и непосредственный выход в реальный мир, во внеязыковую реальность, а через образную систему языка. Узнав новый иностранный фразеологизм, эквивалент родного, следует быть очень осторожным с его употреблением, поскольку за ним стоит понятие, за понятием – предмет или явление реальности мира, а это мир иной страны, иностранный, чужой, чуждый.

Особенно остро проблема культурного барьера, недостаточности или отсутствия необходимых фоновых культурных знаний о мире изучаемого языка, встаёт в процессе речепроизводства. Научить людей общаться, научить понимать и продуцировать иностранную речь – это задача, осложнённая тем, что общение – не просто вербальный процесс, эффективность которого, помимо знания языка, зависит от множества факторов: условий и культуры общения, правил этикета, невербальных средств выражения, наличия фоновых и культурологических знаний и многого другого.

Таким образом, межкультурные коммуникативные взаимодействия могут быть как успешными, так и заканчиваться коммуникативным провалом. Это зависит от культурно обусловленной коммуникативной компетентности участников коммуникативного события, т.е. от баланса между общим и различным в их процессах восприятия. Кроме того, межкультурная коммуникация обусловлена и индивидуальным опытом каждого человека, из чего следует, что при коммуникации, являющейся процессом обмена сообщениями, постоянно происходит воссоздание смыслов, так как они не совпадают даже у людей, говорящих на одном и том же языке, выросших в одной и той же культуре.

Навыки межкультурной коммуникации необходимы тем, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с взаимодействием между культурами и осуществляется посредством коммуникации (в таких случаях её называют профессиональной коммуникацией). К таковым относятся образование, общественно-политическая, переводческая деятельность, управление, консультирование, социальная работа, журналистика, бизнес и др.

Когда речь идёт о коммуникации, особенно межкультурной, трудно провести границу между социологической, психологической и лингвистической сферами. И психологи, и социологи, и лингвисты имеют дело с возникающими в процессе коммуникации или передающимися посредством неё сложными категориями: ценностями, мотивами, установками, менталитетом, концептами, стереотипами, предрассудками и др.

В процессе формирования общемирового цивилизационного пространства взаимопроникновение и диалог культур многочисленных наций и народностей планеты становятся все более актуальными. В настоящее время в России работают и учатся представители более 200 стран ближнего и дальнего зарубежья, что переводит обозначенные процессы из разряда теоретических и методических в практические, определяющие благополучие и спокойствие как граждан Российской Федерации, так и иностранцев, живущих в России.

В последние годы повышенный интерес не только в научных кругах, но и среди широкой общественности вызывает проблема воспитания толерантности. Основными причинами возрастания внимания к этой проблеме являются следующие.

1. Глобализация. Распад биполярной международной политической системы существенно повлиял на безопасность всего мирового сообщества, способствовал эскалации различных форм политического экстремизма и ксенофобии. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что глобализация, в своей определённой исторической форме, может быть направлена против суверенного национального государства, вести к межэтническим и межрелигиозным конфликтам как внутри отдельных стран, так и на международной арене.

Глобализация расширяет взаимодействие народов в экономической, технологической и коммуникационной сферах, но вместе с тем порождает опасение потери исторических корней, утраты национальной идентичности, размывание традиционной культуры. Естественное сопротивление этим процессам, в свою очередь, вызывает неприязнь у представителей других этносов и носителей других религиозных ценностей, порождает межнациональное напряжение в обществе.

Кроме того, в процессе глобализации государственные границы становятся более прозрачными, что облегчает приток в страну не только национальных ценностей, но и многих общественных угроз, в результате чего прежний механизм безопасности, основанный

исключительно на защите внешних рубежей военным сдерживанием, уже недостаточно эффективен в борьбе с такими угрозами как международный терроризм, религиозный экстремизм, наркотрафик и торговля людьми.

2. Миграция. Масштабный процесс нового переселения народов порождает не только проблему нелегальной миграции, но и приводит к размыванию прежней мононациональной основы многих государств мира. В этих условиях современным этнически многообразным обществам становится гораздо труднее найти консолидирующий государство и общество стержень, не отступая от принципов, на которых создавались национальные государства.

Проблема усугубляется тем, что во многих странах мира в настоящее время активизируются различного рода националистические партии и движения. В этих условиях приобретают популярность политики, призывающие к принятию ограничительных мер в отношении национальных меньшинств и мигрантов, усиливая этим межэтническое и межнациональное напряжение в обществе.

3. Социально-экономические проблемы. Одна из важнейших внутренних причин проявления ксенофобии в некоторых современных государствах, в том числе и в России, – недостаток возможностей для самореализации молодежи как в экономической, так и в общественно-политической жизни. Подростки, как наиболее внушаемая часть населения, в условиях экономического кризиса, неопределенности идеологических ориентиров и недопонимания содержания термина «патриотизм», часто поддаются под влияние лидеров националистических группировок и переносят ответственность за социально-экономические трудности в стране и семье на представителей других этносов и религиозных конфессий.

Таким образом, следует констатировать, что наиболее серьезная угроза правам и свободам людей и их повседневной бытовой безопасности исходит сегодня от этнического, религиозного и расового экстремизма. Ни одно национальное сообщество не может чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока общество, в котором оно существует, не будет управляться властью закона в обстановке толерантных социальных отношений.

В этих условиях приоритетной задачей становится обращение к проблеме воспитания толерантности у подрастающего поколения.

Результаты ежегодного социологического опроса молодежи центрального региона России по вопросу межнациональных отношений и экстремистских проявлений в молодежной среде показали, что подавляющее большинство молодых людей удовлетворено национальной ситуацией, которая сложилась в их регионах. Вместе с тем, 2/3 опрошенных прямо или косвенно сталкивались с проявлениями национальной нетерпимости. Наиболее распространенным отношением к другим национальностям среди молодежи является этнокультурная дистанция (равнодушие). Этническая нетерпимость носит ситуативный характер, в основном ее проявляют молодые люди в возрасте от 14 до 19 лет, воспитывающиеся в семьях со средним достатком. 4/5 опрошенных молодых людей считают себя патриотами и предлагают ограничить иммиграцию из соседних государств, ближнего и дальнего зарубежья. Данные социологических опросов показывают, что этническое сознание молодежи требует серьезных мер коррекции и проведения целенаправленной работы по толерантному воспитанию молодежи.

Сегодня возникает необходимость не только анализировать причины и прогнозы развития межкультурной коммуникации, но и вырабатывать формы и методы управления процессами общения людей, говорящих на разных языках, для снижения степени всевозможных рисков,

возникающих при контактах представителей разных национальных, этнических, конфессиональных и социальных групп. Для профилактики межнациональных эксцессов в принимающем иностранных граждан городе, учебном заведении или иной организации необходимо разрабатывать и проводить серию профилактических мероприятий по трём основным направлениям:

а) страноведческая и культурологическая работа с иностранными студентами, направленная на облегчение и адекватное протекание процессов аккультурации;

б) разъяснение российским гражданам и студентам причин приезда иностранцев в нашу страну, условий их работы, обучения в вузах, проживания; внедрение в бытовую жизнь (на соответствующем уровне) основных понятий межкультурной коммуникации и принципов толерантности;

в) планомерное обучение российских граждан, контактирующих с иностранцами (преподавателей и сотрудников вузов, сотрудников правоохранительных органов, сферы обслуживания и т.д.), основам межкультурной коммуникации, особенностям и правилам русского и национального коммуникативного поведения, специфике менталитета, особенностям конфессионального и коммуникативного поведения и т.д.

Коммуникация правит людьми, их жизнью, их поведением, их познанием мира и самих себя как части этого мира. И всякая попытка осмыслить коммуникацию между людьми, понять, что способствует ей и что мешает, важна и оправдана, так как общение – это один из основных модусов существования человека.

Литература

1. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 1992. М.: Русский язык, 246 с.
2. *Грейдина Н.Л.* К проблеме реализации культурно-языковой политики [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. 2004. Том 33. № 4. С. 1-7. DOI:10.18698/2541-8009-2019-4-461
3. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. 1985. М.: Прогресс, 448 с.
4. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. 2000. М.: Слово, 146 с.
5. *Халева И.И.* О гендерных подходах к теории обучения языкам и культурам // Известия РАО. 2000. № 1. С. 11-18.
6. *Samovar L.A., Porter R.E., McDaniel E.R.* Communication between Cultures. 1995. С.: Wadsworth Publishing Company, 496 p.

References

1. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Yazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo. 1992. Moscow: Russkii yazyk, 246 p. (In Russ.).
2. Greidina N.L. K probleme realizatsii kul'turno-yazykovoi politiki. *Aktual'nye problemy kommunikatsii i kul'tury=Actual problems of communication and culture*, 2004. Vol. 33, no. 4, pp. 1-7. DOI:10.18698/2541-8009-2019-4-461 (In Russ.).
3. Gumbol'dt V. Yazyk i filosofiya kul'tury. 1985. Moscow: Progress, 448 p. (In Russ.).
4. Ter-Minasova S.G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2000. Moscow: Slovo, 146 p. (In Russ.).
5. Khaleeva I.I. O gendernykh podkhodakh k teorii obucheniya yazykam i kul'turam. *Izvestiya*

Корнев В.А., Мурашкина О.В.
Межкультурная коммуникация с позиций
лингвистики, экстралингвистики и социальной
психологии
Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 62–69.

Kornev V.A., Murashkina O.V.
Intercultural Communication from the Position of
Linguistics, Extralinguistics and Social Psychology
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 62–69.

RAO=News RAO, 2000, no. 1, pp. 11-18. (In Russ.).

6. *Samovar L.A., Porter R.E., McDaniel E.R.* Communication between Cultures. 1995. California: Wadsworth Publishing Company, 496 p.

Информация об авторах

Корнев Владимир Александрович, кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры русского языка, Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко (ВГМУ им. Н.Н. Бурденко), г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9760-5510>, e-mail: vkornev48@yandex.ru

Мурашкина Ольга Викторовна, доцент кафедры языковой подготовки кадров государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5271-5284>, e-mail: olinve@yandex.ru

Information about the authors

Vladimir A. Kornev, PhD in Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Lecturer of the Department of Russian Language, Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko, Voronezh, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9760-5510>, e-mail: vkornev48@yandex.ru

Olga V. Murashkina, Associate Professor at the Department of Language Training of Public Administration Personnel, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5271-5284>, e-mail: olinve@yandex.ru

Получена 01.05.2021
Принята в печать 15.05.2021

Received 01.05.2021
Accepted 15.05.2021

Простые осложненные конструкции с причастными оборотами в рутульском языке

Махмудова С.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: rutulsveta@mail.ru

Одной из нерешенных вопросов грамматической системы дагестанских языков является проблема сложноподчиненных предложений. И самой широко дискутируемой из них стала проблема наличия или отсутствия здесь сложноподчиненных предложений с придаточными определительными. Здесь мнений столько, сколько самих исследований по синтаксису отдельных языков: одни ученые полностью отрицают наличие сложноподчиненных предложений с придаточными определительными, другие приводят примеры, доказывающие, на их взгляд, их наличие и достаточно широкое функционирование. Наша работа будет посвящена рассмотрению взглядов на данную проблему на материале рутульского языка, одного из младописьменных языков, относящихся к кавказо-албанским языкам.

Ключевые слова: нахско-дагестанские языки, рутульский язык, синтаксис, синтаксис простого предложения, синтаксис сложного предложения, простое осложненное предложение, сложные предложения с придаточными определительными.

Для цитаты: Махмудова С.М. Простые осложненные конструкции с причастными оборотами в рутульском языке [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 70–76. DOI:10.17759/langt.2021080207

Simple Complicated Constructions with Articipial Turns in the Rutul Language

Svetlana M. Mahmudova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: rutulsveta@mail.ru

One of the unresolved issues of the grammatical system of the Dagestan languages is the problem of complex sentences. And the most widely discussed of them was the problem of the presence or absence of complex sentences with subordinate determinants here. There are as many opinions here as there are studies on the syntax of individual languages: some scientists completely deny the presence of complex

sentences with clauses, others give examples that, in their opinion, prove their presence and fairly broad functioning. Our work will be devoted to the consideration of views on this problem on the material of the Rutul language, one of the early-written languages related to the Caucasian-Albanian languages.

Keywords: Nakh-Dagestan languages, Rutul language, syntax, syntax of a simple sentence, syntax of a complex sentence, a simple complicated sentence, complex sentences with relative clauses.

For citation: Mahmudova S.M. Simple Complicated Constructions with Articipial Turns in the Rutul Language. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 70–76. DOI:10.17759/langt.2021080207 (In Russ.).

Синтаксис дагестанских языков не получил окончательного рассмотрения в силу, во-первых, того что не все дагестанские языки изучены в полной мере даже на уровне морфологии, без чего анализ синтаксических явлений невозможен, во-вторых, что некоторые особенности грамматики этих языков отличаются от фактов, описанных грамматической теорией, что касается даже факта наличия/отсутствия подлежащего.

Целью настоящего исследования является рассмотрение особенностей выражения в рутульском языке, относящемся к языкам лезгинской подгруппы нахско-дагестанских языков, способов выражения семантики атрибутивности в полипредикативных конструкциях.

Я.Г. Тестелец пишет, что «Клаузой называется любая группа, в том числе и непредикативная, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнозначного глагола – связка или грамматический элемент, играющий роль связки» [10:256].

В дагестанских языках не разработаны критерии, позволяющие разграничивать сложные предложения с придаточными определительными и простые осложненные предложения с причастным оборотом [1: 423]; [2]. Вопрос о сложноподчиненных предложениях с придаточными определительными является одним из самых сложных в грамматике дагестанских языков. В связи с этим в дагестанском языкознании доминируют две точки зрения на проблему: по первой, предложения, содержащие причастный оборот, следует считать простыми осложненными (Ханмагомедов Б.Х.); по второй, - сложноподчиненными с придаточными определительными (Гаджиев М.М., Муркелинский Г.Б., Бокарев Е.А., Раджабов Р.Н. и др.). М.М. Гаджиев, признавая конструкции с причастным, деепричастным или масдарным оборотами придаточными частями сложноподчиненных предложений, выдвигает предложение «подобные конструкции можно отнести к **недостаточным** (выделение наше – С,М,) придаточным предложениям особого типа в том случае, если отглагольное имя, причастие или деепричастие, выражая сказуемое, имеют свое особое подлежащее, отличное от подлежащего при главном предложении» [3:99]. То есть предлагается ввести в синтаксис дагестанских языков понятие «*недостаточного*» *придаточного предложения*.

З.Г. Абдуллаев пытается разграничить разные случаи с причастными оборотами, доказывая, что в одном случае подобные конструкции выступают в составе простых осложненных конструкций, в других – в качестве придаточной части: “Придаточное определительное – одно из широко распространенных предложений даргинского языка”, - пишет он, подкрепляя вывод примерами типа *Xiera, ши мискин юрт, сунезивра ну дила*

пакъир зизичил хIериубси «вот он, бедный дом, где я прожил со своей несчастной сестрой» (перевод автора) [1:422-429]. На наш взгляд, по приведенному примеру проступает стремление данного талантливого ученого, во многом опередившего свое время в исследовании многих вопросов кавказских языков, выявить и представить придаточные предложения, привлекая для этого немного искусственную конструкцию, нечастую в дискурсе носителей языка.

К.И. Казенин корректирует само определение сложноподчиненного предложения: «Сложноподчиненная конструкция - это предложение, в состав которого входит придаточное предложение или оборот. Придаточное предложение или оборот называются зависимой частью сложноподчиненной конструкции» [6: 156], подкрепляя тезис материалом из лакского языка. При этом К.И. Казенин фактически поддерживает точку зрения Н.Ф. Яковлева, который на материале чеченского языка приводит «типы придаточных предложений с причастной, деепричастной или масдарной формой или сокращенно причастными, деепричастными и масдарными придаточными предложениями» [4:7].

Считать причастный оборот полноценной клаузой не позволяет Я.Г. Тестелец, тем самым лишая основания приведенное определение К.Н. Казенина: «**Клаузой** называется любая группа, в том числе и непредикативная, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнозначного глагола – связка или грамматический элемент, играющий роль связки. Термин «клауза» точно соответствует англ. *clause*, то же понятие в лингвистической литературе на русском языке часто называют **элементарным предложением** или **предикацией**. Предложение (англ. *sentence*) представляет собой финитную клаузу. Нефинитные клаузы – инфинитивные, причастные, деепричастные, герундийные обороты – лишены предикативности, но в остальном очень похожи на предложения» [10:256].

Причастный оборот - нефинитная клауза, лишенная предикативности, значит не являющийся предложением, в том числе и придаточным, так как «Клауза, включающая в себя хотя бы одну другую клаузу, называется сложной клаузой, или полипредикативной конструкцией» [10:256].

Таким образом, приведенные точки зрения известных исследователей нахско-дагестанских языков обозначают две проблемы: 1) в дагестанском языкознании не утвердилась общепринятая точка зрения на семантику и функции причастного, деепричастного и масдарного оборотов в синтаксических конструкциях; 2) не сложилось здесь также единого мнения о наличии или отсутствия в названной языковой подгруппе такого конструкта, как сложноподчиненное предложение.

Теория сложного предложения обязательно предполагает два предложения с подчинительными отношениями, чтобы зарегистрировать сложноподчиненное предложение: «Сложная клауза называется сложноподчиненной, если в нее вложена другая клауза», - пишет Я.Г. Тестелец [10:257].

В приведенных ниже предложениях [1, 1а, 1б] развернутое определение, каковым является причастный оборот, относится к прямому объекту *китаб* «книга»:

Он (субъект) прочитал книгу (объект).

Какую книгу? Купленную мной.

1) 3-а лешу-д китаб гъа-ний-е кьыле гъ-ыгы-ри
я-эрг купить-прич. книга-абс. он-эрг. читать 4-делать-прош.

Он прочитал купленную мной книгу.

Причастный оборот данного предложения может выступать в начальной, вложенной и в конечной позиции по отношению к главной предикации:

1а) **Гъа-ний-е** кбыле **гъыгы-ри** **з-а** **лещу-д** *китаб*
он-эрг. читать делать-прош я-эрг 4-купить-прич. книга-абс.
Он прочитал купленную мной книгу.

1б) **Гъа-ний-е** **з-а** **лещу-д** *китаб* кбыле **гъ-ыгы-ри**
он-эрг. я-эрг купить-прич. книга-аб читать 4-делать-прош.
Он прочитал купленную мной книгу.

Причастный оборот может определять также субъект предложения:

2) **Несне** **за-с** **хук-аала** **гъагу-д** *шурук* **гъамыб**
Недавно я-дат. дерево-супер-эсс. видеть-прич. птица-абс. теперь
гъамаа-диш-ий
4-оставаться-на-отриц., прош.

Птицы, недавно увиденной мной на дереве, теперь там не было.

2а) **Тайир-е** **хы-в-кыы-д** *убул* **выш-е**
Тагир-эрг. поймать-3-прич.прош. волк-абс. ночь-ин-эсс.
хъа-в-ахы-ри
3-убежать- прош.
Пойманный Тагиром волк ночью убежал.

2б) **Хыни-меш-де** **багъ-даа** **ы-в-гы-д** *шарак*
дети-мн.ч.-ад-эсс. сад-ад-абл. найти-3-прич.прош. котенок-абс.
джагварды в-иыи-й
белый 3-являться-прош.
Котенок, которого дети нашли в саду, был белым.

2в) **Нин-е** **ниыгъа** **в-ези-д** *наIk* **сы-в-ырккыI-ри**
Мать-эрг. вчера 3-надоить-прич. молоко-ном.ед. 3-свернуться-прош.
Молоко, которое надоила мама вчера, свернулось.

2г) **Йиван-дыхда** **хъу-д** *дай* **гъезимды**
Лошадь-пост-эссив иметься-причастие жеребенок-ном. пугливый
в иыи
3-являться-наст.
Жеребенок, который был с лошадей, пугливый.

2д) **За-даа** **дам-аа** **агы-д-быйды** *капыр* **барды**
я-конт-абл. лес-ин-абл. найти-прич. кинжал-ном. тупой
й-иыи-й
4-являться-прош.
Тот кинжал, который был найден мной в лесу, был с тупым лезвием.

В приведенных конструкциях [2, 2а, 2б, 2в, 2г] причастный оборот определяет субъект, который согласуется в классе и числе со сказуемым предложения, и формальные характеристики данного субъекта также выражаются в причастии из причастного оборота.

Проверим это на примерах, меняя класс и число самого субъекта:

Несне за-с хук-аала гьагу-д шурук гьамыгь
Недавно я-дат. дерево-супер-эсс. 4-видеть-прич. птица-абс. теперь
гьамаа-диш- ий
4-оставаться-на-отриц., прош.

Птицы, недавно увиденной мной на дереве, теперь там не было.

Несне за-с хук-аала гья-р-гу-д рыш
Недавно я-дат. дерево-супер-эсс. 2-видеть-прич.ед. девушка-абс. ед.
гьамыгь гьамаа-р-диш- ий
теперь 2-оставаться-на-отриц., прош.

Девушки, недавно увиденной мной на дереве, теперь там не было.

Несне за-с хук-аала гьу-в-гу-д гибуг
Недавно я-дат. дерево-супер-эсс. 3-видеть-прич.ед. соловей-абс. ед.
гьамыгь гьамаа-б-диш- ий
теперь 3-оставаться-на-отриц., прош.

Соловья, недавно увиденного мной на дереве, теперь там не было.

Как показывают примеры, субъект предложения согласуется в классе и числе как со сказуемым, так и с причастием – основным членом причастного оборота.

Никакой координации причастия с субъектом причастного оборота в предложении нет ни в классе, ни в числе, что является свидетельством того, что субъект причастного оборота не является главным членом предложения:

Несне **рышес** хукаала гьувгуд гибуг гьамыгь гьамаабдиший
Соловья, недавно увиденного **девушкой** на дереве, теперь не было.

Несне **гадийес** хукаала гьувгуд гибуг гьамыгь гьамаабдиший
Соловья, недавно увиденного **парнем** на дереве, теперь не было.

Несне **гытирис** хукаала гьувгуд гибуг гьамыгь гьамаабдиший
Соловья, недавно увиденного **кошкой** на дереве, теперь не было.

Несне **ес** хукаала гьувгуд гибуг гьамыгь гьамаабдиший
Соловья, недавно увиденного **нами** на дереве, теперь не было.

Причастный оборот во всех приведенных примерах выступает как развернутое определение к субъекту предложения, с которым координируются в классе и числе как само причастие, так и сказуемое, то есть субъект отражается как в сказуемом, так и в причастии, диктуя им свои формальные характеристики, а это является признаком важности роли субъекта предложения.

Д.С. Самедов и К.Э. Джамалов пишут, что «причастные обороты в рутульском языке могут иметь свой собственный субъект, отличающийся формально и семантически от субъекта главной части, следовательно, предложения такого типа полипредикативны и представляют собой сложноподчиненное предложение» [9:59].

Однако в той же работе К.Э. Джамалов и М.К. Джамалова после анализа большого количества примеров на материале рутульского языка приходят к выводу, что «причастные, деепричастные и масдарные конструкции не могут считаться придаточными предложениями. С точки зрения формальной организации рассматриваемые предложения будут простыми, включающими в свой состав вторичную предикацию» [9:12].

Такие разные взгляды на причастные, деепричастные и масдарные обороты и их роль в языках даже в одной и той же работе являются свидетельством сложности поставленной проблемы, что заставляет Д.С. Самедова ввести понятие второстепенного сказуемого: «В рутульском языке, как и в других дагестанских языках, функцию конкретизации смысловых отношений, формирования грамматического значения берут на себя **второстепенные сказуемые** (выделено нами – С.М.). В такой форме употребляются инфинитивные формы (реже финитные формы), осложненные частицами». [9:21]. То есть автор в состав второстепенных членов предложения вводит еще один – второстепенное сказуемое.

Мы не касались в данной работе деепричастных и масдарных оборотов, так как, на наш взгляд, рассмотрение причастных, деепричастных и масдарных оборотов, их роль и формальные признаки нужно рассматривать в разных плоскостях, так как семантика и функции их также весьма различны.

Что же касается роли и функций причастных оборотов, то приведенный материал показывает, что в рутульском языке конструкции с причастными оборотами образуют осложненные предложения с причастными оборотами.

Поиск и обоснование некоторыми исследователями существования в дагестанских языках сложных предложений с придаточными определительными обусловлен тем, что осложненные предложения с придаточными определительными переводятся на русский язык как сложные предложения данного типа, что и заставляет их искать и даже «находить» эти конструкции, не характерные грамматической системе дагестанских языков.

Литература

1. *Абдуллаев З.Г.* Очерки по синтаксису даргинского языка. 1974. М.: Наука, 479 с.
2. *Абдуллаев С.Н.* Дарган мезла грамматика. Синтаксис. 1952. М.: Дагестанское учебно-педагогическое издательство, 123 с.
3. *Гаджиев М.М.* Синтаксис лезгинского языка. Ч.2. Сложное предложение. 1954. М.: Дагучпедгиз, 204 с.
4. *Джамалов К.Э., Джамалова М.К.* К вопросу о простом осложненном предложении в рутульском языке // Очерки синтаксиса сложного предложения рутульского языка. 2014. М.: Радуга, С. 7.
5. *Исмаилова А.М., Таирова М.О.* Особенности оформления объектных, определительных и обстоятельственных отношений в рутульском языке. 2010. М.: ДГПУ, 136 с.
6. *Казенин К.И.* Синтаксис современного лакского языка. 2013. М.: Aleph, 327 с.
7. *Махмудова С.М.* К теории универсальной грамматики. Субъект и подлежащее // Вопросы кавказского языкознания. Выпуск 4. 2011. Махачкала, С. 7-15.
8. *Раджабов Р.Н.* Синтаксис цезского языка. 1999. М.: Моск. гос. лингв. ун-т, Центр яз. и культур Сев. Евразии, 201 с.
9. *Самедов Д.С., Джамалов К.Э.* Очерки синтаксиса сложного предложения рутульского языка. 2014. М.: Радуга, 100 с.
10. *Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. 2001. М.: РГГУ, 798 с.

11. Ханмагомедов Б.К. Очерки по синтаксису табасаранского языка. 1970. М.: Дагестанское учебно-производственное издательство, 220 с.

References

1. Abdullaev Z.G. Ocherki po sintaksisu darginskogo yazyka. 1974. Moscow: Nauka, 479 p. (In Russ.).
2. Abdullaev S.N. Dargan mezla grammatika. Sintaksis. 1952. Mahachkala: Dagestanskoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 123 p. (In Russ.).
3. Gadzhiev M.M. Sintaksis lezgin'skogo yazyka. Ch.2. Slozhnoe predlozhenie. 1954. Mahachkala: Daguchpedgiz, 204 p. (In Russ.).
4. Dzhamalov K.E., Dzhamalova M.K. K voprosu o prostom oslozhnennom predlozhenii v rutul'skom yazyke. *Ocherki sintaksisa slozhnogo predlozheniya rutul'skogo yazyka*, 2014. Mahachkala: Raduga, pp. 7. (In Russ.).
5. Ismailova A.M., Tairova M.O. Osobennosti oformleniya ob"ektnykh, opredelitel'nykh i obsoyatel'stvennykh otnoshenii v rutul'skom yazyke. 2010. Mahachkala: DGPU, 136 p. (In Russ.).
6. Kazenin K.I. Sintaksis sovremennogo laks'kogo yazyka. 2013. Mahachkala: Aleph, 327 s. (In Russ.).
7. Makhmudova S.M. K teorii universal'noi grammatiki. Sub"ekt i podlezhashchee. *Voprosy kavkazskogo yazykoznaniiya. Vypusk 4*, 2011. Makhachkala, pp. 7-15. (In Russ.).
8. Radzhabov R.N. Sintaksis tsez'skogo yazyka. 1999. Moscow: Mosk. gos. lingv, un-t, Tsentr yaz. i kul'tur Sev. Evrazii, 201 p. (In Russ.).
9. Samedov D.S., Dzhamalov K.E. Ocherki sintaksisa slozhnogo predlozheniya rutul'skogo yazyka. 2014. Mahachkala: Raduga, 100 p. (In Russ.).
10. Testeleys Ya.G. Vvedenie v obshchii sintaksis. 2001. Moscow: RGGU, 798 p. (In Russ.).
11. Khanmagomedov B.K. Ocherki po sintaksisu tabasaranskogo yazyka. 1970. Mahachkala: Dagestanskoe uchebno-proizvodstvennoe izdatel'stvo, 220 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Махмудова Светлана Мусаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: rutulsveta@mail.ru

Information about the authors

Svetlana M. Mahmudova, doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: rutulsveta@mail.ru

Получена 01.06.2021
Принята в печать 15.06.2021

Received 01.06.2021
Accepted 15.06.2021

Язык бесермян в свете исторических процессов коммуникации народов Урало-Поволжья

Робустова Е.В.

Высшая школа сценических искусств («Театральная школа Константина Райкина») (АНО ВО ВШСИ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4484-5035>, e-mail: robusta22@list.ru

Люкина Н.М.

Глазовский государственный педагогический институт имени В.Г. Короленко (ФГБОУ ВО ГГПИ), г. Глазов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8159-6007>, e-mail: nadluk.63@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению языковых аспектов «бесермянской проблемы», суть которой заключается в дискуссионности вопроса об этногенезе бесермян, а именно – о тюркском либо финно-угорском происхождении бесермянского этноса, чья история, разворачивающаяся в последние столетия на территории Приуралья, не имеет письменных памятников и является малоизученной. Интерес к настоящей проблеме обусловлен исследованиями исторических миграций народов, составлявших население Волжской Булгарии – мощного государственного образования, прекратившего свое существование в период монголо-татарских завоеваний, и выяснением исторической судьбы народа, фиксируемого в ряде средневековых источников под обозначением «бесерм'эн». В связи с попытками верификации гипотезы, позволяющей рассматривать бесермян как «прямых потомков камских болгар», актуализированы и подвергнуты научно-историческому осмыслению материалы, собранные исследователями языка бесермян в конце XIX столетия, а также в XX – начале XXI века, в которых даны сопоставления бесермянского наречия с чувашским языком, признанным в науке единственным живым языком болгарской (или огурской) группы тюркских языков. На основе историографического анализа сделан вывод: несмотря на то, что в настоящее время бесермяне отнесены к малочисленным финно-угорским группам, вопрос об их идентификации с автохтонным финно-угорским населением Приуралья нельзя считать полностью решенным.

Ключевые слова: этнолингвистика, сравнительно-историческое языкознание, Волжская Булгария, Вятская губерния, бесермянское наречие удмуртского языка, болгарский языковой субстрат, этногенез.

Для цитаты: Робустова Е.В., Люкина Н.М. Язык бесермян в свете исторических процессов коммуникации народов Урало-Поволжья [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 77–85. DOI: [10.17759/langt.2021080208](https://doi.org/10.17759/langt.2021080208)

The Language of the Besermians in the Light of the Historical Communication Processes of the Peoples of the Volga-Urals Region

Elena V. Robustova

The Graduate School of Performing Arts', Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4484-5035>, e-mail: robusta22@list.ru

Nadezhda M. Liukina

Glazov State Pedagogical Institute named after V.G. Korolenko, Glazov, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8159-6007>, e-mail: nadluk.63@mail.ru

The article considers the linguistic aspects of the "Bessermian problem", the essence of which lies in the debatability of the question of the Bessermian ethnogenesis, namely about either the Turkic or Finno-Ugric origin of the Bessermian ethnos, whose history, unfolding during the last centuries on the territory of the Urals region, has no written sources and is little-studied. The interest to this problem stems from the studies of historical migrations of the peoples who constituted the population of Volga Bulgaria, a powerful state formation, which ceased to exist during the Mongol-Tatar conquests, and clarification of the historical fate of the people, recorded in a number of medieval sources under the designation "Beserm'en". In the connection with the attempts to verify the hypothesis, allowing to consider Bessermians as "direct descendants of the Kama Bulgars", the materials collected by the researchers of Bessermian language in the late 19th century, as well as in the 20th – early 21st centuries, were updated and subjected to the scientific-historical consideration, where the comparison of Bessermian dialect with Chuvash language, scientifically recognized as the only living language of Bulgar (or Oghur) group of the Turkish languages, was made. On the basis of the historiographical analysis the conclusion is made: despite the fact that at present Besermians are referred to small Finno-Ugric groups, the question of their identification with the autochthonous Finno-Ugric.

Keywords: ethno-linguistics, comparative historical linguistics, Volga Bulgaria, Vyatka gubernia, Bessermian dialect of the Udmurt language, Bulgarian linguistic substrate, ethnogenesis.

For citation: Robustova E.V., Liukina N.M. The Language of the Besermians in the Light of the Historical Communication Processes of the Peoples of the Volga-Urals Region. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 77–85. DOI:10.17759/langt.2021080208 (In Russ.).

В последние десятилетия все большее внимание научного сообщества привлекают исчезающие языки малых народов России. С позиции сохранения культурного многообразия нашей страны и мира их изучение обусловлено не только филологическим, но также и научно-историческим интересом, в той мере, в какой «лексика таких прошедших длинный путь языков <...>, при отсутствии письменных памятников и документов об истории народа,

является также источником исторических сведений» [16, с. 101]. В этом отношении характерны исследования языка бесермян – малого народа России, чья самобытная культура впервые оказалась в поле зрения ученых в конце XIX века, до сего дня вызывая живой интерес специалистов разных областей знания – антропологов, этнографов, этномусиковедов, фольклористов, лингвистов, историков и др.

В настоящий период бесермяне компактно проживают в северных районах Удмуртской Республики, на протяжении нескольких столетий соседствуя с удмуртами на территории Вятского края, однако вопрос об их исторической принадлежности к автохтонному удмуртскому населению данного региона является дискуссионным.

Бесермяне отнесены к малочисленным финно-угорским группам, и в качестве основного субстрата бесермянского диалекта рассматривается удмуртский язык [18; 19]. При этом не остается без внимания также и вопрос о тюркских субстратных явлениях в языке бесермян, особенно древнебулгарский пласт заимствований, побуждая ученых снова и снова возвращаться к проверке гипотезы о генетической связи бесермян и коренного населения Волжской Булгарии.

Мысль об этом впервые была высказана в конце XIX столетия Н.П. Штейнфельдом в научно-популярном очерке «Бесермяне. Опыт этнографического исследования» [22], в котором были рассмотрены различные аспекты повседневной жизни бесермян Глазовского уезда Вятской губернии, и один из разделов был озаглавлен «Язык и его грамматика». В нем автор поставил своей задачей «дать краткий обзор языка бесермян, совершенно еще неизвестного в русской литературе» [22, с. 250]. Признавая, что грамматика бесермянского языка тождественна с вотской грамматикой [22, с. 252], Н.П. Штейнфельд обратил внимание также на присутствие в речи бесермян не только слов, общих с вотяками (удмуртами), проживавшими с ними по соседству, но, кроме того, понятий, встречающихся в языке чувашского народа, с которым у бесермян веками не могло быть никаких взаимодействий, поскольку к культурным контактам не располагала территориальная удаленность друг от друга бесермян – сосредоточенных в Глазовском уезде Вятской губернии, и чувашей – населявших преимущественно уезды Симбирской и Казанской губерний. Ввиду этого обстоятельства, по Н.П. Штейнфельду, ученые давно должны задаться вопросом: «Если два племени в течение нескольких столетий жили на таком громадном расстоянии друг от друга, не имея ничего общего, не имея никаких между собою сношений, то возможно ли допустить случайное появление в языке одного из них слов другого? Конечно нет» [22, с. 258]. Проанализировав свыше двухсот слов бесермянского наречия, исследователь пришел к выводу о том, что наличие общих с чувашами понятий, таких, как отдельные обозначения степеней родства, элементов традиционного женского наряда и др., можно объяснить единым прошлым двух народов, которые в былые времена жили бок о бок, носили сходный костюм, говорили на одном языке. Подобное же явление могло случиться, по Н.П. Штейнфельду, тогда только на Волге, где издавна живут чувашаи [22, с. 257–258].

Исходя из гипотезы своего времени, позволявшей воспринимать чувашей в качестве «прямых потомков булгар» [22, с. 258], Н.П. Штейнфельд выдвинул предположение о том, что также и бесермян следует рассматривать как выходцев с территорий Волжской Булгарии, иначе «каким же образом чувашские слова могли проникнуть в словарь бесермян, когда мы знаем, что в пределах всей Вятской губернии нет и никогда не было чуваш?» [там же].

Изучив теоретический материал о Волжской Булгарии, накопленный наукой к концу XIX

столетия, Н.П. Штейнфельд сделал вывод: финно-угорское наречие бесермян следует рассматривать не как исконное, а как воспринятое в процессе ассимиляции от удмуртов (вотяков), язык которых «почти никогда не подвергался изменениям и в этом же виде передан бесермянам с некоторым лишь смягчением акцента, свойственным бесермянскому говору» [22, с. 250].

И хотя мнение Н.П. Штейнфельда о том, что «родиной бесермян следует считать именно пределы бывшей Булгарии» [22, с. 258], не могло считаться приоритетным, т. к. данный исследователь не являлся ни профессиональным филологом, ни профессиональным этнографом, вместе с тем его статья о бесермянах – их культурном укладе, традициях и языке – получила научный резонанс и в 1895 г. была подвергнута обсуждению на заседании этнографического отделения Императорского Русского географического общества [17].

Однако предположение Н.П. Штейнфельда об изначальной принадлежности бесермян не к финно-угорской, а к тюркской языковой семье не было воспринято учеными. Несмотря на то, что уклад жизни и сам внешний облик представителей этого народа побуждали исследователей фокусироваться на их отличиях от коренного вотского населения края, язык бесермян рассматривался исключительно как подсистема вотского (удмуртского) языка. Так, не подвергал сомнению принадлежность бесермян к автохтонному населению Вятского края финский лингвист Юрьо Йоосеппи Вихманн – автор первого научного труда, в котором были представлены образцы бесермянских фольклорных текстов [23; 24].

Интерес исследователей к языку бесермян оказался усиленным в XX веке благодаря сохранению ими своей самобытности в условиях советской действительности, несмотря на то, что в СССР они идентифицировались по происхождению и языку с удмуртами.

Не случайно в первые десятилетия советской власти поначалу взяла верх идея об их исконной исторической принадлежности к удмуртской народности. Эта позиция в 1931 г. была заявлена в обобщающей статье Д.И. Корепанова «Бесермяне», в которой подчеркивалось, что «особого бесермянского языка не существует», представители этого народа «говорят по-вотски» и являют собой «ответвление южных вотяков» [10, с. 106]. Политическим следствием такого восприятия исторического происхождения бесермянского этноса явилось исключение бесермян из переписи населения.

В конце 1950-х годов исследователем Г.А. Архиповым был выявлен ряд фонетических особенностей бесермянского наречия, таких как употребление неогубленного гласного средне-нижнего подъема заднего ряда ь (по Г.А. Архипову ɵ) и др. Однако это не давало оснований усомниться в принадлежности бесермян к финно-уграм. Хотя Г.А. Архипов был убежден в том, что история бесермянского этноса неотделима от истории многоплеменного Булгарского союза, он характеризовал бесермян как «удмуртское племя» [1, с. 8].

В 1960-е гг. данная точка зрения была подвергнута пересмотру. Академик М.Н. Тихомиров уверенно связывал этот народ по происхождению не с удмуртами, а с камскими болгарами [21].

В указанный период на территориях расселения бесермян были развернуты полевые исследования, предполагавшие сопоставительный анализ фонетических и морфологических особенностей бесермянского наречия в сравнении с удмуртскими диалектами и тюркскими языками. Изучение обыденной речи осуществлялось при этом параллельно с исследованиями по ономастике, возрождение которой как специальной отрасли знания началось тогда же. Итогом комплексных изысканий стало издание в 1970 г. фундаментального труда «Язык

бесермян», автором которого явилась авторитетный советский лингвист Т.И. Тепляшина [20]. На его страницах была актуализирована гипотеза о болгарском (древнечувашском) происхождении исследуемого народа, поскольку в фонетике и лексике языка бесермян названным ученым было усмотрено «много такого, что напоминает язык древнеболгарского типа» [20, с. 242].

Тем самым, по убеждению Т.И. Тепляшиной, бесермянский диалект, несмотря на то, что он на фоне других удмуртских диалектов законсервировал самые древние (общепермские) черты, первоначально являл собой не один из финно-угорских (пермских), а один из тюркских диалектов болгарских племен, и таким образом бесермяне, будучи прямыми потомками древнеболгарского населения, свой язык сформировали не на Вятской земле, а в Прикамье.

Этот смелый вывод привлек внимание специалистов, однако в дальнейшем был подвергнут критике. Сравнивая полученные данные с материалами, представленными Т.И. Тепляшиной в первом обобщающем труде «Язык бесермян», современные авторы, такие как В.К. Кельмаков [4; 5; 6; 7; 8; 9], Н.М. Люкина [11; 12; 13] и др., обнаруживают, что отдельные слова, отнесенные Т.И. Тепляшиной не к финно-угорскому, а к древнечувашскому (древнеболгарскому) субстрату, фиксируются не только в языке бесермян, но и наличествуют в диалектах, в которых отсутствие болгарского субстрата не вызывает сомнений [6, с. 120], особенно в южных говорах Удмуртской Республики. Это дает основание утверждать, что язык бесермян «занимает как бы промежуточное положение между южноудмуртским и северноудмуртским наречиями» [3, с. 358; 2, с. 44], и именно с южными удмуртами связаны их древнейшие корни [2, с. 57]. При этом своеобразие языка бесермян в системе удмуртских диалектов, по мнению специалистов, заключается не столько в обилии в нем специфических бесермянских, свойственных только ему явлений, сколько в причудливом переплетении этих специфических явлений с особенностями как северного, так и южного наречия, что «дает диалектологам право выделить язык бесермян, наряду с северным и южным наречиями, в особое, третье, наречие удмуртского языка» [8, с. 304].

Таким образом, отмечая выдающийся вклад Т.И. Тепляшиной в области теоретического языкознания, отдельные удмуртские ученые выдвигают доводы в опровержение ее версии происхождения языка бесермян, уверенно относя его к пермской ветви финно-угорской языковой семьи.

С другой стороны, не остается без внимания и аргументация сторонников противоположной позиции, согласно которой изначально язык бесермян мог являть собой один из тюркских диалектов болгарских племен. В этой связи на современном этапе развития удмуртской диалектологии представляют интерес исследования С.А. Максимова, актуализировавшего архивное наследие Т.И. Тепляшиной [15] и развившего с опорой на ее выводы собственную гипотезу о бесермянах как потомках болгароязычных барсил [14]. Отмечая сходство бесермянского наречия с южными говорами удмуртского языка, С.А. Максимов полагает, что удмуртский язык бесермяне могли усвоить от юго-западной группы удмуртов в Прикамье, в то время как «первоначальный язык бесермян, – соглашается С.А. Максимов с Т.И. Тепляшиной, – по-видимому, представлял собой один из тюркских диалектов болгарских племен» [14, с. 82; цит. по: 20, с. 242].

Сможет ли данная позиция утвердиться в науке или возьмет верх концепция исторической принадлежности бесермян к автохтонному финно-угорскому населению Вятского края,

покажут последующие комплексные изыскания. Несомненно одно: исключительно на основании языковых данных происхождение народа не может быть доказано. Как справедливо замечает в этой связи С.А. Максимов, залог успеха здесь «нередко зависит от достижений смежных наук, в числе которых можно назвать историю, включая ее этническую составляющую, археологию и др.» [14, с. 78–79].

Вместе с тем дальнейшие исследования бесермянского диалекта помогут пролить свет на историческое прошлое бесермян исходя из специфики их языковой картины мира.

Литература

1. *Архинов Г.А.* Бесермянское наречие удмуртского языка // Soome-ugri keelte dialektoloogia alane nõupidamine: Ettekannete teesid. Тарту, 1958. С. 7–10.
2. *Атаманов М.Г.* Этногенез удмуртов: роль лингвистики в решении этногенетических проблем [Электронный ресурс] // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. №. 1. С. 27–61. URL: http://finno-ugry.ru/Yearbook_Finno_Ugric_Studies/articles (дата обращения: 30.04.2021).
3. *Атаманов-Эграпи М.Г.* Происхождение удмуртского народа. 2-е изд., допол. Ижевск: Удмуртия, 2017. 590 с.
4. *Кельмаков В.К.* Булгарский субстрат в языке бесермян? // Материалы IX конференции по диалектологии тюркских языков: тезисы докладов и сообщений (г. Уфа, 8–10 сентября 1982 г.). Уфа, 1982. С. 61–62.
5. *Кельмаков В.К.* Бесермянское наречие в системе удмуртских диалектов // Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 1. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2003. С. 99–135.
6. *Кельмаков В.К.* К вопросу о болгарском субстрате в языке бесермян // Вопросы диалектологии тюркских языков. Уфа: БФАН СССР, 1985. С. 114–122.
7. *Кельмаков В.К.* Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах. Ижевск: Издательство Удмуртского государственного университета, 1992. С. 33–107.
8. *Кельмаков В.К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд., стереотипное. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2006. С. 43–44; 286–304.
9. *Кельмаков В.К.* Язык бесермян в системе удмуртских диалектов // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: тезисы докладов. Т. I (г. Устинов, 26–29 июня 1987 г.). Устинов: НИИ при СМ УАССР, 1987. С. 113–115.
10. *Корепанов Д.* Бесермяне: Некоторые особенности языка бесермян сравнительно с северными и южными удмуртами // На удмуртские темы: сборник статей. (Ученые записки Научно-исследовательского института народов Советского Востока при ЦИК СССР; Вып. 2). М.: Центральное издательство народов СССР, 1931. С. 99–106.
11. *Люкина Н.М.* Наречия в бесермянских говорах удмуртского языка // Языковые контакты народов Поволжья X: Актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии, стилистики: сборник статей. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2017. С. 194–199.
12. *Люкина Н.М.* Современное состояние бесермянских говоров удмуртского языка // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «VI Международная научно-практическая конференция «Есиповские чтения», посвященная

120-летию со дня рождения Б.П. Есипова» (г. Глазов, 21 февраля 2015 г.). Глазов, 2015. С. 306–309.

13. Люкина Н.М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2016. 200 с.

14. Максимов С.А. К проблеме возрождения гипотезы о тюркском субстрате в языке бесермян // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. Сборник статей XI Международного симпозиума (г. Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.). Чебоксары: Чувашский государственный университет им И.Н. Ульянова, 2018. С. 78–83.

15. Максимов С.А. О перспективах создания словаря бесермянского наречия удмуртского языка (по материалам Т.И. Тепляшиной) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2020. Т. 30. № 2. С. 197–203. <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/5117> (дата обращения 30.04.2021).

16. Махмудова С.М. Устаревшая лексика в рутульском языке [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Т. 7. № 3. С. 100–106. URL: <https://psyjournals.ru/langpsy/2020/n3/Mahmudova.shtml> (дата обращения 30.04.2021).

17. Никольский Д.П. О бесермянахъ: (Этнографическія замѣтки [по работе Штейнфельда "Бесермяне. Опытъ этнографическаго изслѣдованія"]). Сообщ. 28 апр. 1895 г. в заседании Этногр. отд. Рус. геогр. общ. Санкт-Петербург: тип. С.Н. Худекова, 1895. 12 с.

18. Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка / Ред.-сост.: А. И. Кузнецова, Н.В. Сердобольская, М.Н. Усачева, О.Л. Бирюк, Р.И. Идрисов. М.: ТЕЗАУРУС, 2013. 540 с.

19. Тезаурус бесермянского наречия. Имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан). М.Н. Усачёва [и др.] М.: Издательские решения, 2017. 540 с.

20. Тепляшина Т.И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.

21. Тихомиров М.Н. Бесермены в русских источниках // Исследования по отечественному источниковедению: сборник статей, посвящ. 75-летию проф. С.Н. Валка. Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Вып. 7. М.: Наука, 1964. С. 50–57.

22. Штейнфельд Н.П. Бесермяне. Опытъ этнографическаго изслѣдованія // Календарь и Памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Вятка: Губернская типография, 1894. С. 220–259.

23. Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. Helsingfors: Druckerei der finnischen Litteratur-Gesellschaft, 1893. 200 p.

24. Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. Helsingfors: Druckerei der finnischen Litteratur-Gesellschaft, 1901. 200 p.

References

1. Arkhipov G.A. Besermyanskoe narechie udmurtskogo yazyka. *Soome-ugri keelte dialektoloogia alane nõupidamine: Ettekannete teesid*, 1958. Tartu, pp. 7–10. (In Russ.).

2. Atamanov M.G. Etnogenez udmurtov: rol' lingvistiki v reshenii etnogeneticheskikh problem. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniï=Finno-Ugric Studies Yearbook*, 2011, no. 1, pp. 27–61. Available at: http://finno-ugry.ru/Yearbook_Finno_Ugric_Studies/articles (Accessed 30.04.2021). (In Russ.).

3. Atamanov-Egrapi M.G. Proiskhozhdenie udmurtskogo naroda. 2-e izd., dopol. 2017. Izhevsk: Udmurtiya, 590 p. (In Russ.).

4. Kel'makov V.K. Bulgarskii substrata v yazyka Besermian? Materially IX konferentsii po

- dialektologii tyurkskikh yazykov: tezisy dokladov i soobshchenii* (g. Ufa, 8–10 sentyabrya 1982 g.). Ufa, 1982. pp. 61–62. (In Russ.).
5. Kel'makov V.K. Besermyanskoe narechie v sisteme udmurtskikh dialektov. *Dialektnaya i istoricheskaya fonetika udmurtskogo yazyka. Ch. 1*, 2003. Izhevsk: Izdatel'skii dom «Udmurtskii universitet», pp. 99–135. (In Russ.).
 6. Kel'makov V.K. K voprosu o bulgarskom substrate v yazyke besermyan. *Voprosy dialektologii tyurkskikh yazykov*, 1985. Ufa: BFAN SSSR, pp. 114–122. (In Russ.).
 7. Kel'makov V.K. Problemy sovremennoi udmurtskoi dialektologii v issledovaniyakh i materialakh. 1992. Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 33–107. (In Russ.).
 8. Kel'makov V.K. Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: uchebnoe posobie dlya vysshikh uchebnykh zavedenii. 2-e izd., stereotipnoe. 2006. Izhevsk: Izdatel'skii dom «Udmurtskii universitet», pp. 43–44; 286–304. (In Russ.).
 9. Kel'makov V.K. Yazyk besermyan v sisteme udmurtskikh dialektov. *XVII Vsesoyuznaya finno-ugorskaya konferentsiya: tezisy dokladov. T. I* (g. Ustinov, 26–29 iyunya 1987 g.). 1987. Ustinov: NII pri SM UASSR, pp. 113–115. (In Russ.).
 10. Korepanov D. Besermyane: Nekotorye osobennosti yazyka besermyan sravnitel'no s severnymi i yuzhnymi udmurtami. *Na udmurtskie temy: sbornik statei. (Uchenye zapiski Nauchno-issledovatel'skogo instituta narodov Sovetskogo Vostoka pri TsIK SSSR; Vyp. 2)*, 1931. Moscow: Tsentral'noe izdatel'stvo narodov SSSR, pp. 99–106. (In Russ.).
 11. Lyukina N.M. Narechiya v besermyanskikh govorakh udmurtskogo yazyka. *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya X: Aktual'nye problemy normativnoi i istoricheskoi fonetiki, grammatiki, leksikologii, stilistiki: sbornik statei*, 2017. Izhevsk: Izdatel'skii tsentr «Udmurtskii universitet», pp. 194–199. (In Russ.).
 12. Lyukina N.M. Sovremennoe sostoyanie besermyanskikh govorov udmurtskogo yazyka. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «VI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Esipovskie chteniya», posvyashchennaya 120-letiyu so dnya rozhdeniya B.P. Esipova»* (g. Glazov, 21 fevralya 2015 g.). 2015. Glazov, pp. 306–309. (In Russ.).
 13. Lyukina N.M. Fonetiko-morfologicheskie osobennosti yazyka lekminskikh i yundinskikh besermyan. 2016. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN, 200 p. (In Russ.).
 14. Maksimov S.A. K probleme vozrozhdeniya gipotezy o tyurkskom substrate v yazyke besermyan. *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya i Urala. Sbornik statei XI Mezhdunarodnogo simpoziuma* (g. Cheboksary, 21–24 maya 2018 g.). 2018. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi universitet im I.N. Ul'yanova, pp. 78–83. (In Russ.).
 15. Maksimov S.A. On the perspectives of creating a dictionary of the beserman dialect of the udmurt language (based on the materials of T.I. Teplyashina) *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series* 2020. Vol. 30, no. 2, pp. 197–203. Available at: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/5117> (Accessed 30.04.2021). (In Russ.).
 16. Makhmudova S.M. Ustarevshaya leksika v rutul'skom yazyke. *Yazyk i tekst=Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 100–106. Available at: <https://psyjournals.ru/langpsy/2020/n3/Mahmudova.shtml> (Accessed 30.04.2021). (In Russ.).
 17. Nikol'skii D.P. O besermyanakh": (Etnograficheskaya zametki [po rabote Shteinfel'da "Besermyane. Opyt" etnograficheskogo izsl'edovaniya]). *Soobshch.* 28 apr. 1895 g. v zasedanii

- Etnogr. otd. Rus. geogr. obshch. 1895. Sankt-Peterburg: tip. S.N. Khudekova, 12 p. (In Russ.).
18. Slovar' besermyanskogo dialekta udmurtskogo yazyka [Dictionary of the Besermyan dialect of the Udmurt language]. Ed.-Comp.: A.I. Kuznetsova, N.V. Serdobolskaya, M.N. Usacheva, O.L. Biryuk, R.I. Idrisov. 2013. Moscow: TESAURUS Publ., 540 p. (In Russ.).
19. Tezaurus besermyanskogo narechiya: Imena i sluzhebnye chasti rechi (govor derevni Shamardan) [Thesaurus of the Beserman dialect: Names and auxiliary parts of speech (dialect of the village of Shamardan)]. Ed.-Comp. M.N. Usacheva [et al.] 2017. Moscow: Izdatel'skie resheniya Publ., 540 p.
20. Teplyashina T.I. Yazyk besermyan. 1970. Moscow: Nauka, 288 p. (In Russ.).
21. Tikhomirov M.N. Besermyeny v russkikh istochnikakh. *Issledovaniya po otechestvennomu istochnikovedeniyu: sbornik statei, posvyashch. 75-letiyu prof. S.N. Valka. Trudy Leningradskogo otdeleniya Instituta istorii AN SSSR. Vyp. 7, 1964.* Moscow: Nauka, pp. 50–57. (In Russ.).
22. Shteinfel'd N.P. Besermyane. Opyt' etnograficheskogo izsl'bdovaniya. *Kalendar' i Pamyatnaya knizhka Vyatskoi gubernii na 1895 god.* 1894. Vyatka: Gubernskaya tipografiya, pp. 220–259.
23. Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. 1893. Helsingfors: Druckerei der finnischen Litteratur-Gesellschaft, 200 p.
24. Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. 1901. Helsingfors: Druckerei der finnischen Litteratur-Gesellschaft, 200 p.

Информация об авторах

Робустова Елена Витальевна, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой социальных и общегуманитарных дисциплин Высшей школы сценических искусств («Театральная школа Константина Райкина») (АНО ВО ВШСИ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4484-5035>, e-mail: robusta22@list.ru

Люкина Надежда Михайловна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков и удмуртской филологии Глазовского государственного педагогического института имени В.Г. Короленко (ФГБОУ ВО ГППИ), г. Глазов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8159-600>, e-mail: nadluk.63@mail.ru

Information about the authors

Elena V. Robustova, Candidate of History, Head of the department of Social Disciplines and Humanities, The Graduate School of Performing Arts', a non-governmental private higher education institution» («Theatre School of Konstantin Raykin»), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4484-50357>, e-mail: robusta22@list.ru

Nadezhda M. Liukina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages and Udmurt Philology Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Glazov State Pedagogical Institute named after V.G. Korolenko», Glazov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8159-6007>, e-mail: nadluk.63@mail.ru

Получена 01.05.2021
Принята в печать 15.05.2021

Received 01.05.2021
Accepted 15.05.2021

Способы и средства обеспечения безопасности образовательной среды в школе и вузе

Михалкин Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4419-2038>, e-mail: fafnir85@yandex.ru

Аверюшкин А.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3150-0385>, e-mail: peripatetics@yandex.ru

Симонова С. А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4506-1248>, e-mail: Jour2@yandex.ru

Цель. Уточнить содержания таких феноменов как способы и средства обеспечения безопасности образовательной среды и обосновать вариант их использования применительно к образовательной среде вуза и школы. Процедура и методы. В статье осуществляется рассмотрение содержания способов и средств обеспечения безопасности образовательной среды с позиций философского подхода к осмыслению данного феномена, а также осуществляется обоснование варианта способов и средств обеспечения безопасности образовательной среды для вуза и школы как системы. При проведении исследования применены методы: аналогии, сравнительный, обобщения, системный, интерпретации результатов, мысленного эксперимента. Результаты. В работе уточнено содержание способов и средств обеспечения безопасности образовательной среды, раскрыто их содержание на основе философского подхода к этим феноменам, оценено их противодействие различным видам экспансии на образовательную среду, обоснован вариант использования способов и средств обеспечения реальной безопасности образовательной среды для вузов и школ с учётом современного состояния общественных отношений и культуры в стране и мире, а также тех требований, которые предъявляются образовательным учреждениям по научению и воспитанию обучающихся. Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в палитру исследований способов и средств обеспечения безопасности образовательной среды в школе и вузе, в методологию организации безопасности образовательной среды, а также в практику образовательной деятельности школ и вузов.

Михалкин Н.В., Аверюшкин А.Н., Симонова С.А.
Способы и средства обеспечения безопасности
образовательной среды в школе и вузе
Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 86–102.

Mikhalkin N.V., Averyushkin A.N., Simonova S.A.
Ways and Tools to Ensure the Safety of the Educational
Environment at School and University
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 86–102.

Ключевые слова: образовательная среда, экспансия, вызов, угроза, безопасность, способы, средства, методология, организация образования и воспитания.

Для цитаты: Михалкин Н.В., Аверюшкин А.Н., Симонова С.А. Способы и средства обеспечения безопасности образовательной среды в школе и вузе [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 86–102. DOI:10.17759/langt.2021080209

Ways and Tools to Ensure the Safety of the Educational Environment at School and University

Nikolay V. Mikhalkin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4419-2038>, e-mail: fafnir85@yandex.ru

Aleksandr N. Averyushkin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3150-0385>, e-mail: peripatetics@yandex.ru

Svetlana A. Simonova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4506-1248>, e-mail: Jour2@yandex.ru

Aim. To clarify the contents of such phenomena as ways and means to ensure the safety of the educational environment and to justify their use in relation to the educational environment of the university and school. Procedure and methods. The article reconsiders the content of ways and means to ensure the safety of the educational environment, from the point of view of a philosophical approach to understanding this phenomenon, and the rationale for the options and means to ensure the safety of the educational environment for the university and the school as a system. In the study methods are used: analogies, comparative, generalization, system, interpretation of the results, thought experiment. The results. The results of the study contribute to the palette of research into the ways and means to ensure the safety of the educational environment in school and university, to the methodology of organizing the safety of the educational environment, as well as to the practice of educational activities of schools and universities. Theoretical and/or practical significance. The results of the study contribute to the palette of research of the educational environment in school and university, to the methodology of organizing the safety of the educational environment, as well as to the practice of educational activities of schools and universities.

Keywords: educational environment, expansion, challenge, threat, security, ways, means, methodology, education and education.

For citation: Mikhalkin N.V., Averyushkin A.N., Simonova S.A. Ways and Tools to Ensure the Safety of the Educational Environment at School and University. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 86–102. DOI:10.17759/langt.2021080209 (In Russ.).

Введение

Реальные события, которые происходят в стране и современном мире, вызывают к тому, чтобы глубоко и всесторонне были осмыслены способы и средства обеспечения безопасности образовательной среды, разработана методология и методика их использования для конкретных образовательных организаций, а учителя, преподаватели, сотрудники образовательных организаций ими профессионально владели и активно их применяли. [13, с. 29-30].

При этом, как отмечают многие ученые и педагоги, осмысление проблемы использования средств и способов обеспечения безопасности образовательной среды предполагает учёт положительного опыта создания безопасной образовательной среды, которая была создана в СССР. Таким образом будет сохранена не только преемственность в разработке методологии и методике использования средств и способов для обеспечения безопасности образовательной среды, но и будут выделены тенденции формирования образовательной среды, ориентированной на практико-ориентирование обучения студентов, которое реально проявилось в развитии производства в стране, в деятельностной культуре народов страны, в отношениях к труду. [8, с. 21-25].

В данной статье авторы намерены уточнить содержание таких понятий как «обеспечение безопасности образовательной среды», «средства» и «способы» обеспечения безопасности образовательной среды, осуществить их классификацию, обосновать варианты оптимального их сочетания для образовательных организаций в школах и вузах.

Основное содержание и структурные компоненты средств и способов обеспечения безопасности образовательной среды

Раскрытие содержания средств и способов обеспечения безопасности образовательной среды начнём с уточнения содержания понятий «обеспечение безопасности образовательной среды», «средство», «способ». На первый взгляд обращение к данным понятиям можно считать излишним, но, по мнению авторов статьи, именно феномен обеспечение безопасности образовательной среды обуславливает как средства, так и способы безопасности образовательной среды.

Обращаем внимание на тот факт, что в большинстве словарей понятие «обеспечение» раскрывается через и посредством выражения «гарантировать исполнение кем-то своего предназначения», «снабдить чем-н. в нужном количестве», «предоставить достаточные материальные средства к жизни», «сделать что-то вполне возможным, действительным, реально выполнимым».¹

Применительно к функционированию каких-то социальных образований понятие «обеспечение» определяется как «система мероприятий, создающая условия для успешного выполнения этими социальными образованиями конкретных задач».²

Что касается понятия обеспечение безопасности, то оно формулируется как совокупность мероприятий по «организации жизнедеятельности личности, общества и государства, а также

¹ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов/ Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: рус. яз., 1990. – С. 424; «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935-1940); (электронная версия): [Фундаментальная электронная библиотека](#); Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия): [Фундаментальная электронная библиотека](#).

² Энциклопедия РВСН / Под общей редакцией Н.Е. Соловцева. - Москва-Белгород, 2009. С.257.

система специальных мер, направленных на предупреждение, локализацию и устранение угроз их существованию и развитию».³

Основываясь на словарных определениях понятий «обеспечение» и «обеспечения безопасности», авторы пришли к выводу, что понятие «обеспечение безопасности образовательной среды» следует сформулировать как совокупность взаимосвязанных, соответствующих содержанию и предназначению этого социального образования мероприятий, условий и факторов (средств и способов), которые позволяют ему эффективно исполнять те задачи и функции, для которых оно и создаётся.

Структурно, как отмечает ряд исследователей, обеспечение безопасности образовательной среды включает *три* основных группы мероприятий, соответствующих им отношений, а также средств и способов [11, с. 774]:

- совокупность мероприятий, осуществляемых посредством определенных средств и способов, которые можно назвать профилактическими мерами [3, с. 9];
- совокупность мероприятий, также осуществляемых посредством определенных средств и способов, которые реально осуществляют предотвращение и исключение экспансии в образовательную среду, обеспечивая ей исполнение тех задач и функций, для которых она и создаётся [15, с. 25-26];
- совокупность мероприятий, осуществляемых также посредством определенных средств и способов, которые устраняют последствия различных видов и уровней экспансии в образовательную среду конкретной образовательной организации [6, с. 18].

И так как все мероприятия по обеспечению безопасности образовательной среды осуществляются с использованием определенных средств и способов, то, прежде чем мы осуществим их систематизацию, определимся с их содержанием.

Применительно к понятию «средство», если речь о деятельности субъекта, оно в словарях определяется как «...орудие, (предмет, совокупность приспособлений) для осуществления какой-нибудь деятельности».⁴ По своей структуре средства деятельности представляют собой материальные, энергетические или информационные образования, с помощью которых реализуется любая деятельность и общение.⁵ Они предназначены для того, чтобы усилить возможности субъекта деятельности и общения, повысить эффективность его действий и операций. Поэтому, применительно к обеспечению безопасности образовательной среды, им можно дать следующее определение: средства деятельности по обеспечению безопасности образовательной среды – это такие «компоненты» субъектов, участвующих в познании и предотвращении экспансии в образовательную среду, которые усиливают их возможности в этих делах, придают этим делам новую качественность, определенность, делают их труд более производительным и эффективным.⁶

³ Политическая энциклопедия : В 2 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; [Науч.-ред. совет: пред. Г. Ю. Семигин и др.]; Рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. - М.: Мысль, 1999. – Т. 2. - С. 187.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов/ Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус.яз., 1990. – С. 758;

⁵ Средства общения – это языковой, фонетический, лексический, грамматический и речевой материал, усваиваемый в процессе обучения в виде правил, инструкций, текстов, языковых моделей и речевых образцов с целью практического применения в процессе взаимодействия человека с человеком. – См.: Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. – С. 292.

⁶ Компоненты субъектов, обеспечивающих безопасность образовательной среды, – это их знания, умения, навыки, компетенции, материальные приспособления, усиливающие их мыслительные и практически-преобразовательные действия и операции, повышающие их эффективность.

Содержательно они представляют собой сложные системы: человек - технические составляющие; человек – технологические составляющие; человек – методологические (методические) составляющие. С одной стороны, все компоненты, составляющие по отношению к человеку его же средства, усиливают его возможности, но, с другой стороны, требуют от человека соответствующей компетенции и, одновременно, являются источником экспансии для него. И этот факт следует учитывать, осуществляя мероприятия по обеспечению безопасности образовательной среды.

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что все средства деятельности человека можно подразделить на «внутренние» и «внешние» [14, с. 130-131].

«Внутренние» средства – это такие компоненты деятельности субъекта обеспечения безопасности образовательной среды, которые раскрывают его интеллектуальный потенциал, его способности к абстрактному мышлению, его познавательные и творческие способности, его уровень мировоззрения и методологическую культуру мышления и практического действия [4, с. 17-18].

«Внешние» средства – это вещественно-технические, технологические, методологические (методические) компоненты деятельности субъекта обеспечения безопасности образовательной среды, которые усиливают проявления его активности, эффективности его практически-преобразовательной деятельности, существенно снижают время достижения поставленной цели, а также обеспечивают наиболее полное совпадение результата деятельности и намеченной цели [7, с. 360-361].

Между «внешними» и «внутренними» средствами деятельности наличествует диалектическая связь: они друг друга дополняют и взаимно обуславливают.

В обеспечении безопасности образовательной среды проявляет себя не только деятельность субъектов образовательной среды и общества в целом, но и отношения и общение участников этого процесса. Очевидно, что этот процесс предполагает использование соответствующих средств, созданных самим человеком. Среди них важнейшим *средством* стал «язык», со всей совокупностью «инструментариев» его проявления.⁷

Язык социален по своей природе: слова и правила их употребления, взаимосвязи между ними едины для всех говорящих на данном языке. Это и делает возможным не только взаимодействия в деятельности, но и придание этому взаимодействию соответствующего смысла [1, с. 71-72].

Предназначение языка как средства обеспечения безопасности образовательной среды состоит в том, что при использовании языка мы наделяем соответствующим смыслом высказывания, принципы организации и функционирования организации. Ведь все слова в языке, которые мы употребляем и отражаем ими одно и то же отношение к предмету разговора, составляющие одинаковое представление о его роли в нашей жизни, выражаются *знаком*. А то общее содержание, которое вкладывают все носители этого языка в данный знак языка, в том числе их знания о соотносённости этого знака с определёнными предметами, которые могут быть вещами, явлениями, процессами, социальными образованиями, называется его *значением*. Когда же при взаимодействии мы употребляем какие-то знаки, то их общее значение преломляется через призму нашего миропонимания,

⁷ Язык – это непротиворечивая, социально обусловленная система знаков, в их фонетическом, морфологическом, лексическом значениях, а также правил их употребления, сложившаяся в конкретном социоисторическом организме (обществе).

мировоззрения и превращается в личностный *смысл*.

Смысл можно представить как значение знака в его «субъективной» форме, как бы пропущенное через систему ценностей, целей и мотивов конкретной личности, позволяя ей формулировать мысль и информацию, которая никогда не равна «прямому значению слов».

Кроме естественного языка в организации безопасности образовательной среды, используется и специальный язык, который можно назвать «языком обеспечения безопасности образовательной среды». Его, по мнению авторов статьи, можно определить следующим образом: это совокупность понятий и знаков естественного языка, а также общедоступных для широкого круга граждан категорий, взятых из технических, юридических, психологических и социальных наук, служащих средством выражения правомочий и обязанностей субъектов образовательной среды, отражающих содержание безопасности этого социального образования, раскрывающих цели и задачи познавательной и практически-преобразовательной деятельности данных субъектов по минимизации экспансии в образовательную среду и обеспечению выполнения ею ей присущих функций.

Следует отметить тот факт, что «язык безопасности», как и естественный язык, активно использует для передачи информации «невербальные» компоненты. Так, в речевом общении, наряду со словами, могут широко использоваться и «язык тела». То есть «невербальное взаимодействие», по своему содержанию, предполагает такое взаимодействие субъектов образовательной среды, которое основано на использовании тела человека как средства и способа передачи информации, выявления психических качеств всех, кто участвует в формировании безопасной образовательной среды. Основными формами «языка тела» выступают: поза, движения (жесты), мимика, взгляд, «пространственное поведение» и т.д.

Известно, что основные коммуникационные жесты не отличаются друг от друга. Когда люди счастливы, они улыбаются, когда они печальны – они хмурятся, когда сердятся – у них соответствующее выражение глаз и поза.

Например, руки в замок на груди выражают попытку спрятаться от неблагоприятной ситуации. При этом, если скрещивание рук сопровождается сжатием пальцев в кулак, то этот жест говорит о его враждебной и наступательной позиции.

Привнесение социального аспекта в невербальные средства взаимодействия между субъектами образовательной среды делает их достаточно значимыми для оценки безопасной ситуации в образовательной среде конкретной образовательной организации [4, с. 17].

По оценкам специалистов, потенциал невербального общения достаточно велик. Так, при помощи «языка тела» люди передают от 60% до 70% всей информации в процессе общения, используя этот язык как намеренно, так и ненамеренно, как осознанно, так и неосознанно [5, с. 127-129].

Невербальные средства взаимодействия участников образовательной среды помогают им ориентироваться в различных социальных ситуациях, обусловленных экспансией, регулировать своё поведение, глубже понимать друг друга и, соответственно требованиям безопасности, строить свои взаимодействия, быстрее воспринимать социальные нормы и корректировать свои действия и поступки.

Наряду с языком как средством взаимодействия, отношений, возникающих в деятельности по обеспечению безопасности образовательной среды, субъектами образовательной среды используются и такие средства как нормативно правовые акты государства, обуславливающие место и роль образовательной среды в стране, ценности, культура общества и образовательной среды [12, с. 34-36].

Значимым для организации и осуществления процесса обеспечения безопасности образовательной среды является уточнение понятия «способ» деятельности и общения. В словарях и научной литературе в нём выделяют такие его признаки как «порядок, образ действий»,⁸ «метод в исполнении какой-нибудь работы»,⁹ «средство, служащее познанию и преобразованию явлений бытия»,¹⁰ «система действий».¹¹

В целом, как свидетельствует познавательная и преобразовательная практика, способ в деятельности человека является личностным регулятивом и обусловливается:

- содержанием поставленной человеком цели;
- сложностью решаемых человеком задач и трудностью разрешаемых противоречий;
- характером деятельности и общения между участниками этих процессов;
- уровнем знаний, умений, навыков и компетенций, которыми обладает человек;
- общей культурой общества, а также конкретной сферой жизни и деятельности, где проявляет себя человек;
- опытом познавательно-преобразовательной деятельности человека;
- показателем концентрации личных возможностей, воли, направленности субъекта деятельности, обусловленными и ситуацией, и временем, и установками как личными, так и социальными [9, с. 717-718].

Учитывая данные признаки, выделенные на основе анализа общественной практики, а также учитывая область применения данного регулятива, можно дать следующее определение способу обеспечения безопасности образовательной среды.

Способ обеспечения безопасности образовательной среды её участниками - это *вариант сочетания* имеющихся у участников образовательной среды приёмов, правил, форм и других регулятивов достижения ими намеченных целей, обусловленных как конкретным уровнем экспансии в образовательную среду, так и временными параметрами, а также социальными установками и их интеллектом, опытом, компетенциями, реальной культурой их познавательно-преобразовательной деятельности и общения.¹²

Это определение имеет онтологическое основание, так как базируется на достижениях науки и общественной практики.

Способы и инструментарий обеспечения безопасности образовательной среды в школе и вузе

Обеспечение безопасности образовательной среды является постоянной задачей,

⁸ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.2. М., 2003.-С. 150.

⁹ См.: Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. Современная редакция. М., 2014. - С. 854.

¹⁰ См.: Кокорин А.А. Философский алгоритм познания: содержание и практические возможности. М., 2013.- С. 203.

¹¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. М., 1987.- С. 658.

¹² *Правило* как элемент методологии познания и практического действия – это выработанное на основе обобщения опыта и научных знаний требование к субъекту, определяющее ему очередность и последовательность познавательных и практических действий.

Приём, в методологии и методике познания и практического действия, представляет собой обоснованный знаниями, проверенный и закреплённый практикой, используемый всеми, кто участвует в познавательно-преобразовательной деятельности, алгоритм проявления содержания отдельного познавательного и практического действия.

необходимым условием и важнейшим показателем эффективного выполнения образовательными организациями и их участниками своего предназначения.

Безопасность образовательной среды достигается рядом мероприятий с использованием необходимых для этих процессов средств и способов. Их сочетание обусловливается проведением единой государственной политики по созданию и поддержанию необходимого уровня минимизации и исключению экспансии в образовательную среду, совокупностью мер экономического, политического, организационного и иного характера, адекватных уровню этой экспансии. [10, с. 73].

В Российской Федерации законодательными основами обеспечения безопасности образовательной среды являются: Конституция Российской Федерации; Закон Российской Федерации «О безопасности»; законы и другие нормативные акты Российской Федерации, регулирующие отношения в области безопасности; конституции, законы и иные нормативные акты республик в составе Российской Федерации и нормативные акты органов государственной власти и управления краев, областей, автономной области и автономных округов, принятые в пределах их компетенции в сфере образования и воспитания школьников, студентов, магистрантов, аспирантов.

Обоснование и отбор средств и способов обеспечения безопасности образовательной среды в школах и вузах состоит не в том, чтобы «закрыться», защититься от различных видов и уровней экспансии в неё, что по факту бытия общества и образования невозможно, в том, чтобы создать такой характер отношений, создать такие процессы в образовании и воспитании, чтобы учителя, преподаватели, школьники и студенты могли выполнять свои статусные роли: обеспечивать воспитание и образование квалифицированных и социально зрелых личностей, обеспечивать научаемым раскрытие тех задатков, которые они имеют в самих себе от рождения, обеспечивать социальный прогресс и будущность стране и всем людям, в ней проживающим.

Так какие же средства обязаны активно использоваться для обеспечения безопасности образовательной среды?

Во-первых, это материальные средства. Это здания, где проходят не только учебные занятия, но и другие виды и формы занятий. Здания, оснащённые такой инфраструктурой, которая позволяет осуществлять минимизацию различных видов и типов экспансии в образовательную среду. Сюда включаются подъезды и подходы к зданиям, освещение, системы наблюдения за внешней частью зданий и возможность блокировки зданий, быстрый вызов правоохранительных органов, возможность изолировать учащихся от видов и типов экспансии.

То есть здания, соответствующие требованиям проведения всех видов занятий, работе и отдыху учителей и воспитателей, медицинских работников, работников питания, технических служб и так далее.

Здания обязаны также иметь эффективную информационную составляющую: связь с интернетом, эффективные ТСО и другие СМИ.

При этом необходимо иметь в виду тот факт, что средства массовой информации изобилуют примерами кибербуллинга, виртуального террора, провокационных сообщений с целью вызвать конфликты и взаимные оскорбления между участниками «виртуальной действительности», в том числе и между участниками образовательной среды [2, с. 16].

Во-вторых, духовные средства обеспечения безопасности образовательной среды. В первую очередь - это «безопасное сознание» как компонент личностного сознания

участников образовательной среды, а также сознание сообщества людей, включённых в образовательную среду.

«Безопасное сознание как относительно самостоятельная составляющая сознания участников образовательной среды и этого социального образования в целом представляет собой совокупность взглядов, идей, концепций, выражающих отношение участников образовательной среды к различным видам и типам экспансии, а также к деятельности по минимизации и исключению этой экспансии в образовательную среду, что создаёт условия для достижения тех целей, для которых образовательная среда и предназначена.

Оно состоит из рационально-волевого и иррационального компонентов и включает: безопасную идеологию (теоретическую составляющую безопасного сознания); безопасную психологию (обыденный уровень безопасного сознания, совокупность разного вида и типа воззрений, основанных на чувственном восприятии экспансии); мотивы участия субъектов образовательной среды по обеспечению её безопасности;

Оно детерминирует возможности участников образовательной среды к созданию безопасных отношений в образовательной среде и эффективному функционированию образовательной среды, её практической деятельности.

Безопасное сознание как средство обеспечения безопасности образовательной среды не только отражает ключевые интересы и ценности участников образовательной среды, а также научно обосновываемые и мотивированные их цели, организацию и их активность по противодействию экспансии и минимизации её, но и распространяет свои идеи, взгляды на области политики, экономики, права, философии, морали, религии и т.д. в обществе.

Все дело в том, что в реальных социальных ситуациях людям приходится и придется выбирать между действиями или бездействиями, в которых утверждаются различные позитивные ценности и отдельного человека, и сообществ. При этом они часто могут оказываться в ситуациях, когда придется принимать решения, не лежащие в рамках однозначного противостояния добра и зла. Не то, чтобы эти решения лежали по одну сторону добра или другую - зла. Это решения в условиях выбора между большим и меньшим добром или большим и меньшим злом. На этом уровне отношений и действий выбор особенно труден. Тем более в ситуациях, когда приходится выбирать по принципу «наименьшего зла». Подобного рода ситуации всегда воспринимаются сознанием как трагичные. В случае с разными положительными ценностями из большего и меньшего добра выбирается в любом случае добро. При выборе даже меньшего зла выбранным оказывается зло. Последствия такого выбора – не как меньшего зла, а как зла, непредсказуемы как для окружения, так и для самого выбирающего. Такой выбор при отсутствии идеологической установки, обоснованной высшими ценностями личности, общества и государства, всегда неразрешим.

Как духовное средство, безопасное сознание ориентирует участников образовательной среды на более высокую степень активности и действенности, более высокую, чем насилие. Здесь проявляется не просто ответное насилие, но и активное ненасилие. Двойное отрицание насилия предполагает разные ступени, стадии зрелости человеческих усилий, направленных на борьбу за социальную справедливость, за безопасность образовательной среды и каждого её участника. Речь не идет, конечно, об устранении насилия, а о качественной смене вектора сознательных усилий участников образовательной среды и общества в целом.

В-третьих, важнейшим духовно-материальным средством обеспечения безопасности образовательной среды выступает и наличествующая в обществе и в образовательных

структурах «культура безопасности» личности, общностей людей, культура безопасных отношений между учениками, студентами, учителями преподавателями, всеми участниками образовательной среды и социальными институтами общества.

По своему содержанию «безопасная культура» общества и образовательной среды - это совокупность исторически сложившихся в стране и целенаправленно сформированных устойчивых ценностей, установок, убеждений, представлений, моделей поведения, проявляющихся в деятельности субъектов системы безопасности образовательной среды и обеспечивающих формирование и осуществление условий и факторов, необходимых для подготовки квалифицированных и социально зрелых личностей, достижение намеченных целей, реализацию интересов обучения и воспитания, минимизацию видов экспансии в образовательную среду на основе допустимой меры насилия и активного ненасилия.

Структурно «безопасная культура» включает в себя: а) гносеологический компонент: знания, идеи, концепции, теории по безопасности; б) нормативный компонент: обычаи, традиции, стереотипы, правила, которые, при их соблюдении, позволяют минимизировать и даже исключать высокие уровни экспансии в образовательную среду; в) оценочный компонент: ценности, интересы, убеждения, установки, позволяющие оценивать последствия экспансии при воздействии её на образовательную среду; г) поведенческий компонент: модели, формы, образцы, стандарты безопасного практического действия участников образовательной среды, позволяющие ей исполнять своё предназначение.

На личностном уровне культура безопасности образовательной среды проявляется в отношениях участников образовательной среды к проявлениям вида, типа, формам экспансии в конкретно образовательном учреждении, в установках по минимизации и предотвращению этой экспансии, от кого бы она ни исходила.

Хотелось бы отметить, что сегодня безопасной культуре в образовательной среде присущи следующие черты: а) низкая компетентность участников образовательной среды в вопросах её безопасности; б) безопасный нигилизм; в) неразвитость социальных позиций участников образовательной среды; г) отсутствие конкретных ценностных ориентаций в контексте обеспечения безопасности образовательной среды; д) невысокий уровень государственного и национального патриотизма.

Что касается способов обеспечения безопасности образовательной среды, то их формулирование, обоснование предопределяется целями, которые стоят перед участниками этого процесса, решаемыми задачами, уровнем подготовленности и квалификации субъектов образовательной среды, характером реальной жизни страны и конкретных образовательных учреждений, уровнем экспансии, которая воздействует на образовательную среду.

И так как противодействие небезопасному воздействию экспансии на образовательную среду, в первую очередь на её участников, представляет собой процесс проникновения, потом проявления её в образовательной среде, а потом осмысление и корректировку компонентов функционирования образовательной среды, то в общем плане способы обеспечения безопасности образовательной среды можно раскрывать по данным этапам процесса. Другими словами, способы обеспечения безопасности образовательной среды, как вариант, можно подразделять на следующие:

- способы, предупреждающие возрастание экспансии в образовательную среду (или профилактические);
- способы, непосредственно используемые при «деформации» образовательной среды и предназначенные для того, чтобы сохранить жизнь участникам образовательных

организаций;

- последовательные способы, обеспечивающие совершенствование образовательной среды и укрепление её безопасности, которые используются для минимизации или устранения определенных уровней экспансии в неё.

Что касается способов, предупреждающих возрастание экспансии в образовательную среду или профилактических способах, их следует подразделить на две группы: а) способы прогноза возрастания экспансии; б) способы профилактики и минимизации причин, обуславливающих возрастание экспансии в образовательную среду.

Авторы статьи, основываясь на результатах исследований, посвящённых безопасности образовательной среды, считают, что для прогноза возрастания экспансии в образовательную среду следует использовать следующие основные способы: а) эвристический, через использование предвестников конкретных девиантных явлений в образовательной среде и обществе и анализ информации мониторинга об этих процессах; б) математический, через расчёты с использованием статистических данных за несколько лет; в) поиск аналогий и экстраполяции обобщённых характеристик возникновения противоречий в образовательной среде и обществе, которые возникают в образовательной среде реальных школ и вузов; г) экспертных оценок; д) моделирования.

Целью прогноза экспансии в образовательную среду в конкретных школах или вузах является выявление всех возможных, на данных территориях, источников экспансии, оценка вероятности их возникновения и возможных масштабов их последствий.

Полученные результаты прогноза следует обобщить, включить в «декларацию» безопасности конкретной образовательной организации и определить, к какому уровню можно отнести её состояние: а) безопасность как возможность; б) реальная безопасность; в) небезопасная образовательная организация.

По полученным вариантам прогноза следует произвести корректировку масштабов и условий деятельности образовательной организации. То есть для участников этой образовательной организации и для руководства, в том числе и для правоохранительных органов, сформулировать перечень мероприятий, определить средства и способы совершенствования функционирования данного учреждения.

Речь может идти о минимизировании причин, обуславливающих возрастание экспансии в образовательную среду и выборе для этого соответствующих способов «профилактики» экспансии. Может быть и так, что образовательное учреждение вообще нельзя будет признать безопасным для учебной и воспитательной работы.

Ведь в зданиях (сооружениях), относящихся к образовательным учреждениям, в дополнение к схематическому плану эвакуации людей при пожаре должна быть разработана инструкция, определяющая действия персонала по обеспечению безопасной и быстрой эвакуации людей, по которой не реже одного раза в полугодие должны проводиться практические тренировки всех задействованных для эвакуации работников.

В зданиях с постоянным пребыванием людей, относящихся к категории маломобильных групп населения должны быть разработаны памятки с правилами поведения людей в случае возникновения пожара, а также установлен порядок изучения (ознакомления) указанных памяток.

Обязаны быть инструкции, определяющие порядок действий работников образовательных учреждений, относящихся к дошкольным образовательным учреждениям, образовательным учреждениям интернатного типа, при экстремальных ситуациях. Они должны содержать

варианты самостоятельной эвакуации людей, а также эвакуации людей, неспособных к самостоятельной эвакуации, персоналом организации в светлое и темное время суток.

Такие здания должны быть оборудованы системой оповещения и управления эвакуацией людей. Успех его применения зависит от того, насколько доступно должностные лица, ответственные за обеспечение безопасности, в ходе проведения первичных инструктажей доведут до участников образовательных учреждений соответствующие правила и приёмы практического действия.

Руководители образовательных организаций должны обеспечить регулярное проведение тренировок участников образовательных учреждений.

В зданиях должно быть организовано круглосуточное дежурство обслуживающего персонала, достаточного для организации безопасной эвакуации людей, находящихся в здании.

Количество людей, одновременно находящихся в помещениях здания (сооружения), не должно превышать количества, установленного нормами проектирования и заложенного в проектные решения путей эвакуации людей из здания или определенного расчетом, исходя из условия обеспечения безопасной эвакуации людей при пожаре.

При эксплуатации эвакуационных путей и выходов должно быть обеспечено соблюдение проектных решений, в том числе по освещенности, количеству, размерам и объемно-планировочным решениям эвакуационных путей и выходов, а также по наличию на путях эвакуации знаков пожарной безопасности [11, с. 201].

В целом, для профилактики и минимизации причин экспансии в образовательную среду, которые определяются прогнозом, можно использовать следующие способы для применения имеющихся средств: а) противодействие (пресечение) экспансии тоталитарных культов и сект, пытающихся вмешаться в формирование традиционных ценностей и поведение участников образовательной среды; б) установление между участниками образовательной среды, образовательными учреждениями, социальными общностями меры доверия как гарантии, что им никто и ничего не угрожает; в) «сковывание» активности российских и западных информационно-пропагандистских центров по инициированию вражды между социальными общностями в стране и в образовательной среде; г) применение правовых санкций к СМИ, конкретным информационным источникам, которые вносят правки в полученные архивные документальные материалы и кинохронику, подвергают их различного рода препарированиям, создают условия для появления противоречий между участниками образовательной среды и социальными общностями в стране; д) осуществление мониторинга кинопродукции как зарубежного, так и российского производства на предмет соответствия исторической правде, явного или скрытого осуществления акций целенаправленного инициирования противоречий между участниками образовательной среды и социальными общностями в стране; е) просвещение всех людей в стране, участников образовательной среды о бесперспективном будущем для каждого в отдельности и всех вместе, если будут распространяться идеи и дела о приоритете отдельного, но не целого, то есть против единства этносов, народностей, наций; ж) обучение и повышение квалификации педагогических работников, всех сотрудников формам и методам работы по профилактике видам экспансии в образовательные учреждения.

И ещё! На наш взгляд, способом профилактики, минимизации, предотвращения и исключения негативных ценностей в образовательной среде следует считать совокупность принципов, норм и правил жизнедеятельности общества и личности, которые основаны на

объективных законах развития человека и общества.

Если же «профилактические» способы и средства не обеспечили минимизацию экспансии в образовательную среду и экспансия на уровне угрозы осуществилась, то в таком случае следует использовать способы, которые, при «деформации» образовательной среды, позволят сохранить жизнь участникам образовательного учреждения и, если позволят условия, осуществлять образовательный и воспитательный процесс в школах и вузах;

Очевидно, что такие способы обеспечения безопасности образовательной среды не могут не быть связаны со структурными компонентами образовательных учреждений: людьми; технологией и методикой организации и функционирования образовательной среды как сложного социального образования.

Например, для участников образовательных учреждений можно сказать следующее. Исходя из результатов осмысления и оценки поведения людей, непосредственных участников реальных экстремальных ситуаций, которые были получены психологами и другими специалистами, авторы статьи выделяют следующие способы, соблюдение которых позволит участникам образовательного учреждения сохранить жизнь и сохранить действенность образовательного учреждения:

- способ оптимального соотношения зависимости - независимости одних участников образовательного учреждения от других участников, а также субъектов внешнего воздействия, путем тренировки у себя черт здоровой автономии;

- способ «навыковой» управляемости личных стереотипных реакций в важных и нестандартных ситуациях, характеризующихся минимизацией раздражений и обид на личные унижения, оскорбления, издевательства и другие формы небезопасного воздействия субъекта экспансии;

- сохранение уверенности на благополучное разрешение противоречий, которые привели к тому, что в образовательном учреждении возникла реальная опасность для жизни людей;

- сохранение спокойствия и способности «трезво» оценивать ситуацию, не допущения действий, которые могут спровоцировать субъектов экспансии к применению оружия, к человеческим жертвам;

- сохранение активности рационального мышления, использование умственных упражнений, тренировки памяти;

- оказание, по возможности, содействия правоохранительным органам.

После разрешения противоречий, обусловивших создание в образовательных учреждениях небезопасной образовательной среды, всем её участникам, в том числе руководству, потребуется провести цикл мероприятий.

Они охватывают деятельность не только администрации, но и педагогических работников, вспомогательного персонала и предполагают использование всех средств и способов, которые мы рассмотрели. Они позволят обеспечить организацию работы по совершенствованию условий и факторов обеспечения безопасности образовательной среды в школах, вузах и предполагают: а) анализ и оценку проявления экспансии в образовательные учреждения; б) внедрение предложений членов образовательной организации по исключению факторов, обуславливающих проявление экспансии в образовательную организацию; в) переподготовку работников организации или повышение их квалификации; г) проведение процедур технического и технологического оснащения зданий, прилегающих территорий, информационного предупреждения и оповещения о фактах экспансии в образовательную среду; д) совершенствования контроля за всеми процессами,

обеспечивающими безопасность образовательных учреждений, участников образовательного процесса.

Заключение

По оценкам многих экспертов, качественно выстроенная и методически продуманная образовательная среда позволяет обеспечить не только доступность и результативность образования и воспитания, но и снизить расходы на образование и обеспечить безопасность обучающихся.

Рассматривая тему использования средств и способов для обеспечения безопасности образовательной среды, авторы пришли к выводу, что это предполагает:

- выявление, анализ, оценку, прогнозирование реальной экспансии в образовательную среду в стране и в конкретные образовательные учреждения;

- разработку и применение комплекса оперативных и долговременных мероприятий по выявлению, предупреждению и устранению видов экспансии, локализации и нейтрализации последствий их проявления;

- создание такого содержания и уровня отношений в образовательной среде и в обществе в целом, а также инструментария их сохранения и воспроизводства, чтобы в результате все включённые в образовательную среду могли выполнять свои статусные роли: а) обеспечивать обучаемым раскрытие тех задатков, которые они имеют в самих себе; б) позитивно развивать саму систему образования и воспитания; в) сохранять целостность образовательной среды и её динамизм; г) быть всегда открытой к нововведениям и использовать преемственность в своём развитии.

- единство действий всех субъектов образования и сопряженных с ним сфер, особенно культуры, медицины, экологии, социальной защиты, безопасности систем жизнеобеспечения с использованием обоснованных наукой и практикой средств и способов.

Процесс обеспечения безопасности образовательной среды, как и другие процессы такого рода, для того, чтобы они осуществлялись эффективно, обязаны быть грамотно организованы, а его участники должны использовать для этого определённые средства и способы, которые были рассмотрены в данной статье.

Особое значение при решении задач безопасности образовательной среды играют не только научная разработка и обоснование используемых для достижения данной цели методов, средств, способов, но и способность и готовность руководителей, учителей, преподавателей, обслуживающего персонала в школах, вузах владеть данными методами, средствами, способами и умением и готовностью их эффективно использовать в образовательном процессе.

Литература

1. *Аверюшкин А.Н.* Проблема исторической теории в когнитивной практике и методологической рефлексии в XX столетии: дисс. канд. философ. н. М., 2005. 132 с.
2. *Алексеева С.В., Мельниковой Т.В.* Безопасная школа: настольная книга для руководителей и преподавателей образовательных учреждений. 2013. СПб.: СПб АППО, 280 с.
3. *Андронникова О.О.* Безопасность образовательной среды в современных геополитических условиях [Электронный ресурс] // *Философия образования.* 2015. №3. С. 14-22. DOI: 10.15372/PHE20150302
4. *Анциупов А.Я.* Профилактика конфликтов в школьном коллективе. 2003. М.: Гуманит.изд. центр ВЛАДОС, 208 с.

5. Бакланова Н.К., Иванова Т.С., Колот В.В. К проблеме создания психологически безопасной образовательной среды: целостный подход [Электронный ресурс] // Вестник МГОУ. Серия: Педагогика. 2018. №3. С. 13-28. DOI: 10.18384/2310-7219-2018-3-13-24
6. Баева И.А. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практическое руководство. 2006. СПб.: Речь, 288 с.
7. Габер И.В., Зарецкий В.В. Обеспечение психологической безопасности образовательной среды. Методические рекомендации для руководителей общеобразовательных организаций. 2018. М.: ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей», 50 с.
8. Головяшкина М.А. Социально-экономическая глобализация как фактор развития межкультурной коммуникации в условиях цифрового общества // Материалы международной научно-практической конференции «Информационные технологии в науке, образовании и производстве» (г. Москва, 8 февраля 2018 года). Москва: изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2018. С. 359-369.
9. Иванов В.М., Грудуз А.А., Мачульная И.А. Практико-ориентированное обучение школьников и самоопределение личности [Электронный ресурс] // Концепт. 2014. № 18. С. 21-25. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14727.htm> (дата обращения: 24.04.2021).
10. Иванова Е.К., Чемерилова И.А. Конфликтологическая культура учителя и ее проявление в профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Вестник Башкирск. ун-та. 2015. № 2. С. 716 – 720. URL: http://bulletin-bsu.com/arch/files/2015/2/64_4875_Ivanova_v2_716-721.pdf (дата обращения: 24.04.2021).
11. Михалкин Н.В., Аверюшкин А.Н. Содержание и виды безопасности образовательной среды [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 64-78. DOI:10.17759/langt.2021080110
12. Фальковской Л.П. Обеспечение психологической безопасности образовательной среды. Методические рекомендации для руководителей общеобразовательных организаций. 2018. М.: ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей», 50 с.
13. Савченко И.А. Конфликты в образовательной организации в условиях организационных изменений [Электронный ресурс] // Конфликтология. 2018. № 2. С.24-35. DOI: 10.7256/2454-0617.2018.2.25674
14. Шантала В.Г., Радоуцкий В.Ю., Шульженко В.Н. Концепция обеспечения безопасности высших учебных заведений // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2009. № 2. С. 127-142. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-obespecheniya-bezopasnosti-vysshih-uchebnyh-zavedeniy/viewer> (дата обращения: 24.04.2021).
15. Ярычев Н.У. Предотвращение конфликтов как аспект профессиональной деятельности учителя // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2011. Том 7. № 2. С. 23 – 33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predotvraschenie-konfliktov-kak-aspekt-professionalnoy-deyatelnosti-uchitelya/viewer> (дата обращения: 24.04.2021).

References

1. Averyushkin A.N. Problema istoricheskoi teorii v kognitivnoi praktike i metodologicheskoi refleksii v XX stoletii. Diss. kand. filosof. n. Moscow, 2005. 132 p. (In Russ.).
2. Alekseeva S.V., Mel'nikovoi T.V. Bezopasnaya shkola: nastol'naya kniga dlya rukovoditelei i prepodavatelei obrazovatel'nykh uchrezhdenii. 2013. Saint-Peterburg: SPb APPO, 280 p. (In Russ.).
3. Andronnikova O.O. Bezopasnost' obrazovatel'noi sredy v sovremennykh geopoliticheskikh

- usloviyakh. *Filosofiya obrazovaniya=Philosophy of education*, 2015, no. 3, pp. 14-22. DOI: 10.15372/PHE20150302 (In Russ.).
4. Antsupov A.Ya. Profilaktika konfliktov v shkol'nom kollektive. 2003. Moscow: Gumanit.izd. tsentr VLADOS, 208 p. (In Russ.).
 5. Baklanova N.K., Ivanova T.S., Kolot V.V. K probleme sozdaniya psikhologicheskoi bezopasnoi obrazovatel'noi sredy: tselostnyi podkhod. *Vestnik MGOU. Seriya: Pedagogika=MGOU Bulletin. Series: Pedagogy*, 2018, no. 3, pp. 13-28. DOI: 10.18384/2310-7219-2018-3-13-24 (In Russ.).
 6. Baeva I.A. Obespechenie psikhologicheskoi bezopasnosti v obrazovatel'nom uchrezhdenii: prakticheskoe rukovodstvo. 2006. Saint-Peterburg: Rech', 288 p. (In Russ.).
 7. Gaber I.V., Zaretskii V.V. Obespechenie psikhologicheskoi bezopasnosti obrazovatel'noi sredy. Metodicheskie rekomendatsii dlya rukovoditelei obshcheobrazovatel'nykh organizatsii. 2018. Moscow: FGBNU «Tsentr zashchity prav i interesov detei», 50 p. (In Russ.).
 8. Golovyashkina M.A. Sotsial'no-ekonomicheskaya globalizatsiya kak faktor razvitiya mezhkul'turnoi kommunikatsii v usloviyakh tsifrovogo obshchestva. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «*Informatsionnye tekhnologii v nauke, obrazovanii i proizvodstve*» (g. Moskva, 8 fevralya 2018 goda). Moscow: Publ. ChOUVO «MU im. S.Yu. Vitte», 2018. pp. 359-369. (In Russ.).
 9. Ivanov V.M., Gruduz A.A., Machul'naya I.A. Praktiko-orientirovannoe obuchenie shkol'nikov i samoopredelenie lichnosti. *Kontsept=Concept*, 2014, no. 18, pp. 21-25. Available at: <http://e-koncept.ru/2014/14727.htm> (Accessed 24.04.2021). (In Russ.).
 10. Ivanova E.K., Chemerilova I.A. Konfliktologicheskaya kul'tura uchitelya i ee proyavlenie v professional'noi deyatel'nosti. *Vestnik Bashkirsk. un-ta=Bulletin Bashkirsk. un-ta*, 2015, no. 2, pp. 716 – 720. Available at: http://bulletin-bsu.com/arch/files/2015/2/64_4875_Ivanova_v2_716-721.pdf (Accessed 24.04.2021). (In Russ.).
 11. Mikhalkin N.V., Averyushkin A.N. Coderzhanie i vidy bezopasnosti obrazovatel'noi sredy. *Yazyk i tekst=Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 64-78. DOI:10.17759/langt.2021080110 (In Russ.).
 12. Fal'kovskoi L.P. Obespechenie psikhologicheskoi bezopasnosti obrazovatel'noi sredy. Metodicheskie rekomendatsii dlya rukovoditelei obshcheobrazovatel'nykh organizatsii. 2018. Moscow: FGBNU «Tsentr zashchity prav i interesov detei», 50 p. (In Russ.).
 13. Savchenko I.A. Konflikty v obrazovatel'noi organizatsii v usloviyakh organizatsionnykh izmenenii. *Konfliktologiya=Conflictology*, 2018, no. 2, pp. 24-35. DOI: 10.7256/2454-0617.2018.2.25674 (In Russ.).
 14. Shaptala V.G., Radoutskii V.Yu., Shul'zhenko V.N. Kontseptsiya obespecheniya bezopasnosti vysshikh uchebnykh zavedenii. *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta im. V.G. Shukhova=Bulletin of the Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhova*, 2009, no. 2, pp. 127-142. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-obespecheniya-bezopasnosti-vysshih-uchebnyh-zavedeniy/viewer> (Accessed 24.04.2021). (In Russ.).
 15. Yarychev N.U. Predotvrashchenie konfliktov kak aspekt professional'noi deyatel'nosti uchitelya. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov=Scientific support of the personnel development system*, 2011. Vol. 7, no. 2, pp. 23 – 33. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/predotvraschenie-konfliktov-kak-aspekt-professionalnoy-deyatelnosti-uchitelya/viewer> (Accessed 24.04.2021). (In Russ.).

Михалкин Н.В., Аверюшкин А.Н., Симонова С.А.
Способы и средства обеспечения безопасности
образовательной среды в школе и вузе
Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 86–102.

Mikhalkin N.V., Averyushkin A.N., Simonova S.A.
Ways and Tools to Ensure the Safety of the Educational
Environment at School and University
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 86–102.

Информация об авторах

Михалкин Николай Васильевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и гуманитарных наук, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4419-2038>, e-mail: fafnir85@yandex.ru

Аверюшкин Александр Николаевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарных наук, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3150-0385>, e-mail: peripatetics@yandex.ru

Симонова Светлана Анатольевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и гуманитарных наук, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4506-1248>, e-mail: Jour2@yandex.ru

Information about the authors

Nikolay V. Mikhalkin, Doctor of Philosophical Sciences, professor, head at the Department of Philosophy and Humanities, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4419-2038>, e-mail: fafnir85@yandex.ru

Alexander N. Averyushkin, Ph.D. candidate in philosophy and an assistant professor of philosophy and humanities, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3150-0385>, e-mail: peripatetics@yandex.ru

Svetlana A. Simonova, Ph.D., Associate Professor, Professor of Philosophy and Humanities, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4506-1248>, e-mail: Jour2@yandex.ru

Получена 01.05.2021
Принята в печать 15.05.2021

Received 01.05.2021
Accepted 15.05.2021

Контрастивный анализ красных идиом на английском, русском языках и на иврите

Кигель Т.

Центр «Беазахла», г. Петах-Тиква, Израиль

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4136-4711>, e-mail: kigelt@gmail.com

Работа посвящена исследованию 126 колоративных идиом с колоративом *красный* (КИ) на трех языках из электронных источников с акцентом на актуальную лексику в 20-м и 21-м веках. На основе статистического, сравнительного, лингвистического и лингвокультурологического методов анализа в рамках лингвокультурной концепции КИ были рассмотрены многочисленные значения КИ, которые затем были объединены в трехязычные ассоциативные цепочки и в последующем в семь микросистем: Цвет крови-активность-болезнь-медицинская помощь - стыд-раздражение-гнев-агрессивность-преступление-убийство; Пламя- привлекательность; Опасность -запрет- граница - красно-зеленый; Революция - коммунизм- анархизм; Престиж- праздник; Секс; Красный цвет объекта. В дополнение к этому, были отмечены трехязычные экстраассоциативные КИ, значения которых не входят в ассоциативные цепочки. В работе произведен количественный анализ КИ, выявлены эквивалентные и лакунарные идиомы на трех языках, прослежена связь КИ с красным цветом в природе, отмечено появление новых значений КИ и изменение их коннотативности в разных языках с течением времени. Были рассмотрены такие характеризующие КИ явления, как многозначность, антиномия с разными цветами (зеленый, черный, белый и синий), международные неологизмы в компьютерных технологиях, фондовом рынке, пандемии коронавируса и важность РИ в современных языках и лингвистической культуре.

Ключевые слова: сравнительное языкознание, контрастивная лингвистика, колоративные идиомы, красный, английский, русский, иврит.

Для цитаты: Кигель Т. Контрастивный анализ красных идиом на английском, русском языках и на иврите [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 103–112. DOI:10.17759/langt.2021080210

Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew *Red* Idioms

Kigel Tali

Behazlaha-center, Petah-Tikva, Israel

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4136-4711>, e-mail: kigelt@gmail.com

The paper studied 126 colorative idioms with colorative red (RI) in three languages from electronic sources, with a focus on current vocabulary from the 20th and 21st centuries. RIs numerous meanings were investigated, then merged into trilingual associative chains, and finally into seven microsystems, using statistical, comparative, linguistic, and linguistic-cultural analysis methods within the framework of the linguocultural approach to RI: Blood color-activity-disease-medical care-shame-irritation - anger - aggression - crime - murder; Fire - attractiveness; Danger - prohibition – border- red-green; Revolution - anarchism-communism; Prestige- holiday; Sex; Red object's color. We also found trilingual extra-associative RIs, which have meanings not found in the associative chains. The study examined RI quantitatively, identifying trilingual equivalent and lacunar idioms, linked between RI and red in nature, noting the formation of new RI meanings and connotation changes in three languages through time. Polysemy, antinomy with different hues (green, black, white, and blue), international neologisms (computer technology, the stock market, the coronavirus pandemic), and the relevance of RI in modern languages and linguistic culture were the topics covered in this research.

Keywords: contrastive linguistics, colorative idioms, red, English, Russian, Hebrew.

For citation: Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Red Idioms. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 103–112. DOI:10.17759/langt.2021080210 (In Russ.).

1. Introduction

Hebrew is the official language of Israel, a multilingual country, where Russian is spoken by about 1.5 million people and English is widely used for international communication (Bat-Zeev Shildkrot 2004, 90; Naiditsch 2004, 108). Since there are a significant number of similar colorful idioms in the three languages, it is possible to learn idioms at the beginning of language acquisition for effective communication because of a linguo-methodological category as a chain of associations in an associative row or a set of words-reactions to a word-stimulus and the use of ... a chain of associations in ... teaching contributes to the formation of a student's bilingual personality (Onyakova & Ruzhitsky 2016, 187).

Russian scientists are actively involved in Colorative Cultural Linguistics that deals with "the linguistic picture of the world ... a set of color ideas with lexical meanings that contain an element of color designation in their semantics" (Guz 2010, 5). Numerous comparative studies study coloration idioms in Russian and English, and also in French, German, Chinese, Tatar, and Mari (Bolotina, Shabasheva 2011; Kulinskaya 2015; Vostrikova&Leonova 2018; Guz 2010). Gataullina

2005; Yakovleva et al. 2015).

Red is one of the brightest colors of the world due to its long wavelength (Pasturo, 2016; Matveeva, 2020; Kulinskaya, 2015). In English and Russian, Bolotina and Shabasheva (2011) distinguished four common microsystems (associative chains) of RIs meanings, and Kulinskaya (2015: 130) listed RI common meanings in Russian and French, as well as national color idioms.

In the Explanatory Dictionary of Translation Studies, an association is defined as a combination of linguistic units according to some criterion and microsystem or subsystem, - a naturally organized part of the overall system Language) (Nelyubin 2003, 23 156). In general, comparative studies are a small number of the most common RIs and organized a small number of ACs (unite linguistic units following a formal or logical-semantic property).

Colors in ancient Hebrew (colors in the Bible) have been studied extensively, but not in modern Hebrew and not in a comparative aspect. This work, as part of the Trilingual Linguocultural Color Project, completes the gap in Hebrew and trilingual comparative studies. We processed extended material in three modern languages; united microsystems or subsystems, follow Nelubin (2003, 156) - a naturally organized part of the overall system Language) of associative chains, and identified not included in associative chains or extra-associative RIs as we called them.

2. Materials and procedure

Statistical, comparative, linguistic, and cultural-linguistic methods of analysis were used to study 46 English, 33 Russian, and 29 Hebrew RIs and their interpretations in electronic explanatory and phraseological dictionaries, electronic versions of printed dictionaries, and the Internet.

This paper addresses the following questions:

1. What are the trilingual RI associative chains?
2. What are the trilingual microsystems of associative chains?
3. What are the Trilingual extra-associative RIs?

3. Results

3.1 Trilingual RI associative chains and microsystems

In this part of the work are presented RI meanings based on meanings in explanatory and phraseological dictionaries and united in associative chains and microsystems.

1. **Color of blood, health, vitality, energy, and activity (positive connotation):** (*as*) *red as cherry/rose, red-blooded (full of life); кровь с молоком (blood and milk), с румянцем во всех щеках.*

Inflammation , sickness (negative): *rubella/краснуха/אדמת (a disease with a red skin rash); a redevye flight (an overnight flight); без кровинки в лице (no blood in the face- painful appearance).*

Medical and humanitarian organizations names (positive): *International Red Cross and Red Crescent Movement/ Организация Красного креста и полумесяца/ מגן דוד אדום (Red Magen David - National Emergency Medical Services Organization in Israel).*

Nervous excitement, embarrassment, shame, irritation(negative): *red as a turkey-cock, a cougar, a poppy flower/ красный, как маков цвет (red like poppies), красное лицо (red face), покраснеть до самых ушей/до корней волос (to blush to the very ears / to the roots of the hair).*

Anger, rage, fury, aggressiveness (strong negative): *red as a beet /красный как свекла/ כּוּדָא /кыб ан акпярт яансарк как / llub a ot gar der a ekil; כמו סמרטוט אדום לשור כסלק; (trilingual idiom and the only Hebrew expression about anger and rage); to get/ to become red in the face / have a red face/ the face becomes red with anger/ red as a fire / one's ears are red (to feel very angry); к лицу прилила кровь, лицо вспыхнуло, кровь бросилась в лицо, глаза налились кровью (bloody yes).*

Crime, murder, guilt (strong negative): blood on one's hand/руки в крови/ **דם על הידיים**, caught red-handed (catch someone in a crime or the negative act)/поймать с поличным (lack of color in equivalent).

2. **Flame, fire (common):** red as fire/ красный как огонь / **אדום אש** (color of face). Some popular in past idioms are now obsolete.

Importance, attractiveness (only in modern English): a red-hot campaign or news (an emotionally evoking campaign or news), red light (attracting attention); red ticket item (important item), red tag sale (special sale).

3. **Danger, alarm, warning (common):** to see the red light (to feel danger, trouble); red flag/ красный флаг **דגל אדום** / (attack signal; communism ideology; Hebrew – forbidding to swim); Red List of Threatened Species (endangered flora and fauna species by IUCN, International Union for Conservation of Nature); A Red Notice (the Interpol request for a criminal person); red zone/красная зона (Russian - a law enforcement territory); **בע אדום אזעקה צ** (red signal - a rocket attack warning).

In the 21 century Red-green idioms actively creating **neologisms** related to sports, customs, computers, the stock exchange, and the coronavirus pandemic: Red Card/красная карточка / **קרטיס אדום** (disqualification, removal of a player or compulsory termination of activities in sports or other fields); red channel/ красный коридор/ **מסלול אדום** (the airport corridor for customs control of goods, in opposite to green free passage); red-zone / красная зона / **אדומה נעילה** - stock exchange falling shares; in computing - no modification zone); **עיר אדומה** (red city) ;Red List of dangerous countries or territories for travelers **מדינה אדומה** / (red country - high corona dangerous in opposite to a green country) .

Prohibition, limit, boundary: Red Line/красная черта, линия/; **קו אדום** cross the red line/перейти, пересечь красную черту, линию / **לעבור קו אדום**; ехать на красный/ **אדום** (Russian, Hebrew- a conscious violation of rules). In the Sea of Galilee there are two conditional **קוים אדומים** (upper and lower Red Lines - warning of flood / drying up).

Red-green (common) is the international antonymy (dangerous - safe, forbidding - permissive, prohibition - permissive, negative-positive, impossible - possible, no – yes) based on the traffic light color scheme and its accompanying connotation (Bolotina and Shabasheva (2011): red light / красный свет / **אור אדום**).

4. **Revolution, socialism, communism, extremism, anarchism, leftist ideologies.** Many idioms that were popular in the twentieth century are now obsolete: red-white/ красный-белый/ **לבן-אדום** (revolutionary vs. anti-revolutionary); red - blue/ **כחול-אדום** (alien vs our - the antonymy military metaphor). According to Bolotina & Shabasheva (2011) the red-white antonymy is intrinsic) in Russian language culture.

5. **Prestige, celebration, holiday:** cut (through) (the) red tape / перерезать красную ленточку/ **אדום לגזור סרט** (grand official opening); put out the red carpet/расстелить красную дорожку / **לשים אדום** (respectful attitude to the important person and sometimes a really red carpet); red-letter day / красный день календаря (Russian, English - a day off that marked in red color in calendar).

6. **Euphemism for Sex (common):** the red-light district/квартал красных фонарей/ **הרובע האדום** (sex workers area) but surprisingly, we didn't find RIs as a symbol of femininity, love, or eroticism.

7. **Red object's color:** red-black search tree / красно-черное дерево поиска / **שחור-עץ אדום** (modern, binary search tree for organizing fragments of text or numbers) ; Red Rock/ красная скала / **הסלע האדום** (Sandstone, in red coloration) ;Red Everlasting / **דם המכבים** (Maccabees red

blood is a legend about a drop of blood that spilled on the ground in the place where flowers grew, Russian – бессмертник /immortelle, an noncolor equivalent); red / אדום (Russian – рыжий, ginger, another hue); red / אדום (Indian); red meat (בשר אדום) / beef –in opposite to white meat, a euphemism for pork , in Jewish religious prescriptions the meaning allowed - forbidden; יבל דרוםפסט אדום (Southern Red Festival - massive excursions to the Negev during the red anemones bloom in early spring); the Red Sea / Эйллатское , Красное море / הים האדום (due to seasonal blooming of red microscopic algae).

Optical red explains the motivation and etymology of the many RIs: a ruddy or angry face, blood and fire events, a painful rash, a visual symbol of the Red Cross Movement, a traffic lights, a revolution flag, a grand opening ribbon, an honor carpet, a holiday in the calendar and lanterns of the notorious quarter. New technologies and computer English idioms have become international because of globalization. Innumerable RIs, red is opposite to green, white, blue, and black.

3.2 Extra-associative RIs (not included in associative chains)

This section identified 11 English, 5 Russian, and one Jewish extra-associative RIs that not included in associative chains because of its unique meanings that linked to the country's and nation's history and culture.

English: to paint the town red (noisy fun); a red herring (a distraction that refers to the practice of using a fragrant smoked fish to distract hunting dogs from the track); Red Nose Day (charity events in England); red tape (government bureaucracy); redneck (a farmer from a small town); red hot (a spicy food); not a red cent (money difficulties), to be in the red/red phrase (a loss, a debt), come out of the red (to stop the money problems); a red and blue pill (antonymy - truth or blissful ignorance).

Russian: Красная площадь (the main square - the name from the 17th century); красная рыба (sturgeon family fish); красное словцо (witty, apt expression); красная строка (a new paragraph in ancient times ornamented with multi-colored letters); красный диплом (red diploma- honors degree); долг платежом красен (debt payment is red - is good for both sides).

The historical connotations of the red lexeme, according to Bakhilina (1975: 162–163), are lovely, beautiful, precious, best, high-quality, and noble, and the English term red ticket item (valuable) is equal to this Russian meaning. Kulinskaya (2015: 130) named this RIs: national color idioms.

Hebrew: בימודא הלעם (red climb or city on the side of a mountain near Jerusalem).

Discussion and Conclusions

Based on the examination of 43 English, 31 Russian, and 18 Hebrew RI, uniting them in the trilingual associative chains, then organizing seven RI microsystems and indicating the trilingual extra-associative RI, the following conclusions could be made.

1. In quantitative terms, English RIs prevail, followed by Russian and Hebrew RIs.
2. There are more equivalent idioms in English & Hebrew than in English & Russian; Russian and Hebrew obviously due to the close countries' and peoples' ties: (English, Hebrew, red - blue, alien-ours; English, Russian - the red day of the calendar). Accordingly, the idiom red-blue, alien-ours own is a lacunar for Russian, and in red (losses and debts) is a lacunar for Russian and Hebrew.
3. There are many trilingual equivalent RIs and their number is growing due to the globalization of the world community: red-green antonymy, red-black search tree.
4. The symbolization of phenomenon in many, if not most RIs based on it an optical red color.

5. The multiple RIs meanings could be organized within seven microsystems: 1. Color of blood - health, vitality, energy, activity; inflammation, sickness; medical, humanitarian help; nervous excitement, embarrassment, shame, irritation; anger, rage, fury, aggressiveness; crime, murder, guilt. 2. Flame, fire, importance, attractiveness. 3. Danger, alarm, warning; prohibition, limit, boundary; prohibition, limit, boundary; Red-Green (dangerous - safe, forbidding - permissive, prohibition - permissive, negative-positive, impossible - possible, no - yes). 4. Revolution, socialism, communism, extremism, anarchism, leftist ideologies. 5. Prestige, celebration, holiday. 6. Sex. 7. Red object's color.

6. RI is characterized by ambiguity (red zone / *הזונה בעילה* -; in computing - no modification zone; stock exchange falling shares); red and blue (English - the truth of life and a military term) /

7. The RI meanings may differ in different languages: red – white (Russian – revolutionary-anti-revolutionary; Hebrew - permitted - prohibited meat).

8. RIs could belong to several microsystems at the same time: red light (English, danger, and attractiveness); red-blooded (vitality, energy, activity, and sex); red as fire (color of blood and flame).

9. We found extra-associative 11 English, 6 Russian, and 3 Hebrew RI with the meaning that does not adjoin to any associative chains. Usually, they are unique for only one language: red tape (English- bureaucracy).

10. RIs form an antinomy with different colors: red-green, red-black (international symbols), red-white (different meanings in Russian, Hebrew), and red-blue (English, Hebrew).

11. RIs actively form global neologisms in computer technology, the stock market, the coronavirus pandemic and demonstrate the importance of RI in modern languages and linguistic culture, for example, the red-green antonymy (ban vs permission, dangerous vs safe, stranger's vs ours, negative vs positive).

12. Over time, RIs acquires new meanings: red light (English, prohibition of movement-attractiveness); red zone (Russian, administrative territory- no modification zone computers, stock exchange falling shares).

13. Earlier, English was characterized by CIs with polarized connotations (murder - medical care), in Russian, they were connotatively positive, and in Hebrew, they were connotatively neutral. Today, the lexeme red has more positive meanings in the English language than before and serves as an informative rather than an emotional symbol.

Further research on antonymy in three languages, concepts of other colorative idioms versus RI, describing the didactic use of this material in translation, and teaching a second language for both children and adults are promising.

Литература

1. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. 1975. М.: Наука, 146 с.
2. Болотина М.А., Шабашева Е.А. Символика цвета в русском и английском языках [Электронный ресурс] // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2011. № 2. С. 7-12. URL: <https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/04f/mhbhmkrtzfegksz,%20ou.%20ty.%20reknaajmzyrhk%20yisf.pdf> (дата обращения: 03.04.2021).
3. Вострикова А.Н., Леонова Д.Ю. Символика цветов в китайском и русском языках. // Материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием «Философия и наука в культурах Запада и Востока» (г. Томск, 6–7 июня). Томск: ТГУ, 2018. С.15-18.

4. *Гатауллина Л.Р.* Роль цветообозначений в концептуализации мира: На материале фразеологизмов английского, немецкого, французского, русского и татарского языков: дисс. ... канд. филол. наук. У., 2005. 234 с.
5. *Гуз Ю.В.* Экспериментальное исследование базовых концептов цвета: на материале русского, английского, немецкого и китайского языков: дисс. ... канд. филол. наук. Б., 2010. 487 с.
6. Карта словосочетания «красная черта» // Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс] URL: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%B0%D1%8F+%D1%87%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0> (дата обращения: 03.04.2021).
7. *Кулинская С.В.* Фразеологические единицы и пословицы с компонентом «Красный цвет» и их отражение в языковой картине мира (на примере русского, английского и французского языков) [Электронный ресурс] // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. Том 27. № 1. С.129-132. URL: https://mvd.ru/upload/site119/folder_page/003/494/680/v-2015-127-retraktsiya.pdf (дата обращения: 03.04.2021).
8. *Матвеева Л.А.* Фразеологизмы с компонентом «красный» / «red» в русском и английском языках [Электронный ресурс] // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2020. Том 65. № 2. С. 60-65. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/328802974.pdf> (дата обращения: 03.04.2021).
9. *Найдич Л.* Выбор языка, переключение кода, лексические заимствования. Русский язык эмигрантов последней волны в Израиле // Русскоязычный человек в иноязычном окружении / Под ред. А.Мустайоки, Е.Протасова. Х.: Изд-во университета Хельсинки, 2004. С.108-122.
10. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. 2003. М.: Флинта: Наука, 320 с.
11. *Онякова А.Л., Ружицкий И.В.* Цепочка ассоциаций как лингвометодическая категория [Электронный ресурс] // Вопросы психолингвистики. Языкознание и литературоведение. 2016. Том 27. № 1. С. 186-193. URL: <https://iling-ran.ru/library/voprosy/27.pdf> (дата обращения: 03.04.2021).
12. *Тихонов А.Н., Ломов А.Г.* Фразеологический словарь русского языка. 2007. М.: Русский язык – Медиа, 338 с.
13. *Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка: прим. 13000 фразеологизмов. 3-е изд. исправлено. 2008. М.: Астрин: АСТ, 878 с.
14. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс] URL: [https://rus-phraseology dict.slovaronline.com/search?s=%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B9](https://rus-phraseology.dict.slovaronline.com/search?s=%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B9) (дата обращения: 03.04.2021).
15. *Bat-Zeev Shyldkrot H.* Part I: Language and Discourse // Perspectives on Language and Development: Essays in Honor of Ruth A. Berman. 2004. D., B., L.: Kluwer Academic Publishers. P. 90.
16. English Idioms with “Red” // Idioms, Expressions, Vocabulary. 2019. URL: <https://blog.iec-dvc.edu/english-idioms-with-red/> (дата обращения: 03.04.2021).
17. *Pastoureau M.* Red: The History of a Color. 2017. P.: Princeton University Press, 216 p.
18. Red - Idioms // The Free Dictionary. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/red> (дата обращения: 03.04.2021).

19. The Cambridge English Dictionary URL:

<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/red?q=+red> (дата обращения: 03.04.2021).

20. Yakovleva S., Fliginskikh E., Kazyro G., Pershina M., Soldatkina T. The Category of Colour Naming in English, German and Mari Idioms // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. № 3. P. 33-40. DOI:10.5901/mjss.2015.v6n3s7p33

21. מילים-רב | מילון עברי-עברי (Многословие | Словарь иврита) URL: ravmilim.co.il (дата обращения: 03.04.2021).

22. מילוג (Милог) URL: <https://milog.co.il/> (дата обращения: 03.04.2021).

23. אדום ויקימילון (Красный. Викисловарь) URL: <https://he.wiktionary.org/wiki/%D7%90%D7%93%D7%95%D7%9D> (дата обращения: 03.04.2021).

24. במקרא צבעים. (Цвета в Библии.) URL:

https://he.wikipedia.org/wiki/%D7%A6%D7%91%D7%A2%D7%99%D7%9D_%D7%91%D7%9E%D7%A7%D7%A8%D7%90 (дата обращения: 03.04.2021).

References

1. Bakhilina N.B. *Istoriya tsvetooboznachenii v russkom yazyke*. 1975. Moscow: Nauka, 146 p. (In Russ.).

2. Bolotina M.A., Shabasheva E.A. Simvolika tsveta v russkom i angliiskom yazykakh // *Vestnik BFU im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya*=*Bulletin of the BFU named after I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology*, 2011, no. 2, pp. 7-12. Available at: <https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/04f/mhbhmkrtzfeqsz,%20ou.%20ty.%20reknajmzyrhk%20yisf.pdf> (Accessed 03.04.2021). (In Russ.).

3. Vostrikova A.H., Leonova D.Yu. Simvolika tsvetov v kitaiskom i russkom yazykakh. *Materialy Vtoroi Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Filosofiya i nauka v kul'turakh Zapada i Vostoka"* (g. Tomsk, 6–7 iyunya, 2018 g.). Tomsk: Publ. TGU, pp. 15-18. (In Russ.).

4. Gataullina L.R. Rol' tsvetooboznachenii v kontseptualizatsii mira: Na materiale frazeologizmov angliiskogo, nemetskogo, frantsuzskogo, russkogo i tatarskogo yazykov. Diss. kand. filol. nauk. Ufa, 2005. 234 p. (In Russ.).

5. Guz Yu.V. Eksperimental'noe issledovanie bazovykh kontseptov tsveta: na materiale russkogo, angliiskogo, nemetskogo i kitaiskogo yazykov. Diss. kand. filol. nauk. Barnaul, 2010. 487 p. (In Russ.).

6. Karta slovosochetaniya «krasnaya cherta». *Karta slov i vyrazhenii russkogo yazyka*. Available at: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%B0%D1%8F+%D1%87%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0> (Accessed 03.04.2021). (In Russ.).

7. Kulinskaya S.V. Frazeologicheskie edynitsy i posloviy s komponentom «Krasnyi tsvet» i ikh otrazhenie v yazykovoï kartine mira (na primere russkogo, angliiskogo i frantsuzskogo yazykov). *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*=*Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015. Vol. 27, no. 1, pp. 129-132. Available at: https://mvd.ru/upload/site119/folder_page/003/494/680/v-2015-127-retraktsiya.pdf (Accessed 03.04.2021). (In Russ.).

8. Matveeva L.A. Frazeologizmy s komponentom «krasnyi» / «red» v russkom i angliiskom

- yazykakh. *Vestnik TvGU. Seriya: Filologiya=TvSU Bulletin. Series: Philology*, 2020. Vol. 65, no. 2, pp. 60-65. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/328802974.pdf> (Accessed 03.04.2021). (In Russ.).
9. Naidich L. Vybor yazyka, pereklyuchenie koda, leksicheskie zaimstvovaniya. Russkii yazyk emigrantov poslednei volny v Izraile. In A.Mustaioki, E.Protasova (ed.) *Russkoyazychnyi chelovek v inoyazychnom okruzenii*. Helsinki: Helsinki University Press, 2004. pp.108-122. (In Russ.).
10. Nelyubin L.L. *Tolkovyi perevodovedcheskii slovar'*. 2003. Moscow: Flinta: Nauka, 320 p. (In Russ.).
11. Onyakova A.L., Ruzhitskii I.V. Tsepochka assotsiatsii kak lingvometodicheskaya kategoriya. *Voprosy psikholingvistiki. Yazykoznanie i literaturovedenie=Questions of psycholinguistics. Linguistics and literary studies*, 2016. Vol. 27, no. 1, pp. 186-193. Available at: <https://iling-ran.ru/library/voprosy/27.pdf> (Accessed 03.04.2021). (In Russ.).
12. Tikhonov A.N., Lomov A.G. *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka*. 2007. Moscow: Russkii yazyk – Media, 338 p. (In Russ.).
13. Fedorov A.I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka: prim. 13000 frazeologizmov. 3-e izd. ispravleno*. 2008. Moscow: Astril: AST, 878 p. (In Russ.).
14. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka*. Available at: <https://rus-phraseology.dict.slovaronline.com/search?s=%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B9> (Accessed 03.04.2021). (In Russ.).
15. Bat-Zeev Shyldkrot H. Part I: Language and Discourse. *Perspectives on Language and Development: Essays in Honor of Ruth A. Berman*, 2004. Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers. P. 90.
16. English Idioms with “Red”. *Idioms, Expressions, Vocabulary*, 2019. Available at: <https://blog.iec-dvc.edu/english-idioms-with-red/> (Accessed 03.04.2021).
17. Pastoureaux M. Red: The History of a Color. 2017. Princeton: Princeton University Press, 216 p.
18. Red – Idioms. *The Free Dictionary*. Available at: <https://idioms.thefreedictionary.com/red> (Accessed 03.04.2021).
19. The Cambridge English Dictionary Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/red?q=+red> (Accessed 03.04.2021).
20. Yakovleva S., Fliginskikh E., Kazyro G., Pershina M., Soldatkina T. The Category of Colour Naming in English, German and Mari Idioms. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015. Vol. 6, no. 3, pp. 33-40. DOI:10.5901/mjss.2015.v6n3s7p33
21. מילים-רב | עברי-עברי מילון | מילון-רב (Mnogoslovie | Slovar' ivrita) Available at: ravmilim.co.il (Accessed 03.04.2021).
22. מילוג (Milog) Available at: <https://milog.co.il/> (Accessed 03.04.2021).
23. ויקימילון. אדום (Krasnyi. Vikislovar') Available at: <https://he.wiktionary.org/wiki/%D7%90%D7%93%D7%95%D7%9D> (Accessed 03.04.2021).
24. במקרא צבעים. (Tsveta v Biblii.) Available at: https://he.wikipedia.org/wiki/%D7%A6%D7%91%D7%A2%D7%99%D7%9D_%D7%91%D7%9E%D7%A7%D7%A8%D7%90 (Accessed 03.04.2021).

Информация об авторах

Кигель Тали, преподаватель центра «Бехахла», г. Петах-Тиква, Израиль, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4136-4711>, e-mail: kigelt@gmail.com

Кигель Т.
Контрастивный анализ красных идиом на английском,
русском языках и на иврите
Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 103–112.

Kigel T.
Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew
Red Idioms
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 103–112.

Information about the authors

Kigel Tali, teacher in Behazlaha-center, Petah-Tikva, Israel, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4136-4711>, e-mail: kigelt@gmail.com

Получена 01.05.2021
Принята в печать 14.05.2021

Received 01.05.2021
Accepted 14.05.2021